

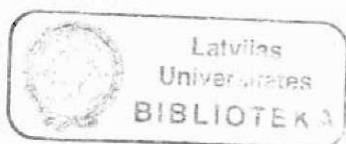
100

**БОРЬБА
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
НА ОДРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
Межвузовский сборник научных трудов

Под ред. С.К.Граужиниса

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1980

В настоящий сборник научных трудов включены научно-исследовательские работы членов кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, а также практических работников органов юстиции, посвященные различным проблемам борьбы с преступностью и совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в свете новой Конституции СССР и Латвийской ССР. В сборнике рассматриваются и некоторые дискуссионные вопросы криминологии и криминалистики.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, студентов старших курсов, а также практических работников, интересующихся проблемными вопросами теории советского уголовного права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА: С.К.Граужинко (отв.ред.),
проф.М.Блум, А.Рейгас

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им.П.Стучки от 27 июня 1980 года

Б II002-106y 102-80.1203 100 000
М 812611)-80

© Латвийский
государственный
университет
им.П.Стучки, 1980

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Правильное решение вопросов совокупности преступлений имеет первостепенное значение для правоприменительной деятельности. Поэтому вполне оправдана заинтересованность советских ученых в решении проблемы совокупности преступлений в целом и различных ее аспектов как в плане квалификации этих преступлений, так и в плане назначения наказания за их совершение.

По вопросам совокупности преступлений в последнее время опубликовано много работ монографического характера и научных статей.¹

¹ См.: Стручков Н.А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1967; Яковлев А.М. Совокупность преступлений. М., 1960; Шонтоковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961; Трешеладзе Г.Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961; Шнейдер М.А. Назначение наказания. М., 1961; Никифоров А.С. Об ответственности за совокупность преступлений. — Советское государство и право, 1961, № 5; Фролов Е.А., Ефимов М.А. Квалификация преступлений по совокупности. — Советская юстиция, 1963, № 6; Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963; Закутский С.Г. Практика назначения наказания при совершении нескольких преступлений. — В кн.: Научные труды, вып. 267; Никифоров А.С. Совокупность преступлений. М., 1965; Галакбаров Р., Ефимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. — Советская юстиция, 1967, № 2; Дагель П.С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969; Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений. — В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972; Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974.

По ряду вопросов в науке советского уголовного права до настоящего времени существуют разногласия. Разногласия вызывает законодательное определение понятия совокупности преступлений: некоторые ученые под совокупностью преступлений понимают совершение преступлений, предусмотренных только в различных статьях УК; по мнению других, понятием совокупности преступлений охватываются также и преступления, предусмотренные в различных частях одной и той же статьи.¹ Разногласия имеются и в определении признаков понятия совокупности преступлений,² а также само определение института совокупности решается учеными по-разному.

Трудно согласиться с В.П. Малковым, который полагает, что совокупность преступлений "имеет место тогда, когда предметом разбирательства судебно-следственных органов является совершение лицом двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона, ни за одно из которых оно не было осуждено и по которым не погашены юридические последствия либо не имеется процессуальных препятствий для уголовного преследования".³ Наличие или отсутствие совокупности преступлений в деяниях виновного — это факт объективной деятельности, который существует независимо от того, правильно ли квалифицированы действия виновного, т.е. является ли предметом разбирательства судебно-следственных органов совершение виновным двух и более преступлений или нет.

1 См.: Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, с.314; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с.285; Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений, с.29; Комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1966, с.95; Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, с.73.

2 См. Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974, с.27-45; Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений, с.7-45.

3. Малков В.П. Совокупность преступлений. с.45.

Различно решается в теории советского уголовного права вопрос об отнесении к совокупности одинаковых преступлений, совершенных на территории двух или более республик или в одной республике, но во время действия различных уголовных законов.

Споры вызывает оценка в качестве совокупности преступлений нескольких оконченных и неоконченных преступлений, совершенные одним лицом нескольких преступлений в соучастии, относящихся к одной и той же статье Особенной части УК, но при выполнении виновным различных функций соучастия, то есть при ссылке на различные части статьи 17 УК ЛатвССР.¹

Значительные разногласия вызывает разграничение реальной и идеальной совокупности преступлений, с одной стороны, и отдельного составного преступления, так называемой утвенной законом совокупности преступлений, с другой стороны.²

Единое решение этих и многих других спорных вопросов может быть обеспечено только путем совершенствования уголовного законодательства. Задача науки - помочь законодателю в правильном их решении.

Ошибка в правоприменительной практике объяснима главным образом тем, что в законе недостаточно четко определяется понятие совокупности преступлений, недостаточно полно описывается целый ряд составов преступлений (главным образом утвенные в законе реальная и идеальная совокупности преступлений).

Вместе с тем в практике правоприменительных органов в ряде случаев неправильно решаются вопросы совокупности преступлений, которые в теории советского уголовного права можно считать решенными и законодательная регламентация которых также не вызывает серьезных разногласий. Таких вопросов мы коснемся в настоящей статье.

¹ Малков В. П. Совокупность преступлений, с. 45.

² См. Малков В. П. Совокупность преступлений, с. 91-110; Кузнецова И. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности, М., 1958, с. 117; Понтоковский А. А., с. 646; Галлякберов Р.; Якимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права, с. 6; Погребняк И. Квалификация составных преступлений. - Советская юстиция, 1970, № 13, с. 24.

В науке советского уголовного права совершенно бесспорно установлено, что в случае совершения одним лицом нескольких преступных деяний оно должно нести ответственность за все эти деяния. Установление наличия реальной совокупности преступлений не может вызвать разногласий, если в самом законе четко перечислены все признаки каждого отдельного преступления.

Тем не менее в следственной и судебной практике зачастую допускаются ошибки при квалификации двух или более преступлений, когда описание признаков этих преступлений в законе не вызывает никаких сомнений и полностью обеспечивает правильное применение действующего законодательства.

Речь идет о бесспорных случаях реальной совокупности преступлений, о совершении одним лицом одновременно двух и более различных по своему составу преступлений до вынесения приговора хотя бы за одно из них, то есть о совершении нескольких преступлений, каждое из которых соответствует признакам самостоятельной статьи УК союзной республики.

Изученная нами судебная практика республики за значительный отрезок времени свидетельствует о том, что следственные органы и суды по некоторым категориям преступлений без всякого основания отказываются от признания совокупности преступлений в действиях лица. Виновные привлекаются к уголовной ответственности только за одно преступление, в то время как в их действиях наличествуют два и более преступления. Причем иногда лицо привлекается к уголовной ответственности за менее тяжкое из всех совершенных им преступлений, а более тяжкое остается без внимания.

Такая квалификация преступлений искажает социальную сущность преступлений и ослабляет борьбу с преступностью.

Среди изученных нами дел особое внимание в плане квалификации совокупности преступлений привлекли некоторые категории преступлений.

На скупочные базы торговых организаций нередко сдаются различные вещи, похищенные у граждан. В тех случаях, когда эти вещи изымаются и возвращаются владельцу, скупочной базе причиняется материальный ущерб. Виновное лицо путем обмана, выдав вещь за свою, безвозмездно завладело денежными средствами, принадлежащими государственной организации. Од-

нако в этих случаях преступление квалифицируется, как правило, только как кража личного имущества; виновный привлекается к ответственности по статье 139 УК ЛатвССР, а от ответственности за более тяжкое преступление - хищение государственного имущества - виновный необоснованно освобождается.

Так, например, М. совершил кражу шубы у гражданки Ц. Затем он реализовал краденую шубу окупочной базе торга, где шуба была изъята и возвращена Ц. Действия М. были квалифицированы только по ч.1 ст.139 УК Латвийской ССР как кража личного имущества гражданки Ц., за которую предусмотрено лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до одного года. Между тем М., реализовав шубу окупочной базе торга и обратив в свою пользу полученные за нее государственные денежные средства, совершил еще второе, притом более тяжкое преступление - хищение государственного имущества путем мошенничества, совершенного повторно, за которое предусмотрено лишение свободы на срок до шести лет. Об ответственности за это преступление М. оказался необоснованно освобожденным, так как следственные органы и суд не обратили внимания на совокупность преступлений.

Такая квалификация не отражает социальную сущность и общественную опасность совершенных М. преступлений, не обеспечивает должной охраны социалистической собственности, неправильно ориентирует органы, занимающиеся профилактикой преступности.

Изучение судебной практики дало возможность выявить еще одну категорию дел, когда следственные и судебные органы без основания умахивают в действиях виновного состав только хищения государственного имущества, хотя виновный, реализуя похищенное государственное имущество, совершает и другое самостоятельное преступление.

Так, например, Б. похитил на заводе кровельное железо и продал его застройщику К., выдав железо за свое собственное якобы законно приобретенное им для личных нужд. У К. железо было изъято и возвращено заводу. Б. был предан суду и осужден за хищение государственного имущества путем кражи по ч.1 ст.85 УК Латвийской ССР, Мошеннические действия Б. в

отношения К. - получение от него денег за продажу ему вещи принадлежащего Б, железа, то есть путем обмана и злоупотребления доверием К., - остался без юридической оценки. И хотя К., безусловно, является потерпевшим от мошенничества, ибо имело место посягательство на личную собственность путем введения К. в заблуждение о правах собственности Б. на продаваемую им вещь, Б. не был привлечен к уголовной ответственности за совершенное преступление. Вместо совокупности преступлений Б. был привлечен к ответственности только за одно преступление.

В обоих упомянутых нами категориях дел правоприменительные органы не учли тот факт, что в результате преступных посягательств виновных причиняется вред различным группам социалистических общественных отношений.

Нет оснований отказываться от признания совокупности преступлений и в тех случаях, когда виновный совершает два или более самостоятельных преступления, посягающих на родственную группу социалистических общественных отношений. Речь идет о весьма распространенных случаях совершения краж личного имущества граждан и последующей продажи виновным похищенного имущества добросовестному покупателю под видом своего собственного имущества; изъятием у покупателя приобретенного имущества ему причиняется значительный материальный ущерб. Однако, как свидетельствует изученная нами судебная практика, виновный в этих случаях привлекается к уголовной ответственности только за совершенную им кражу личного имущества граждан. За второе опасное преступление - мошенничество он необоснованно освобождается от уголовной ответственности.

Например, Р. тайно похитил у Б. часы и продал их Л., скрыв от последнего, что часы им похищены. Приобретенные часы были у Л. изъяты и возвращены потерпевшему от кражи Б.

Таким образом Л. был причинен материальный ущерб в результате обманных действий Р., скрывшего от добросовестного покупателя Л., что часы добыты преступным путем.

Однако действия Р. были квалифицированы только по ч.1 ст.139 УК Латвийской ССР.

За более тяжкое преступление - повторное мошенничество он не был привлечен к уголовной ответственности, хотя ч.2 ст.

142 УК Латвийской ССР предусматривает более строгое наказание - лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества или без таковой.

В судебной практике встречаются случаи, когда виновные совершают более двух преступлений, посягающих на социалистическую и личную собственность граждан. Но содеянное рассматривается как одно преступление и квалифицируется только по одной статье УК. Остальные же деяния не получают правовой оценки.

Так, например, Г. совершила кражу шкурок норки, принадлежащих гражданину В. Она попросила своего знакомого О. заложить эти шкурки в ломбард и получить под них ссуду, скрыв, что она добыта преступным путем. Г. объяснила О., что на свое имя ссуду получить не может, так как ею уже получены ссуды под другие предметы. Полагая, что шкурки принадлежат Г., О. выполняла ее просьбу и передала ей полученные в ломбарде деньги. Впоследствии краденные шкурки в ломбарде были изъяты и возвращены собственнику. Так как выданная под шкурки ссуда оказалась не обеспеченной залогом, ломбард приступил к взысканию ссуды с О., подписавшей заемное обязательство и числившейся ссудополучателем. С позиции ломбарда О. должна нести ответственность по заемному обязательству, выданному ей, независимо от того, получала ли она деньги для себя или для Г.

По этому делу Г. совершены три самостоятельных преступления, которые ей и надлежало инкриминировать: 1) кража шкурок у гражданина В. (ч.1 ст.139 УК Латвийской ССР); 2) хищение государственного имущества путем мошенничества, выразившееся в получении путем обмана денежных средств ломбарда под видом ссуды (ч.2 ст.89 УК ЛатССР); 3) мошенничество в отношении О., выразившееся в получении от нее обманным путем денег, выданных ломбардом по заемному обязательству, оказавшемуся не обеспеченным залогом и повлекшему гражданско-правовую ответственность О. перед ломбардом (ч.2 ст.142 УК ЛатССР). Но вся совокупность преступных действий Г., направленная против личной собственности двух лиц и против государственной собственности, не получила надлежащей оценки со стороны следственных органов и суда, в результате чего Г. отделалась лишь ответственностью за кражу шкурок.

Неправильная квалификация действий Г. привела к тому, что была искажена социальная сущность совершенных ею преступлений, не были вскрыты в полном объеме общественная опасность самой Г. и ее деяний.

Кроме нарушения интересов социалистической законности и ослабления борьбы с преступностью, неправильная квалификация преступлений приводит к целому ряду других искажений.

Так, во всех приведенных нами примерах происходит ничем не оправданное смещение уголовно-процессуальных понятий потерпевшего и гражданского истца.

По делу Б., похитившего на заводе кровельное железо и продавшего его застройщику К., виновный был привлечен к ответственности за преступление, посягающее на социалистическую собственность, а в качестве потерпевшего и гражданского истца выступал покупатель железа — гражданин К. Завод гражданского иска не предъявил, так как похищенное железо ему было возвращено.

Обратная ситуация создавалась по делу М., совершившего кражу шубы у гражданки Ц. и реализовавшего ее скупочной базе торга. В этом случае М. был привлечен к ответственности за кражу личного имущества гражданки Ц., а гражданским истцом по делу была признана скупочная база торга. Ц. гражданского иска не предъявила, так как шуба ей была возвращена. Здесь государственная организация оказалась гражданским истцом по делу, по которому обвинение предъявлено за преступление, посягающее на личное имущество граждан.

Но и по делу Р., укравшего часы у Б. и продавшего их Л., виновный был осужден за кражу личного имущества гражданина Б., а гражданским истцом по делу признан добросовестный покупатель Л. на сумму, уплаченную им вору при покупке часов.

Характерным для всех приведенных дел является то, что в качестве гражданского истца выступает не то лицо или организация, на имущество которых посягал подсудимый, совершая виновное ему в вину преступление, а другое лицо или организация, ущерб которым причинен виновным подсудимому преступлением, а последующими действиями подсудимого, то есть совершением им нового самостоятельного преступления,

не охватываемого составом вменяемого ему преступления.

Такое положение вряд ли соотносится с процессуальным законом, согласно которому гражданским иском признается лицо или организация, понесшее материальный ущерб от преступления (ст. 25 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Разумеется, здесь имеется в виду то преступление, по которому подсудимый предан суду по данному делу. Вместе с тем ясно, что во всех приведенных случаях материальный ущерб причинен гражданским истцам не теми преступлениями, за которое привлечен к ответственности подсудимый, а совершенным им впоследствии другим самостоятельным преступлением.

В приведенных нами примерах материальный ущерб в конечном итоге был причинен не кражами государственного или личного имущества, которые были инкриминированы вменяемому, а последующей реализацией им краденного имущества. Однако в сложившейся практике следственных и судебных органов по рассмотренной нами категории дел действиям вора по реализации им краденного имущества самостоятельная уголовно-правовая оценка не дается. Обвинение огравививающегося вменяемым вору только самой кражи.

Между тем вор, продавая добросовестному покупателю краденную вещь или сдавая такую вещь в ломбард и получая под нее ссуду, совершает обман и путем этого обмана завладевает имуществом покупателя в виде уплаченных ему при покупке вещи денег или полученных обманным путем денежных средств, выданных по взаимному обязательству под видом ссуды. Этим вор совершает новое преступление - мошенничество или хищение путем мошенничества, которое и должно самостоятельно квалифицироваться, независимо от обвинения в совершении самой кражи.

Если обманутым покупателем является гражданин, совершенное в отношении него мошенничество должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 142 УК ЛатвССР, наряду с обвинением в краже. В таком случае вполне оправдано привлечение покупателя в качестве потерпевшего и гражданского истца, независимо от того, продаю ли ему имущество, похищенное в социалистической организации или у другого гражданина. Если же обману-

той оказывается социалистическая организация (как в случае со скупочной базой торго или ломбардом), то совершенное воров мошеничество в отношении этой организации должно квалифицироваться по ч.2 ст.89 УК ЛатвССР, наряду с обвинением в краже. В таком случае также оправдано привлечение этой организации в качестве гражданского истца по делу, хотя предметом кражи было имущество, принадлежащее гражданину.

В чем же причина ошибочного применения в данных случаях уголовно-правового законодательства со стороны правоприменительных органов, которое приводило также к смещению уголовно-процессуальных понятий потерпевшего и гражданского истца?

Мы полагаем, что неправильная квалификация содеянного, непризнание реальной совокупности преступлений в перечисленных случаях объясняется неправильной оценкой момента окончания похищения личного имущества граждан или хищения социалистического имущества.

Похищение любого имущества является окончанным преступлением с момента изъятия имущества у его владельца, когда виновный получил возможность этим имуществом владеть и распоряжаться. Если лицо, похитившее личное или социалистическое имущество, при реализации похищенного совершает дальнейшие преступные действия, то они должны инкриминироваться ему самостоятельно, наряду с похищением.

Это позволит дать надлежащую оценку повышенной опасности лица, совершившего реальную совокупность преступлений, будет способствовать более эффективной борьбе с такого рода преступлениями и более успешной профилактической работе, а равно более полному обеспечению охраны законных интересов жертв мошеничества.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ПОВТОРНОСТИ
КАК РАЗНОВИДНОСТИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Понятием множественности преступлений охватываются все случаи, когда одно лицо совершает два или более преступлений. При этом имеется в виду, что каждое из преступлений лицу предъявляется в обвинении и исследуется в судебном заседании; что ни по одному из них не истекли сроки давности, не снята или не погашена судимость.¹ Но между этими преступлениями могут быть различия по их содержанию, по времени их совершения. Так, например, лицо может совершить несколько преступлений одновременно или разновременно. Преступления могут быть совершены до вынесения приговора суда по какому-нибудь одному из них. Эти преступления могут быть однородными, но могут быть и разнородными. Возможны, наконец, случаи, когда лицо за совершение одного или нескольких преступлений уже было осуждено, но после вынесения приговора совершает еще и другое преступление. Учитывая эти особенности, из общей массы множественности преступлений выделяют некоторые ее формы, или разновидности.

Такими разновидностями множественности преступлений следует считать совокупность, повторность и рецидив преступлений.

По вопросу о разновидностях (видах или формах) множественности преступлений в теории уголовного права высказываются разные мнения. Так, А.М.Яковлев, Г.Т.Ткешелидзе, П.С.Дагель считают, что формами проявления множественности

¹ В литературе обоснованно отмечается, что "при совершении лицом, освобожденным от уголовной ответственности, нового преступления и возникновения вопроса о повторности обстоятельства ранее совершенного преступления должны исследоваться в полном объеме". - Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Совершенствование советского уголовного законодательства на современном этапе. - Советское государство и право, 1978, № 12, с.17.

преступлений являются совокупность, повторность и рецидив.¹ В монографии, специально посвященной исследованию рецидивной преступности, А.М.Яковлев писал: "Рецидив преступлений по существу и законодательной форме представляет собой одну из важнейших разновидностей случаев множественности преступных деяний (к числу которых, кроме рецидива, относятся также совокупность преступлений и повторность)".²

Несколько другой точки зрения придерживается В.Н.Кудрявцев, который, кроме совокупности (идеальной и реальной), повторности и рецидива, выделяет в качестве формы множественности преступлений еще и неоднократность.³

Р.Галиакбаров, М.Эфимов и Е.Фролов назвали лишь две формы множественности преступлений - повторность преступных деяний и совокупность преступлений, рассматривая при этом рецидив как вид повторности.⁴

В дальнейшем Р.Р.Галиакбаров высказал мнение, что видами множественности преступлений следует считать повторение преступных деяний и совокупность преступлений. Повторение преступлений, по его утверждению, далее делится на две формы - повторность и рецидив.⁵

В свою очередь, В.Н.Малков, посвятивший ряд работ исследованию проблемы множественности преступлений и форм ее проявлений, считает, что основными формами множественности преступлений являются идеальная совокупность и повторность. При этом повторность, по мнению В.П.Малкова, далее

1 См.: Яковлев А.М. Совокупность преступлений. М., 1960, с.5; Ткешеладзе Г.Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961, с.3; Дагель П.С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969, с.3.

2 Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью, М., 1964, с.7.

3 См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с.284.

4 Галиакбаров Р., Эфимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. - Советская юстиция, 1967, № 2, с.5.

5 См.: Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. проф. Н.А.Бедяева и проф. М.И.Ковалева. М., 1977, с.297-300.

подразделяется на неоднократность и систематичность преступлений, совершение преступлений в виде промисла, реальную совокупность и рецидив.¹

Еще дальше по этому пути пошел А.Л. Цветинович, по существу полностью отождествляя понятие множественности преступлений с понятием повторности. Рецидив рассматривается им в качестве одного из видов повторности.²

Рецидив как одну из разновидностей повторности выделяет также Б.А. Куринов.³

Рассматривая взгляды различных авторов, нетрудно убедиться, что чрезмерно широкая трактовка уголовно-правового понятия повторности представленной (при включении в него как рецидива, так и совокупности) может привести в конечном итоге к отождествлению повторности и множественности преступлений.

Нет сомнений, что понятия совокупности, повторности и рецидива преступлений очень близки друг другу, но вместе с тем каждое из них имеет свою специфику. Данное обстоятельство дает возможность отграничивать эти понятия друг от друга, при этом имея в виду, что в конечном счете любое сочетание совокупности, повторности или рецидива преступлений всегда одновременно обрывает и множественность их. Отграничение друг от друга отдельных видов множественности преступлений необходимо для того, чтобы четко определить характерные признаки каждого вида. Это имеет существенное значение и для практики борьбы с преступностью; для осуществления эффективного воздействия на наиболее злостных нарушителей социали-

¹ Малков В.П. Повторность преступлений. Казань, 1970; Малков В.П. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. М., 1974; Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974.

² Цветинович А.Л. О содержания и соотношения понятий видов множественности преступных деяний. - В кн.: Развитие гражданского, уголовного и процессуального законодательства в советских республиках Прибалтики (1940-1975). Тезисы докладов республиканской научной конференции. Рига, 1975, с. 40.

³ См.: Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976, с. 162.

тического правопорядка, упорно не поддающихся исправлению и перевоспитанию.

Думается, что понятия совокупности, повторности и рецидива преступлений находятся с понятием множественности преступлений в отношении части и целого, отдельного и общего. "Общее, — писал В.И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)".¹ Таким образом, существование общих понятий не исключает возможности существования отдельных конкретных понятий, а предполагает их.

Из числа упомянутых нами разновидностей множественности преступлений в теории уголовного права более широко рассмотрено понятие совокупности преступлений.² Под совокупностью преступлений понимается совершение двух или более преступлений до вынесения приговора суда хотя бы за одно из них. Понятие совокупности преступлений дается в законе в связи с регламентацией вопроса о назначении наказания при совершении нескольких преступлений одним и тем же лицом (ст.36 УК Латвийской ССР).

Под рецидивом как разновидностью множественности преступлений следует понимать совершение нового преступления после осуждения и при наличии судимости за ранее совершенное преступление.

1. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.29, с.318.

2. См.: Стручков Н.А. Назначение наказания по совокупности преступлений. М., 1957; Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960; Ткешелидзе Г.Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961; Никифоров А.С. Совокупность преступлений. М., 1965; Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений. — В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972; Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974; Тяжлевич И.С. Совокупность преступлений. — Правоведение, 1979, № 1, и др.

В теории уголовного права и судебной практике различаются два вида совокупности преступлений - идеальная и реальная. Под идеальной совокупностью преступлений понимаются случаи, когда в совершенном лицом одном действии или бездействии содержатся признаки двух или более преступлений (например, умышленное убийство, совершенное при разбойном нападении). Под реальной совокупностью понимаются случаи, когда лицо совершает несколько преступлений различными действиями, чаще всего отделенными друг от друга определенным промежутком времени (например, после совершения кражи личного имущества гражданин лицо учитывает хулиганские действия). Иногда реальная совокупность может иметь место и при одновременном выполнении одним лицом двух преступлений, одно из которых является длящимся (например, совершение незаконной охоты лицом, незаконно хранящим огнестрельное оружие).

Реальная совокупность преступлений более тесно сопрягается с другим рассматриваемым понятием - повторностью преступлений. Как указывает В.Н. Кудрявцев, "повторность и совокупность - пересекающиеся понятия".¹ Однако, как уже отмечалось выше, оба эти вида множественности преступлений имеют свои особенности, различия. Прежде всего, совокупности преступлений не будет, если хотя бы за одно из них вынесен приговор суда. Повторность же преступлений охватывает случаи совершения определенных преступлений как до вынесения приговора за них, так и после того, как за одно или несколько из них уже вынесен приговор. Но даже в случаях, когда все преступления совершены до вынесения приговора, можно установить различия обоих институтов, отграничить их друг от друга.

Уголовный закон в ряде случаев связывает с понятием повторности квалификацию преступных деяний виновного лица. В ряде статей Особенной части УК Латвийской ССР предусмотрено усиление ответственности за повторное совершение "тех же деяний", т.е. повторное совершение преступления, указанного в статье (например, ч.ч.2 и 4 ст.152, ч.2 ст.159, ч.2 ст.161 УК Латвийской ССР и др.). В этих случаях повторность

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений, с.310.

образуется сочетанием тождественных преступлений.¹ Таким же образом повторность возникает в случае совершения лицом нескольких тождественных преступлений, когда повторное совершение такого преступления не предусмотрено в законе в качестве квалифицирующего признака преступления. Случаи подобной повторности преступлений нередко встречаются в судебной практике. Так, П. был привлечен к уголовной ответственности за совершение развратных действий в отношении малолетней девочки. В ходе расследования дела выяснилось, что П. немного ранее совершил также развратные действия в отношении другой девочки. Следственными органами было предъявлено обвинение П. по обоим эпизодам совершения развратных действий и он впоследствии был осужден народным судом по ст. 123 УК Латвийской ССР.

Особенность квалификации нескольких самостоятельных тождественных преступлений, совершенных одним лицом, является то, что все содеянное квалифицируется лишь по данной статье (или части статьи) уголовного закона как одно преступление. Фактическое наличие множественности преступлений, образующее повторность в преступном поведении виновного лица, здесь учитывается или как обстоятельство, отягчающее ответственность виновного при назначении ему наказания, или как основание для квалификации всего содеянного по статье (части статьи), по которой предусмотрена более строгая ответственность за повторное совершение преступлений.

Из текста ряда статей уголовного закона вытекает, что повторность как квалифицирующий признак образуется не только на тождественных преступлениях. Грабеж, например, признается повторным, если ему предшествовало совершение кражи.

¹ Под тождественными, как справедливо отмечается в юридической литературе, следует понимать также преступные деяния, которые совпадают по наиболее существенным юридическим признакам в рамках простого (без отягчающих обстоятельств) состава. См.: Галмакбаров Р., Ефимов М., Фролов В. Известность преступных деяний как институт советского уголовного права, с. 5.

Об этом специально указывается в законе. Так, в ч. IV ст. 85 УК Латвийской ССР говорится, что повторным в статьях 85-86, 88-89 признается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какие-либо из преступлений, предусмотренных этими и некоторыми другими статьями УК Латвийской ССР. Подобное указание содержится и в ст. 139 УК Латвийской ССР, предусматривающей ответственность за кражу личного имущества граждан. Анализ текста статей уголовного закона позволяет прийти к выводу, что законодателем в ряде случаев в качестве повторности преступлений признается и одновременное совершение сходных по своей направленности преступлений, имеющих в теории уголовного права и в практике однородными преступлениями.¹

Другого рода указаний на повторность преступлений в уголовном законе не имеется. Следовательно, можно прийти к выводу, что понятие "повторности преступлений" законодателем употребляется лишь в тех случаях, когда регламентируются вопросы квалификации тождественных или однородных преступлений.

Правда, в юридической литературе нередко встречаются высказывания, что повторность как форма множественности преступлений может быть образована не только тождественными или однородными, но и разнородными преступлениями.² В связи с этим наличие повторности преступлений усматривается во всех без исключения случаях одновременного совершения двух или более единичных преступлений. Таким образом, рецидив преступлений всегда будет совпадать с их повторностью; повторность преступлений всегда будет при наличии их реальной совокупности.

¹ В литературе дано следующее определение понятия однородности преступлений: "Однородными являются преступления, посягающие на одинаковые или сходные непосредственные объекты и совершенные с одинаковой формой виновности (оба умышленно или оба по неосторожности)". - Кудрявцев В., Северин П. К понятию однородного преступления. - Советская юстиция, 1961, № 10, с. 13.

² Подробно об этом см.: Малков В. П. Повторность преступлений. Казань, 1970; Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань, 1974.

Безусловно, в самом широком смысле слова, о повторности (повторном, вторичном, последующем совершении преступления) можно говорить при совершении любого нового преступления. Употребление этого слова в подобном смысле нередко можно встретить не только в литературе, но и на практике, что, на наш взгляд, в принципе не может вызвать возражений. В самом деле, говоря о повторном совершении преступления вообще, мы всегда имеем в виду разновременное совершение двух или более самостоятельных преступлений, не обращая при этом внимание на однородность или разнородность их, на наличие или отсутствие приговора за одно или часть из этих преступлений. Но это допустимо до тех пор, пока мы употребляем общее значение повторности событий (в данном случае — преступлений) непосредственно не связывая его с положениями уголовного законодательства и не сопоставляя это понятие с другими институтами уголовного права.

Представляется, что в столь широком смысле вместе термина повторности можно использовать и другие названия разновидностей множественности преступлений. Так, например, И.М. Гальперин совершенно обоснованно указывает, что "в широком смысле под преступником-рецидивистом можно понимать лицо, которое, по крайней мере, во второй раз совершает преступление".¹ Представляется даже возможным заменять столь широкую трактовку понятия повторности преступлений столь же широко трактуемым понятием совокупности преступлений. В самом деле, разве не прав А.М. Яковлев, отмечавший: "Самым элементарным определением совокупности преступлений будет указание на тот факт, что лицо в данном случае совершает не одно, а два и более преступлений, что в его действиях можно усмотреть стечение нескольких единичных преступлений"² Если удовлетвориться столь общим определением понятия совокупности

¹ Гальперин И.М. Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью. — В кн.: Эффективность уголовноправовых мер борьбы с преступностью. М., 1968, с.214.

² Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. с.36.

преступлений, то нетрудно заметить, что оно охватывает не только то, что в уголовном праве полагается под совокупностью преступлений, но в все случаи повторности и рецидива, т.е. полностью совпадает с понятием множественности преступлений, которое, таким образом, оказывается ненужным. Однако в уголовном праве понятие совокупности преступлений придается специфический, более узкий смысл. Иной, а также более узкий смысл, чем указывалось выше, в уголовном праве придается понятию рецидива преступлений. Поэтому в уголовно-правовому понятию повторности преступлений следует придать более узкое значение: чтобы четче отграничить его от других равнозначных ему по классу видов множественности преступлений - совокупности и рецидива.

С социально-политической точки зрения та повторность преступлений, на которую указывается в уголовном законе, имеет свои особенности по сравнению с другими формами множественности преступлений. Повторность преступлений свидетельствует не только о прочности антиобщественных взглядов и привычек виновного лица (что может иметь место в любом случае одновременного совершения преступлений), но и об определенной направленности его преступных устремлений. Поэтому повторность преступлений (при прочих равных условиях) признается более опасной разновидностью множественности преступлений, чем их совокупность.

Не подлежат сомнению правильность утверждения о том, что в общем смысле повторное совершение лицом преступления означает вторичное (или более) совершение им любого нового преступления вслед за предыдущим (т.е., второй или более раз совершается не какое-либо, а именно преступное деяние), однако представляется, что употребление этого утверждения менее применимо при анализе преступных проявлений с уголовноправовой точки зрения.

Понятие повторности в уголовном праве, следует, на наш взгляд, определять с учетом выше рассмотренных указаний закона. В связи с этим определение уголовно-правового понятия повторности нами предлагалось сформулировать следующим образом:

"Под повторностью преступлений следует понимать равно-
временное совершение двух или более тождественных либо, при
прямом указании закона, однородных преступлений независимо
от того, был ли вынесен приговор по какому-либо из них."¹

Следует отметить, что подобные взгляды высказаны и дру-
гими авторами.

Так, еще в 1971 году П. Святохин и В. Жуготов писали, что
"повторность в ее законодательном значении образует, как
правило, тождественные преступления, а в случаях, указанных в
законе, и однородные независимо от того, был ли виновный
осужден за ранее совершенное преступление или же они вменя-
ются в ответственность одновременно".²

В свою очередь в одном из последних учебников советс-
кого уголовного права Р. Р. Галаакбаров дает такое определе-
ние понятия повторности: "Повторность образуется сочетанием
тождественных (а в случаях, предусмотренных в Особой части
Уголовного кодекса, также и однородных) преступлений при
условии, что последующие преступные деяния были совершены до
осуждения лица за первое."³ Хотя автор, по нашему мнению, не-
сколько суживает понятие повторности (исключая случаи, когда
повторность совпадает с рецидивом), основные черты этого уло-
вноправового понятия в определении отражены правильно.

Возражений не вызывает определение понятия повторности
даваемое Е. Фроловым, Е. Сухаревым и А. Горбузой: "Повторным
признается такое преступление, - пишут эти авторы, - которое
совершено лицом, ранее совершившим какое-либо тождественное
или (в случаях, указанных в законе) однородное преступное
деяние. При этом не имеет значения, был ли виновный привле-
чен к уголовной ответственности за первое посягательство

¹ См.: Иледира А. М. Понятие рецидива преступлений и уголовная
ответственность рецидивистов. Автореф. дис. на соиск. учен.
степени канд. юрид. наук. Рига, 1971, с. 6. Возрождая против те-
того предложения, В. П. Малков в качестве аргумента указыва-
ет лишь на то, что "то"... потребовало бы пересмотре и
ломки ряда сложившихся и оправдавших себя на практике
юридических понятий и институтов уголовного права". -
В. П. Малков. Совокупность преступлений. Казань, 1974, с. 25.

² Святохин П., Жуготов В. К понятиям о повторности и неодно-
кратности преступлений. - Советская юстиция, 1971, № 21, с. 18.

³ Советское уголовное право, Общая часть/Под ред. проф. Н. А.
Беляева и проф. М. И. Ковалева. М., 1977, с. 298.

или нет. Важно, чтобы не истекли сроки давности или поташенная судимость:¹

Таким образом, стремление определять уголовно-правовое понятие повторности преступлений в строгом соответствии с указаниями уголовного закона находит все более широкое распространение.

Повторность преступлений, являясь разновидностью множественности преступлений, в свою очередь имеет несколько видов.

В ряде статей УК Латвийской ССР в качестве квалифицирующего обстоятельства вместо термина "повторность" употребляются другие, близкие к нему по своему содержанию термины. Так, например, квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного ст. 164 УК Латвийской ССР - получение взятки, - указано совершение этих действий неоднократно; ч. 2 ст. III УК Латвийской ССР (побои и истязания) предусматривает повышенную ответственность за систематическое нанесение побоев; квалифицированным составом преступления, предусмотренного ст. 149 УК Латвийской ССР (спекуляция), признаются действия, указанные в ч. I этой статьи, если они совершены в виде промысла.

Представляется, что для того, чтобы признать какие-либо действия, совершенные неоднократно, систематически или в виде промысла, прежде всего следует установить их повторность (совершение соответствующих действий два или более раз). Вместе с этим, однако, не всякая повторность действий одновременно будет и их неоднократностью, систематичностью или совершением в виде промысла.

Содержание этих терминов анализировалось в юридической литературе, рассматривалось Пленумом Верховного Суда СССР. О том, что неоднократность, также как и повторность, означает совершение преступлений не менее двух раз, Пленум Верховного Суда СССР обращает внимание судов своим постановлением № 16 от 23 сентября 1977 года "О судебной практике по делам о взяточничестве": "Неоднократное получение, дача взятки или посредничество во взяточничестве предполагает совершение одного из этих преступлений не менее двух раз,

¹ Фролов Е., Сухарев Е., Горбуза А. Совокупность и повторность преступлений, посягающих на один объект. - Советская юстиция, 1979, № 4, с. 5.

если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности привлечения к уголовной ответственности.¹

В статьях уголовного закона об ответственности за взяточничество в качестве квалифицирующего признака рядом с неоднократностью указана прежняя судимость за взяточничество. В этом случае наличие тоже повторное совершение взяточничества, но там повторности присуще другое качество. При наличии судимости за взяточничество и повторном совершении однородного (т. е., не только тождественного) преступления, виновное лицо уже наказывалось в уголовном порядке за предыдущие действия. В случае неоднократного совершения упомянутого преступления виновное лицо привлекается к уголовной ответственности за всю совокупность тождественных преступлений одновременно и не за одно из этих преступлений ранее не судимо.

В связи с этим представляется правильным мнение П. Святохина и В. Жутова, которые, признав неоднократность видом повторности, указывают, что "для понятия неоднократности характерно не только то, что образующие ее преступления являются тождественными, но и то, что ни за одно из них виновные ранее не были наказаны и отвечают за всю совокупность деяний".²

Систематичность совершения преступлений (например, нанесение побоев) подразумевает не только повторное их совершение, но и определенную тенденцию в поведении виновного лица. "Систематичность предполагает не совершение ряда отдельных преступлений, — подчеркивает И. И. Карпец, — а некоторую общую линию при совершении сходных по характеру преступлений, внутреннюю их связь".³ Таким образом, в этом случае совершение тождественных преступлений показывает определенное концентрирование антиобщественных наклонностей, взглядов и навыков виновного лица. Как правило, систематичность преступлений означает совершение их более двух раз.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1976. М., 1976, ч. 2, с. 240.

² Святохин П., Жутов В. К понятиям о повторности и неоднократности преступлений. — Советская юстиция, 1971, № 21, с. 19.

³ Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961, с. 109.

Следовательно, употребляемое в ч. 2 ст. III УК Латвийской ССР понятие "систематичности", являясь видом повторности преступлений, несколько шире понятия "неоднократности".

Совершение преступлений в виде промысла свидетельствует не только об их неоднократности и систематичности, но, дополнительно к этому, также о том, что преступные действия в определенной мере являются источником доходов виновного лица. Следует согласиться с Б. А. Куриновым, когда он пишет, что кроме факта повторения совершения виновным преступных деяний, понятие совершения преступлений в виде промысла включает в себя еще один важный признак: "Такого рода преступная деятельность является для преступника основным или дополнительным, но существенным источником существования".¹ В постановлении Пленума Верховного Суда СССР № II от 13 декабря 1974 года "О судебной практике по делам о спекуляции" разъяснено, что "под спекуляцией в виде промысла следует понимать такую систематическую деятельность по скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью наживы, которая является для виновного основным или дополнительным источником средств существования".² Представляется, что данное разъяснение относится и к другим случаям, когда совершение тождественных преступлений в виде промысла признано законодателем в качестве квалифицированного состава (например, ч. 2 ст. 93, ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 161 УК Латвийской ССР).

В юридической литературе указывается еще на одну разновидность повторности преступлений - преступную деятельность. А. Ф. Зелинский полагает, что "понятие преступной деятельности в уголовном законодательстве означает систему действий, определенную линию поведения в соответствии с общей антисоциальной целью".³ По его мнению, преступная деятельность имеет определенное сходство с продолжаемым (т. е. единичным) преступлением - однородностью поведения, объединяемого общей преступной целью, однако отличается от продолжаемого преступления тем, что состоит из ряда са-

¹Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений, с. 167.

²Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1977. М., 1978, ч. 2, с. 224.

³Зелинский А. Ф. Понятие "преступная деятельность". - Советское государство и право, 1978, № 10, с. 99.

мостоятельных преступлений. В качестве примера приводится ссылка на п.14 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 11 июля 1972 года "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества", которым разъяснено, что действия лица, совершившего несколько хищений, причинивших в общей сложности ущерб в крупном размере, должны квалифицироваться как хищение в крупном размере, если ~~они~~ совершены одним способом и при обстоятельствах, способствующих об умноже совершить хищение в крупном размере.¹ Несомненно, что употребляемое в таком смысле понятие "преступная деятельность" включает в себя неоднократное, систематическое совершение тождественных преступлений.

Уголовное законодательство предусматривает ряд случаев, когда состав преступления образуется лишь при повторном совершении тождественных деяний, которые, взятые отдельно, сами по себе не могут образовать состав преступления. В этих случаях совершение лицом впервые указанных деяний не влечет за собой уголовной ответственности. Тогда это деяние рассматривается лишь как антиобщественный, административный или дисциплинарный проступок, за который могут применяться соответственно меры административного, дисциплинарного или общественного воздействия. Так сконструирована, например, ч.1 ст.180 УК Латвийской ССР. Лишь факт применения мер административного воздействия может служить основанием для привлечения лица к ответственности за незаконную охоту, если это лицо в течение года повторно совершает такое же нарушение.

Могут быть случаи, когда при совершении определенного количества повторных, менее опасных действий уголовная ответственность может наступать без предварительного применения каких-либо мер воздействия. Так, ст.183¹ УК Латвийской ССР предусматривает уголовную ответственность за систематическое распространение заведомо ложных замышлений, порочащих советский Государственный строй.

¹ Зедельский А.Ф. Понятие "преступная деятельность", с. 99-100.

В указанных случаях необходимым признаком состава преступления является повторность тождественных проступков, которые каждый в отдельности не достигают степени общественной опасности предусмотренного в законе состава преступления. Понятие повторности проступков здесь использовано для характеристики объективной стороны единичного преступления. В связи с этим данную форму повторности нельзя считать повторностью преступлений и причислять к множественности преступлений.

В юридической литературе обоснованно отмечается, что не могут служить основанием для квалификации нового преступления как повторного также ранее совершенные преступные деяния, за которые к несовершеннолетнему были применены принудительные меры воспитательного характера комиссией по делам несовершеннолетних¹, и лицу были применены меры административного воздействия², лицо было по амнистии освобождено от наказания (но не от отбывания его)³.

Рассмотрение всех видов повторности преступлений в тех случаях, когда на за одно из них не был вынесен приговор суда, еще раз подтверждает, что повторность, как равнозначность множественности преступлений, образуется из тождественных и (если об этом прямо указывается в законе) однородных преступных деяний.

Сопоставление повторности преступлений с другой равнозначностью множественности преступлений — их совокупность — показывает, что могут быть случаи, когда одно и то же сочетание множественности преступлений одновременно рассматривается как повторность, так и их совокупность.

Как правильно отмечается в литературе, в случаях тождественности преступных деяний, образовавших повторность преступлений, совокупность их невозможна. На это еще в 1961 году обратил внимание А.А.Плонтковский, указывая, что в

¹ См.: Сидорова В., Самарнова Н. Квалификация повторных преступлений. — Советская юстиция, 1976, № 14, с. 4.

² См.: Галкин А. Что показало обобщение судебной практики. — Советская юстиция, 1978, № 2, с. 9.

³ См.: Зельдов С.И. Последствия применения акта амнистии. — Правоведение, 1978, № 4, с. 101.

случаях совершенная лицом нескольких тождественных преступлений "все совершенное рассматривается обычно как одно квалифицированное преступление. Наказание при этом определяется по одной статье уголовного закона, по которой было квалифицировано все содеянное обвиняемым, а не по правилам о совокупности преступлений".¹

Повторность, которую образуют однородные преступления, одновременно может совпадать и с совокупностью их. Т.к. в этом случае повторность охватывает не только тождественные, но и различные по своим составам преступления.

Поскольку повторность преступлений образуется при совершении лицом тождественных или однородных преступлений, следует признать, что остальные случаи множественности преступлений (если на за одно из них не был вынесен приговор) охватываются лишь понятием совокупности.

Совокупность в ее уголовноправовом понимании не возникает при сочетании таких преступлений, из которых одни были совершены до вынесения приговора, а другие — уже после вынесения его. Подобные случаи охватываются остальными видами множественности преступлений: повторностью и рецидивом.

Каково же взаимоотношение понятий повторности и рецидива преступлений?

С помощью приведенного ранее определения понятия повторности преступлений становится возможным рассмотреть взаимное соотношение уголовно-правовых понятий повторности и рецидива преступлений.

В случае, когда хотя бы по одному или части из всех в разное время совершенных одним лицом тождественных или (при прямом указании закона) однородных преступлений был вынесен приговор, повторность совпадает с рецидивом преступлений. В случае же совершенная лицом только разнородных преступлений, при наличии приговора за одно или часть из всех их, наличие будет лишь рецидива, а не повторности преступлений. Таким образом, повторность и рецидив являются такими же пересекающимися понятиями, как повторность и совокупность преступлений.

¹ Понтовский А.А. Учение о преступлениях по советскому уголовному праву. М., 1961, с.618-619.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДА-
ТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИН-
ЕННЫМИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПРЕСТУПНИКА

В условиях активного участия общественности в отдель-
ных гражданах в борьбе с общественно опасными посягательст-
вами, в особенности в свете задач поставленных ЦК КПСС
"Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении
борьбы с правонарушителями",¹ актуальность приобретает
четкое урегулирование в законодательстве вопросов о задер-
жании преступника.

В советской юридической литературе единодушно призна-
но, что задержание преступника — это общественно полезная
деятельность, отвечающая политике советского государства в
борьбе с преступностью и нормам коммунистической морали,
ибо она всегда направлена на охрану социалистического пра-
вопорядка. Поэтому советское уголовное законодательство
предоставляет право советским гражданам задерживать пре-
ступников. Участие граждан в задержании преступников рас-
сматривается не только как их субъективное право, но и как
моральная обязанность. Однако вопрос о задержании преступ-
ника не регламентирован в Основах уголовного законодатель-
ства Союза ССР и союзных республик. Он также не нашел от-
ражения в УК тринадцати союзных республик (принятых в на-
чале 60-х годов). Только в УК Украинской ССР и в УК Узбекс-
кой ССР уже в момент принятия этих кодексов было предусмотре-
но, что действия, совершенные потерпевшим и другими лицами
непосредственно после совершения посягательства в целях за-
держания преступника и доставления его соответствующим ор-
ганам власти, являются правомерными и приравниваются к
необходимой обороне, если они были необходимы для задержа-
ния и соответствовали опасности посягательства и обстановке
задержания преступника.

¹ См.: Правда, 1979, 11 сентября.

26 июля 1966 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении ответственности за хулиганство", где впервые в общесоюзном масштабе даны общие указания, которым следует руководствоваться при общей оценке деяний, совершаемых при задержании преступника. В ст. 16 Указа было установлено, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику.^I

Эту норму о задержании преступника общесоюзный законодатель предложил Президиумам Верховных Советов союзных республик включить свое уголовное законодательство. Однако указание Президиума Верховного Совета СССР было выполнено лишь законодателями Эстонской ССР. Норма о задержании преступника в УК Эстонской ССР была включена как самостоятельное обстоятельство, исключющее общественную опасность и противоправность деяния (ст. 13¹ УК).

Таким образом, вопрос о юридической природе задержания преступника в действующем уголовном законодательстве решен неоднозначно. Кроме того, на один из пятнадцати УК союзных республик не регламентирует вопрос об ответственности лиц, причинявших преступнику смерть или другой тяжкий вред при его задержании, если причинение такого вреда не было вызвано необходимостью.

Недостаточная регламентация вопроса о задержании преступника в законодательстве вызвала трудности при применении действующего законодательства. Поэтому некоторые вопросы задержания преступника вошли в отчеты и в постановления Пленума Верховного Суда СССР. Как известно, постановления Пленума от 23 октября 1966 г. "О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне" правомерные действия, предпринятые лицами по задержанию преступника с целью достав-

^I См. Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30, ст. 596.

деяния его в органы власти, приравывает к необходимой обороне.¹ В постановлении № II от 4 декабря 1963 г. "О практике применения судами законодательства о необходимой обороне" действия граждан по задержанию преступника также приравнены к состоянию необходимой обороны; разъяснено, что "уголовная ответственность за причинение вреда преступнику в указанных случаях может наступить лишь при условии, если действия, причинившие вред преступнику, не являлись необходимыми для его задержания, равно не соответствовали характеру и степени посягательства и обстановке задержания".² Таким образом, Пленум разъяснил, в каких случаях наступает уголовная ответственность за причинение вреда преступнику при его задержании, однако не решил вопрос о квалификации указанных преступных действий. Отметим, что более четко этот вопрос был решен в постановлении № 8 от 23 октября 1956 г. Из разъяснения указанного постановления можно было сделать вывод, что действия по задержанию преступника, повлекшие для него тяжкие последствия, должны квалифицироваться как действия, совершенные с превышением пределов необходимой обороны.³

Однако разъяснения Пленума Верховного Суда СССР не могут восполнить пробелы в законодательстве. Только законодательная регламентация как условий правомерности действий по задержанию преступника, так и условий ответственности за превышения пределов необходимой обороны при задержании преступника может служить четкой, строгой и непоколебимой основой для соблюдения социалистической законности во всех сферах деятельности государственных органов, должностных лиц и отдельных граждан.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1963. М., 1964, с.185.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973. М., 1974, с.361-362.

³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1963. М., 1964, с.185.

Предложения *de lege ferenda* по вопросам задержания преступника должны основываться на тщательно разработанных и аргументированных научных данных. Однако до последнего времени в советской уголовно-правовой литературе не достигнуто единства мнений по ряду важных вопросов, относящихся как к изучению самой природы задержания преступника и к условиям правомерности этого задержания, так и к установлению ответственности за превышение пределов задержания преступников.

Как известно, некоторые советские ученые приравнивают задержание преступника к институту необходимой обороны;¹ другие же считают, что применение насилия с целью задержания преступника — это самостоятельное обстоятельство, устраняющее общественную опасность и противоправность деяния.² И.И.Слуцкий, признавая задержание преступника самостоятельным обстоятельством, исключаящим общественную опасность деяния, указывал на то, что условия правомерности этого обстоятельства совпадают с условиями правомерности крайней необходимости.³ Н.Д.Дурманов вопрос о применении к действиям, совершенным при задержании преступника, условий необходимой обороны или крайней необходимости, ставит в зависимость от времени задержания преступника.⁴ И.С.Тышкевич

¹ См.: Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., 1948, с.70; Приютковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.-Л., 1961, с.432-433; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1964, с.162; Тышкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969, с.177; Тышкевич И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974, с.27-29; Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970, т.2, с.361 и др.

² См.: Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962, с.78-83; Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965, с.54-55; Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966, с.137; Уголовное право. Часть Общая. М., 1966, с.208-210; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968, т.1, с.503-504; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977, с.232.

³ См.: Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956, с.60.

⁴ См.: Дурманов Н.Д. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния. М., 1961, с.25. См. также: Советское уголовное право. Общая часть. М., 1972, с.98.

времени задержания преступника не придает существенного значения и считает, что во всех случаях при задержании преступника должны быть применены условия правомерности необходимой обороны.¹

Спорные в теории, а также не решенные в законодательстве вопросы об условиях правомерности деяний при задержании преступника, должны быть разрешены в Основах уголовного законодательства и, в соответствии с ними, - в УК союзных республик. По нашему мнению, общесоюзные Основы уголовного законодательства должны быть дополнены новой статьей - ст. 13¹, предусматривающей самостоятельное обстоятельство, исключающее общественную опасность и противоправность деяния.

Создание в законодательстве института задержания преступника как самостоятельного обстоятельства обусловлено тем, что, несмотря на некоторые общие с необходимой обороной черты, меры по задержанию преступника имеют ряд существенных отличий, которые и должны найти отражение в новой ст. 13¹ Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик.

В законе должно быть указано, что вред при задержании может быть причинен только лицу, совершившему преступление, а не другое правонарушение. Поэтому применение насильственных действий при задержании лиц, совершивших административные правонарушения, деяния, подпадающие под признаки ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства, и другие, не могут рассматриваться как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность за причиненный вред. Кроме того, требование о совершении задерживаемым лицом именно преступления исключает возможность причинения вреда малолетним, а также немняемым лицам (если гражданка знает, что задерживается немняемое лицо), ибо указанные лица не являются субъектами преступлений и одеяние ими не может быть рассмотрено как совершение преступления.

¹ См.: Тимкович И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974, с. 27-30.

Целесообразно в ст.13¹ Основ уголовного законодательства также решить вопрос о праве граждан задерживать лиц, совершивших как умышленные, так и неосторожные преступления. В юридической литературе по данному вопросу нет единого мнения.¹

Решению подлежит и вопрос о характере и опасности совершенного задерживаемым лицом умышленного или неосторожного преступления. По нашему мнению, от решения данного вопроса в значительной мере зависит предоставление гражданам прав по задержанию преступника путем применения насилия и причинения ему вреда.

Нельзя согласиться с мнением Т.Шавгулидзе, который признает право граждан на задержание любого преступника, независимо от тяжести совершенного преступления и предусмотренного за него наказания.²

По нашему мнению, основанием для задержания преступника является совершение им не любого преступления, а лишь представляющего серьезную общественную опасность.

Рассматриваемому вопросу большое внимание уделяет И.С. Тихкевич, который, ссылаясь на ст.32 Основ уголовно-процессуального законодательства, доказывает, что право на задержание преступника гражданам (наряду с представителями власти) может быть предоставлено только в случаях, когда совершенное преступником деяние может быть наказано лишением свободы.³ В принципе соглашаясь с данной точкой зрения, считаем, что во избежание предоставления гражданам и представителям общественности больших прав по задержанию преступников, чем представителям власти, регламентация данного вопроса желательна в самом законе.

¹ См.: Ткаченко В.И. Ответственность за вред, причиненный при задержании преступника.- Социалистическая законность, 1970, № 8, с.38; Тихкевич И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974, с.32-33; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1977, с.227.

² См.: Шавгулидзе Т. Право гражданина на задержание преступника следует регламентировать законом.- Советская юстиция, 1966, № 2, с.10.

³ См.: Тихкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969, с.186-188; его же. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974, с.40-50.

Вопрос о пределах задержания преступника во времени оспорен как в законодательстве, так и в теории. В действующем уголовном законодательстве нет прямых указаний на то, с какого момента у граждан возникает право на задержание преступника. В юридической литературе по данному вопросу высказано несколько мнений. Нельзя согласиться с утверждением, что право граждан на задержание преступника возникает "после совершения покушения на преступление",¹ ибо это влечет сужение прав граждан по борьбе с преступностью. Часть авторов считает, что право на задержание возникает во время совершения преступления. Это в принципе правильная точка зрения, по нашему мнению, нуждается в некотором уточнении. Поскольку временем совершения преступления является не только время совершения оконченного преступления и покушения на преступление, но и время совершения подготовительных к преступлению действий, то право граждан на задержание преступника возникает уже с момента подготовки к совершению преступления.

Не менее важное значение имеет установление момента, до которого гражданин имеет право на насильственное задержание преступника. В законодательстве этот момент установлен не однозначно. В ч.3 ст.15 УК Узрешской ССР и в ч.3 ст.13 УК Узбекской ССР говорится о праве задержания непосредственно после совершения преступления. Отметим, что такое решение данного вопроса поддерживает и Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 4 декабря 1969 г. Иначе этот вопрос решен в ст.16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г., а также в ст.13¹ УК Ростовской ССР. Указанные акты не содержат никаких ограничений прав на задержание во времени. Это означает, что общесоюзный законодатель признает право граждан на задержание преступников не только непосредственно после совершения преступления. Таким образом, право граждан на задержание преступника возникает с момента начала преступной деятельности и сохраняется до того момента, когда преступник не может больше уклоняться от ответственности и выбавиться.

¹ Советское уголовное право. Общая часть. М., 1972, с.97.

Обязательным условием правомерности задержания преступника, если оно сопряжено с причинением вреда задерживаемому, является вынужденный характер, т.е. задержать преступника в конкретных условиях было невозможно без причинения ему такого вреда. Данное условие о причинении вреда преступнику как единственной возможности доставления его в органы власти považиваловано на условиях правомерности крайней необходимости. Как известно, это очень важное условие, определяющее правомерность задержания преступника, зафиксировано как в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г., так и в упомянутых уже УК трех союзных республик. Считаю, что указанное условие должно быть сохранено и при разработке института задержания преступника в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В тех случаях, когда причинение вреда преступнику при его задержании не вызывалось необходимостью, совершенные деяния не являются примерными и влекут уголовную ответственность. Кроме того, следует учесть, что лицо, задерживаемое преступника, не должно причинять преступнику вред, являющийся несоответствующим характеру и опасности посяательства в обстановке задержания. Этот вывод вытекает из п.4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. Одобрив указавшее разъяснение Пленума, мы считаем, что оно должно быть дополнено. На практике очень большое значение в оценке правомерности причиненного преступнику вреда имеет степень опасности личности самого преступника. Поэтому в Основах уголовного законодательства наряду с другими условиями правомерности задержания преступника должно быть указано и то, что вред, причиненный преступнику, должен соответствовать характеру и опасности преступления, опасности лица, его совершившего, и обстановке задержания.

Таким образом, в целях совершенствования действующего общесоюзного и республиканского уголовного законодательства и во избежание трудностей при его применении предлагаем de lege ferenda дополнить Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик новой статьей о задержании преступника, признав этот институт самостоятельным обстоятельством, исключившим общественную опасность и противоправность деяния.

В новой ст. 13¹ Основ уголовного законодательства должно быть указано, что задержание путем причинения вреда задерживаемому подпадает только лицу, совершившее преступление, представляющее значительную общественную опасность. Целесообразно в Основных указать на пределы задержания преступника во времени - задержание преступника додерживается как во время совершения преступления, так и после его совершения до момента, когда преступник лишен возможности уклониться от ответственности. В ст. 13¹ Основ уголовного законодательства должно быть указано на исключительный характер задержания путем причинения вреда преступнику. Кроме того, должно быть установлено, что причиненный ему вред соответствует характеру и опасности преступления и лицу, его совершившему, и обстановке задержания.

Включение в Основы уголовного законодательства самостоятельной статьи о задержании преступника должно повлечь за собой не только соответствующие дополнения Общей части УК союзных республик, но и дополнения Особной части УК. Во всех УК должны быть предусмотрены статьи, устанавливающие уголовную ответственность за превышение мер по задержанию преступника, т. е. за причинение преступнику смерти или тяжких и средней тяжести телесных повреждений при его задержании, если причинение такого вреда не было вызвано необходимостью и явно не соответствовало опасности преступника и совершенного им преступления, а также обстановке задержания.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЛАТВИЙСКОЙ ССР
В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Партия и правительство нашего государства рассматривают охрану природы как неотъемлемую часть строительства коммунизма.

Сочетание технического прогресса в народном хозяйстве с обеспечением качества окружающей среды в СССР достигается на основе осуществления плановой и комплексной охраны природы. Правовая охрана природы, как ее составная часть, занимает особое место в комплексе природоохранительных мер.

Советское государство в процессе совершенствования законодательства уделяло много внимания развитию правового регулирования охраны окружающей человека природной среды.

В целях обеспечения борьбы с правонарушениями в области охраны природы, соблюдения социалистической законности в этой области важное значение имеют вопросы усовершенствования действующего законодательства, в том числе уголовного законодательства в области охраны природы.

Необходимость применения уголовно-правовых мер в области охраны природы обуславливается тем, что все еще недостаточно устраняются вредные последствия научно-технического прогресса и по вине отдельных граждан таким важным объектам природы, как вода, лес, земля, атмосферный воздух, дикая животный мир причиняется существенный вред; виновные в этом должны привлекаться к уголовной ответственности и наказываться.

Для осуществления этой задачи законодательство, устанавливающее уголовную ответственность за преступления против природных богатств, должно соответствовать современным условиям и требованиям защиты природы.

Однако, как нам представляется, многие статьи УК ЛатССР, предусматривающие уголовную ответственность в области охраны природы, как по всей структуре, так и по содержанию не-

достаточно разработаны; имеются некоторые пробелы в уголовном законодательстве.

Результаты изучения судебной практики по применению уголовного законодательства в области охраны природы и сопоставление законодательства других союзных республик в этой области дают возможность высказать некоторые соображения по вопросам усовершенствования в законодательном порядке ряда статей УК ЛатвССР в области охраны природы.

Неполнота ст.159 УК ЛатвССР, предусматривающей ответственность за незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами, как по структуре, так и по содержанию, а также неясности, возникающие при применении этой статьи в судебной практике, дают нам основания высказать предложения о необходимости внесения серьезных изменений в нее.

Во-первых, недостатком следует признать то, что основной объект незаконной рыбной ловли и квалифицирующее обстоятельство - причинение значительного ущерба, включены в одной части статьи (ч.3 ст.159 УК ЛатвССР).

Неудачным является и то обстоятельство, что в двух частях одной и той же статьи предусмотрены два квалифицирующих оценочных признака - крупный ущерб (ч.2 ст.159) и значительный ущерб (ч.3 ст.159), хотя трудно отграничивать эти признаки даже в теоретическом плане. Как правило, в юридической литературе говорится, что этот вопрос должен решаться с учетом всех фактических обстоятельств конкретного дела.

Во-вторых, мы полагаем, что нет необходимости отдельно решать вопрос об условной ответственности в зависимости от того, кто совершил нарушение правил рыбной ловли - лицо, занимающееся промысловой рыбной ловлей (ч.1 ст.159), или рыболов-любитель (спортсмен) (ч.3 ст.159).

Как показывает практика применения мер административного воздействия к лицам, занимающимся промысловой рыбной ловлей, за нарушения этих правил применяются в основном меры административного воздействия.

I См.; например: Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971, с.267.

Объясняется это тем, что отсутствует ясно выраженная грань между нарушением правил рыбной ловли, за которое можно привлекать виновного к уголовной ответственности по ч. I ст. 159 УК ЛатвССР, и административным проступком, преследуемым в административном порядке. В этой связи следует отметить, что административные меры воздействия за нарушение правил рыбной ловли являются достаточно эффективными и в большинстве случаев нет необходимости привлекать такое лицо к уголовной ответственности. Это дает основание полагать, что уголовную ответственность и в этих случаях можно установить только для тех лиц, которые совершают нарушения правил рыбной ловли повторно после применения к ним мер административного воздействия. Что касается тех нарушений, которые представляют более высокую степень общественной опасности, то в законе следует их перечислить в четкой и ясной форме как квалифицирующие обстоятельства, чтобы избежать разногласий при практическом применении закона.

В-третьих, недостатком ст. 159 УК ЛатвССР является и то обстоятельство, что в ч. 3 этой статьи не предусмотрена ответственность за незаконную рыбную ловлю, которая выражается в ловле рыбы без надлежащего на то разрешения. Вместе с тем, любительский лов рыбы с каждым годом становится более организованным и рыболовы объединяются в спортивные общества, которым выделяются водоемы. Рыбная ловля в таких водоемах производится по разрешениям, выданным этими обществами. Такой же порядок рыбной ловли может быть установлен и в тех водоемах, которые переданы в пользование колхозам, совхозам и другим водопользователям. Поэтому рыбная ловля без надлежащего на то разрешения имеет место и в тех случаях, когда у любителя-рыболова отсутствует разрешение на рыбную ловлю в упомянутых водоемах.

Судебная практика и практика применения мер административного воздействия убеждает в том, что нет необходимости в ч. I ст. 159 УК ЛатвССР сохранить уголовную ответственность за производство звериного и других военных добываемых промыслов, так как такие правонарушения являются очень редкими и административные меры воздействия вполне обеспечивают борьбу с ними.

Мы предлагаем ст.159 УК ЛатвССР изложить в следующей редакции:

Статья 159. Незаконная рыбная ловля.

Рыбная ловля в морях, реках, озерах и иных водоемах заведомо без надлежащего на то разрешения либо в запретное время либо в недозволённых местах или недозволёнными орудиями и способами, если эти действия совершены после применённая мер административного воздействия за такое же нарушение -

наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом в размере до 300 рублей.

Те же действия, если они совершены с применением промышленных орудий лова без надлежащего на то разрешения, взрывчатых, отравляющих веществ или иным способом массового уничтожения рыбных запасов, а равно сопряжены с уловом или убоем ценных пород рыб, или причинившие значительный ущерб, либо совершены лицом, ранее осуждённым за такое же преступление -

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет или исправительными работами до одного года или штрафом до 1000 рублей с конфискацией имущества или без таковой.

В последние годы браконьеры в незаконной охоте чаще стали использовать транспортные средства: транспортное средство облегчает разыскивание и преследование дикого животного; ослеплённое светом фар, животное подпускает браконьера на самое близкое расстояние, поэтому охота является результативной. Следует также учесть, что количество транспортных средств в распоряжении граждан из года в год увеличивается. Эти обстоятельства указывают на повышенную общественную опасность такой незаконной охоты.

Учитывая распространённость и результативность незаконной охоты с применением транспортных средств, мы предлагаем дополнить ч.2 ст.160 УК ЛатвССР ещё одним квалифицирующим обстоятельством - охоты с использованием в качестве орудия транспортных средств.

Судебная практика показывает, что только в очень редких случаях по ч.1 ст.161 УК ЛатвССР к ответственности привле-

каются лица, когда причиненный ущерб незаконной порубкой леса не превышает 100 рублей. Такое положение объясняется тем, что минимальная сумма ущерба, дающая основание для привлечения виновного к уголовной ответственности (свыше 10 рублей по таксовым ценам) по своему размеру является небольшой и в натуре соответствует одному-двум деревьям. По таксам, установленным для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный незаконной порубкой деревьев, которые постановлением Совета Министров Латвийской ССР от 13 декабря 1974 года были значительно повышены по сравнению с ранее действующими, даже в лесах второй группы наименьшая такая за каждое незаконно срубленное дерево определено 7,50 рублей.¹

Кроме того, следует учесть, что согласно п.21 Положения о государственной лесной охране СССР директора леспромхозов обязаны прекращать дела о мелких лесонарушениях, если причиненный ущерб не превышает десяти рублей по действующим в союзных республиках таксам для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный лесонарушителями.²

Согласно п.12 ст.7 Положения о товарищеских судах, утвержденного Указом Президиума Верховного совета Латвийской ССР от 28 апреля 1977 года, товарищеские суды рассматривают дела о взыскания ущерба, причиненного мелкими лесонарушителями, совершенными впервые, если ущерб не превышает тридцати рублей по действующим таксам для исчисления размера взысканий за ущерб.³

Если сравнить эти положения с требованиями ч.1 ст.161 УК ЛатвССР, то ущерб в пределах даже до 30 рублей является мелким, а согласно ч.1 упомянутой статьи УК, как только сумма ущерба превышает десять рублей, может наступить самый

¹ Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1965, № 10.

² Охрана природы. Сборник нормативных актов. М., 1971, с. 112.

³ Положение о товарищеских судах. Рига, 1977, с.29.

строгий вид юридической ответственности - уголовная ответственность. Такое положение противоречит соотносительной строгости мер воздействия степени общественной опасности правонарушителя.

В юридической литературе высказано мнение, что в ч.1 ст. 161 УК ЛатвССР речь идет о таксе по отпуску леса на корню для населения, которая значительно ниже такс, установленных для исчисления взысканий за ущерб, причиненный лесонарушением.¹

Однако с такими соображениями нельзя согласиться. В ч.1 ст.161 УК ЛатвССР предусмотрена ответственность за незаконную порубку леса и для определения размера ущерба, причиненного незаконными действиями правонарушителя, не могут быть применены таксы, по которым оплачивается стоимость деревьев, срубленных в соответствии с данным разрешением. Для этого и установлены специальные таксы, чтобы определять ущерб, причиненный именно в результате незаконной порубки леса. В тех случаях, когда выдается разрешение на порубку леса, в лесорубочном билете или ордере указывается уже заранее подготовленное обозначенное место рубки деревьев. Незаконная же порубка леса, как правило, производится без соблюдения этих требований, поэтому лесным богатствам причиняется намного более значительный ущерб.

Правильно указывает Л.А.Заславская, что по таксам отпуска леса на корню сумма взысканий определяется только при невозможности изъятия лесной продукции у лесонарушителя, и тогда, помимо суммы возмещения ущерба, взыскивается также стоимость незаконно добытой древесины.²

Поэтому совершенно обоснованно Пленум Верховного суда Латвийской ССР в п.5 постановления № 3 "О судебной практике по применению законодательства об охране природы по уголовным делам" от 5 апреля 1976 года разъяснил, что размер ущерба, причиненного незаконной порубкой леса, определяется

¹ См.: Гусев Р.К. Правовая охрана лесов в СССР. М., 1974, с.62.

² См.: Заславская Л.А. Гражданско-правовая ответственность за лесонарушения. - Сов. государство и право, 1975, № 9, с.136.

по таксам, утвержденным постановлением Совета Министров Латвийской ССР от 13 декабря 1974 года № 663.¹

С учетом сложившейся судебной практики и на основании приведенных нами соображений считаем, что следует в законодательном порядке в ч.1 ст.161 УК ЛатвССР повысить минимальную сумму ущерба, дающую основание для привлечения лесоворудителя к уголовной ответственности, до 100 рублей по таксам, установленным для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный незаконной порубкой леса.

Часть 2 ст.161 УК ЛатвССР предусматривает уголовную ответственность за незаконную порубку леса в крупных размерах. В данном составе по другому обозначается ущерб, причиненный лесному хозяйству, по сравнению с оценочным признаком, который законодателем употребляется в ч.3 ст.159 и ч.2 ст.160 УК ЛатвССР (значительный ущерб).

Представляется, что обозначение ущерба оценочным признаком "крупный размер" в ч.2 ст.161 УК ЛатвССР является неудачным, так как такая формулировка объективной стороны преступления не отражает существо того ущерба лесному хозяйству, за причинение которого необходимо установить уголовную ответственность.

Понятие крупного размера мы обычно связываем с такими преступлениями, как хищение государственного или общественного имущества, спекуляция и т.д. Такое обозначение ущерба в нашем представлении шире, по размеру больше, чем значительный или существенный ущерб.

Требование причинения столь большого ущерба лесному хозяйству для наступления уголовной ответственности по ч.2 ст.161 УК ЛатвССР, как это вытекает из понятия крупного размера, не способствует борьбе с правонарушителями в лесном хозяйстве. В таком случае безнаказанными останутся лица, которые совершают действия, представляющие значительную общественную опасность, но не подпадающие под признак крупного размера.

¹ Сборник постановлений пленума Верховного суда Латвийской ССР. Рига, 1978, с.308.

В связи с этим мы предлагаем в диспозиции ч.2 ст.161 УК ЛатвССР оценочный признак "крупный размер" заменить признаком "значительный ущерб", в достаточной мере характеризующий тот ущерб, за причинение которого установлена ответственность в ч.2 ст.161 УК ЛатвССР. В этом случае можно было бы придерживаться одинакового обозначения вреда, причиняемого как лесному, так и рыбному и охотничьему хозяйству.^I

Статья 96 УК ЛатвССР предусматривает уголовную ответственность за неосторожное уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате небрежного обращения с огнем.

Недостатком УК ЛатвССР является то, что в нем в ст.95, предусматривающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, не выделена ответственность за умышленное уничтожение лесных массивов.

Мы придерживаемся мнения, что дикорастущий лес как объект природы нельзя приравнивать к предметам преступлений против государственного или общественного имущества в смысле статей 95 и 96 УК ЛатвССР, поэтому уголовная ответственность за уничтожение или повреждение лесных массивов должно быть выделена из названных статей.

Нам обосновывается и другое предположение по рассматриваемому вопросу. Учитывая, что степень общественной опасности содеянного с зависимостью от того, умышленно или по неосторожности уничтожается или повреждается лесной массив, явно неодинаковы, то и санкции за содеянное должны значительно отличаться. Однако какое различие санкций можно предусмотреть только путем установленная уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение лесных массивов и неосторожное совершение данного преступления в отдельных статьях УК, как это имеет место, например, в УК МССР (статьи 168 и 169).

^I В статьях УК РСФСР, которые предусматривают уголовную ответственность за незаконную рыбную ловлю (ст.163), охоту (ст.168) и порубку леса (ст.169), употребляется одинаковое обозначение оценочного признака - крупный ущерб.

С учетом сказанного, мы предлагаем в УК ЛатвССР включить определенные статьи, в которых предусмотреть уголовную ответственность как за умышленное, так и за неосторожное причинение лесного пожара, повлекшего уничтожение или существенное повреждение лесных массивов.

Диспозиция ст. 225 УК ЛатвССР, предусматривающая уголовную ответственность за загрязнение водоемов, сформулирована более удачно, чем соответствующие статьи уголовных кодексов большинства других советских республик, ибо предусматривает уголовную ответственность не только за загрязнение водоемов, причиняемое вред, но также и за такое загрязнение которое может причинить вред здоровью людей, сельскому хозяйству или рыбному промыслу.

Учитывая, что в юридической литературе неоднократно высказаны предложения о дополнении статьи, предусматривающей ответственность за загрязнение водоемов новыми составами, считаем нужным по этому поводу высказать свои соображения.

Так, О.С. Колбасов, ссылался на то, что одной из важнейших задач охраны воды является предупреждение загрязнения новых источников загрязненная вода, предлагает в первую очередь установить уголовную ответственность председателей и членов государственных приемочных комиссий, которые в нарушение требований водного законодательства приняли в эксплуатацию предприятие, цех или агрегат, не обеспеченные надлежащими устройствами по очистке сточных вод.¹ Данное предложение поддерживает и В.Г. Авакян.²

Упомянутые предложения при отсутствии более веских аргументов (распространенность случаев, неэффективность при изменении мер административного или дисциплинарного воздействия и т.д.) вызывают сомнения в необходимости дополнения УК такой специальной нормой. Кроме того, полностью ясно, какие действия предпринимать и члены государственных приемочных комиссий, если они при выносе своих своих

¹ Колбасов О.С. Водное законодательство в СССР. М., 1972, с.202.

² Авакян В.Г. Охрана природы - требование основного закона СССР. - Сов. юстиция, 1979, № 7, с.16.

ностей злоупотребляют своим служебным положением или допускают служебную халатность, после чего наступили вредные последствия, могут быть привлечены к уголовной ответственности за должностное преступление.

Статья 225 УК ЛатвССР предусматривает уголовную ответственность и за загрязнение воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства.

Но загрязнение воздуха может причинить большой вред не только здоровью людей, но и ценным объектам природы. Большую общественную опасность представляет и возможность причинения такого вреда. Загрязнение воздуха возможно не только отходами промышленного производства, но и разными другими веществами вне сферы промышленного производства (например, при перевозке или использовании ядохимикатов в сельском хозяйстве).

Ярким примером, свидетельствующим, какой огромный непоправимый вред может причинить загрязнение воздуха другим объектам природы, служит случай с Рижским суперфосфатным заводом. Завод в течение нескольких лет выбрасывал в атмосферу большое количество вредных газов, в результате чего в Межанарке погибло очень большое количество осен. И хотя завод ликвидирован более десяти лет тому назад, вредное воздействие загрязнения воздуха продолжает оказываться: деревья продолжают погибать и в настоящее время.^I

Хотя ст.225 УК ЛатвССР в какой-то степени способствует ограждению интересов охраны природы, но за загрязнение воздуха, причинявшее существенный вред другим объектам природы, уголовная ответственность не предусмотрена. Загрязнение воздуха, ответственность за которое предусмотрена в ст.225 УК ЛатвССР, имеет свои особые объекты и предмет посягательства, поэтому нами предлагается в УК ЛатвССР внести отдельную статью об уголовной ответственности за загрязнение воздуха.

^I См.: Суна И.Д. Реставрация лесов отдыха, пострадавших от антропогенного воздействия. - В кн.: Охрана примечательных природных объектов Латвийской ССР. Рига, 1975, с.108.

В ней следовало бы установить ответственность за данное деяние независимо от источника загрязнения, а также за причинение существенного вреда растительному и животному миру.

Мы предлагаем в законодательном порядке включить в УК ЛатвССР статью следующего содержания:

Загрязнение воздуха.

Загрязнение воздуха, могущее причинить или причинившее существенный вред здоровью людей, сельскохозяйственному производству, либо животному или растительному миру, —

наказывается лишением свободы до пяти лет или

исправительными работами на срок до одного года.

Недостатком ст. 206 УК ЛатвССР, устанавливающей уголовную ответственность за повреждение или уничтожение объектов природы, взятых под охрану государством, является то обстоятельство, что в ней не предусмотрена уголовная ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение объектов природы, взятых под охрану государством. Такое деяние представляет большую общественную опасность, так как большинство объектов природы, взятых под охрану государством, даже сразу после их повреждения, не могут быть восстановлены (редкие, вековые деревья, камни, утесы и т.д.).

В Комментариях к Уголовному кодексу РСФСР высказано мнение, что за неосторожное уничтожение или повреждение объектов природы, взятых под охрану государством, виновное лицо можно привлекать к уголовной ответственности по ст. 99 УК РСФСР (соответственно по ст. 96 УК ЛатвССР) как за неосторожное уничтожение или повреждение государственного имущества.

Такое решение данного вопроса не может быть признано правильным. Во-первых, хотя объекты природы специально взяты под охрану государством, они не могут быть признаны предметом такого преступления, как уничтожение или повреждение государственного имущества в смысле ст. 96 УК ЛатвССР, так как они не изъяты из естественной природной среды и не являются продуктом товарного производства и не приобрели

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 480.

стоимость, присущую предмету преступлений против социалистической собственности.

Кроме того, санкция ст.96 УК ЛатвССР предусматривает более строгое наказание: чем санкция ст.206 УК ЛатвССР. Таким образом, если согласиться с высказанным предложением, то получается, что за неосторожное уничтожение или повреждение объектов природы можно применить более строгое наказание, чем за совершение таких же действий умышленно.

Нам представляется, что рассматриваемый вопрос правильно решен в УК ЭССР, предусматривающем в ст.198 уголовную ответственность как за умышленное, так и за неосторожное уничтожение или повреждение объектов природы, взятых под охрану государством.

Чтобы не допускать разнообразного применения уголовного закона за неосторожное повреждение или уничтожение объектов природы, взятых под охрану государством, следовало бы дополнить диспозицию рассматриваемой статьи, установив уголовную ответственность также и за неосторожное совершение данного преступления.

При этом форму об уничтожении или повреждении объектов природы, взятых под охрану государством, предлагаем выделить в самостоятельную статью УК ЛатвССР, исключив из ст.206 УК ЛатвССР, предусматривающей ответственность за совершение указанных действий и в отношении исторических, археологических, художественных и архитектурных памятников.

Ценнейшим объектом природы является земля; особенно ее верхний плодородный слой. Земля имеет огромное и непрерывно возрастающее значение для человека и общества, и не только как источник продовольствия, разнообразного сырья, топлива, а также для сооружений и размещения населенных пунктов, промышленных предприятий, дорог, мест отдыха и других нужд. И так как земля все больше и больше вовлекается в хозяйственный оборот; необходимо усилить и ее охрану, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Поэтому мы считаем, что следовало бы дополнить УК ЛатвССР статьей, предусматривающей уголовную ответственность за загрязнение, отравление или порчу земли, которые могут причинять или уже причинили существенный вред здоровью людей, сельскохозяйственному производству, либо животному или растительному миру.

В условиях научно-технического прогресса понятие охраны природы по своему содержанию, несомненно, стало значительно шире и вышло за пределы хозяйственных интересов нашего государства. Природные богатства - не только источник промышленного и сельскохозяйственного производства; они обеспечивают наилучшие условия для здоровья человека, его культурные потребности (эстетическое воспитание) и отдых трудящихся. Охрана природы в настоящее время охватывает весь комплекс вопросов взаимодействия социалистического общества с природой в целом.

Ввиду значимости природных богатств, обеспечивающих также важные интересы советского государства, в необходимости их строгой охраны, мы поддерживаем ранее высказанное в юридической литературе мнение о том, что статья УК, охраняющая общественные отношения в области охраны природы, должна быть выделена в самостоятельную главу Особенной части уголовного кодекса под названием "Преступления против природных богатств".¹

Мы предлагаем в главу "Преступления против природных богатств СССР" включить следующие предусмотренные в действующем уголовном законодательстве Латвийской ССР преступления: самозвольная обработка земли (ст.154), нарушение законодательства в континентальном шельфе СССР (ст.159¹), загрязнение водоемов, подземных вод (ст.225), загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для жизни ресурсов моря (ст.225¹), несоблюдение капитаном судна или другого плавучего средства с сбросе в море веществ, вредных для здоровья людей или жизни ресурсов моря (225²), загрязнение воздуха (ст.225), незаконная порубка леса и умышлен-

¹ См.: Козак В.Н. Развитие уголовного законодательства об охране природы в СССР. - В кн.: Становление и развитие советского уголовного законодательства. Волгоград, 1973, с.60; Тихонов В.М. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны природы. - В кн.: Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1974, с.139; Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1975, с.262; Бушуева Т.А., Давыд П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы. - Сов. государство и право. 1977, в 8, с.82 и др.

ное уничтожение деревьев (ст.161), уничтожение или существенное повреждение лесных массивов (ст.96), незаконная охота (ст.160), незаконное занятие рыбным или другими водными добывающими промыслами (ст.159), производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов (ст.158) и умышленное повреждение или уничтожение объектов природы, взятых под охрану государством (ст.206).

Считаем, что предлагаемая глава "Преступления против природных богатств СССР" должна быть помещена в Особой части УК ЛатвССР после второй главы "Преступления против социалистической собственности". Такое предложение мы обосновываем тем, что природные богатства нашего государства являются государственной собственностью, а статья УК ЛатвССР, охраняющая природные богатства от преступных посягательств, направлены на укрепление общественных отношений, связанных с государственной собственностью на природные богатства, но по своему характеру отличающиеся от тех общественных отношений, которые охраняются нормами, помещенными в главе УК ЛатвССР "Преступления против социалистической собственности".

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Одним из важных направлений дальнейшего развития советского законодательства о борьбе с преступностью на современном этапе является совершенствование законодательства об уголовном наказании, включая регулирование как уголовно-правовых вопросов построения системы наказаний и порядка назначения наказания, так и вопросов исполнения наказаний. В этом плане хотелось бы, прежде всего, поддержать идею преобразования исправительно-трудового законодательства в уголовно-исправительное, включающее в себя нормы, регулирующие исполнение всех без исключения наказаний.¹

Среди проблем, связанных с совершенствованием порядка исполнения наказаний, видное место занимает проблема совершенствования исполнения наказания в виде лишения свободы. Ее актуальность обусловлена тем, что этот вид наказания, с одной стороны, является наиболее строгим из всех существующих (исключая, конечно, смертную казнь), с другой — весьма широко применяется в практике. Решение этой проблемы представляет собой необходимое условие решения более общей проблемы повышения эффективности применения наказания лишением свободы.

Дальнейшее совершенствование порядка отбывания наказания в виде лишения свободы представляется нам как постепенно осуществляемое полное внедрение прогрессивной (ступенчатой) системы, элементы которой содержатся в советской системе лишения свободы и ныне.

¹ См.: Исправительно-трудовые учреждения, 1977, № 3, с.57; Горюхин С.В. Совершенствование законодательных мер борьбы с преступностью в свете Конституции СССР. — В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979, с.51.

В советском законодательстве прогрессивная система лишения свободы была проведена в жизнь Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1924 г., в ст. 7 которого прямо говорилось, что применение наказаний (по терминологии того времени — "мер социальной защиты") организуется по прогрессивной системе.¹ Однако элементы прогрессивной системы содержались уже в Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г.² и, что особенно важно, в подписанном В.И. Лениным декрете СНК РСФСР от 21 марта 1921 г. "О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных", где говорилось о постепенном переводе осужденного "от более строгих форм изоляции к менее строгим вплоть до досрочного освобождения от наказания".³

Дальнейшее развитие советского исправительно-трудового законодательства характеризуется постепенным отказом от прогрессивной системы и все большим сужением применения принципа индивидуализации наказания в процессе его исполнения. ИТК РСФСР 1933 г. уже не содержал положений о прогрессивной системе. Лишь с изданием новых Положений об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах союзных республик в 1958, а затем в 1961 гг., некоторые элементы этой системы в порядке отбывания наказания лишением свободы были восстановлены. Эти элементы сохранялись и получали дальнейшее развитие в действующих Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и в основанных на них республиканских ИТК. В последующие годы элементы прогрессивной системы усилились за счет внесения отдельных изменений в закон. Нельзя не согласиться с Н.А. Стручковым, который еще в 1963 г. писал, что "наличие разных видов исправительно-трудовых учреждений и разных видов режима в них, возможность изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных свидетельс-

¹ СУ РСФСР, 1924, № 86, ст. 670.

² СУ РСФСР, 1921, № 23-24.

³ СУ РСФСР, 1921, № 22, ст. 138.

твует о фактическом существовании так называемой прогрессивной системы, если и не в полной мере, то во всяком случае - ее элементов".¹

Вместе с тем нельзя не признать, что своего полного выражения прогрессивная система в действующем законодательстве не получила. Это связано прежде всего с тем, что согласно закону осужденный отбывает весь срок лишения свободы в одном исправительно-трудовом учреждении. Это правило, введенное в 1961 г., имеет под собой серьезное и важное основание: необходимость стабилизации коллективов осужденных с целью усиления работы по их исправлению и перевоспитанию. Однако в то же время это ограничивает возможности изменения условий содержания осужденных путем перевода их с одного вида режима на другой: в пределах одного исправительно-трудового учреждения существует лишь один вид режима. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что "у нас существует развернутая прогрессивная система исполнения наказания".² Полагая, что распределение осужденных по видам мест лишения свободы в соответствии с видами режима является делением осужденных на разряды, И.М. Гасанов не обращает внимания на то, что закон предусматривает весьма ограниченные возможности перевода осужденных из одного исправительно-трудового учреждения в другое.

Прогрессивная система лишения свободы построена на последовательном проведении принципа индивидуализации наказания в процессе его исполнения. Она заключается в том, что по мере достижения целей наказания, в частности по мере исправления осужденного, по мере уменьшения его общественной опасности, правовое положение его постепенно улучшается. Ему предоставляются дополнительные льготы, постепен-

¹ Стручков Г.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. - М., 1963, с.97; см. также: Качевский Ю.М. Советское исправительно-трудовое право. М., 1971, с.143; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978, с.164; Бородин С.В. Теоретические проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью и профилактики правонарушений. - Исправительно-трудовые учреждения, 1977, № 3, с.22.

² Гасанов И.М. Содержание прогрессивной системы исполнения наказания. - Науч. труды Азерб. ун-та. Серия юрид. наук. Баку, 1979, № 1, с.74.

но восстанавливаются права, которых он был лишен в связи с отбыванием наказания лишением свободы, облегчается режим содержания и, наконец, он освобождается от этого наказания досрочно - условно или в порядке замены его более мягким наказанием. Изменение правового положения осужденного может производиться путем перевода его с одного режима на другой, из низших разрядов в высшие (и наоборот - в случае изменения поведения осужденного к худшему). "Эта система, - писал проф. Б.С.Утевокий, - заключается в наличии ряда ступеней (разрядов, режимов), отличающихся друг от друга все большим количеством льгот и преимуществ и все большей степенью перехода от изоляции к жизни на свободе, с переводом, по мере исправления, с низшей ступени на высшую с тем, что только достижение высшей ступени может дать основание для условно-досрочного освобождения".^I

Применение прогрессивной системы создает могучий стимул исправления осужденных с помощью их самовоспитания, так как ставит улучшение их положения в зависимость от их собственных усилий и результативности этих усилий.

К числу элементов прогрессивной системы, имеющих в действующем законодательстве, относятся следующие средства индивидуализации наказания лишением свободы в процессе его исполнения: а) в пределах одного исправительно-трудового учреждения - предоставление улучшенных условий содержания, включающее в себя увеличение денежных сумм, которыми осужденный может пользоваться для приобретения предметов потребления, и предоставление дополнительных свиданий с родственниками или иными лицами; предоставление права бесконвойного передвижения; отмена указанных решений в случае ухудшения поведения осужденного; б) с перемещением осужденного в другое исправительно-трудовое учреждение - перевод из тюрьмы в исправительно-трудовую колонию (и обратно - в случае ухудшения поведения); перевод из исправительно-трудовой колонии особого режима в колонию строгого режима (и, соответственно, обратно); пере-

^I Утевский Б.С. Система, принципы и общие положения "Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик". - В кн.: Проблемы советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961, с.18-19.

вод на исправительно-трудовой колонии общего, усиленного или строгого режима в исправительно-трудовую колонию-поселение (и обратно).

Нельзя не заметить, что те из перечисленных средств изменения правового положения осужденных, которые не связаны с переводом их из одного исправительно-трудового учреждения в другое, носят явно не радикальный характер. Перевод же осужденных из колоний строгого, усиленного и общего режимов, в которых содержится основная масса осужденных, в порядке смягчения режима возможен только в колонию-поселение и не может, разумеется, носить всеобщего характера. Тем не менее, именно перевод в колонию-поселение занимает особое место среди существующих средств индивидуализации наказания в процессе его исполнения.

Исправительно-трудовые колонии-поселения созданы в 1963-1964 гг. в частности, в РСФСР - на основании Указа Президиума Верховного Совета республики от 26 июля 1963 г. В эти колонии по определению суда могут переводиться осужденные, вступившие на путь исправления и отбывшие определенную часть срока лишения свободы. В колониях-поселениях установлен полусвободный режим содержания. Анализ правового положения осужденных в колонии-поселения дает основание для совершенно правильного вывода, сделанного Ю.Н. Емельяновым: "колонии-поселения являются местом лишения свободы полукрытого типа с облегченными условиями содержания заключенных".¹

Организация колоний-поселений явилась важным шагом по пути дальнейшего расширения применения прогрессивной системы. Совершенно прав был П.Е. Подымов, характеризует их как "учреждения переходного типа, дающие возможность максимально приблизить условия содержания заключенных к условиям жизни и работы на свободе".² П.Е. Подымов подчеркивал, что

¹ Емельянов Ю.Н. Основные вопросы освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания по советскому уголовному праву. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Свердловск, 1967, с.321.

² Подымов П.Е. Новый шаг по пути совершенствования советской исправительно-трудовой системы. - Советское государственное право, 1964, № 8, с.100 (подчеркнута автором).

правовое положение осужденных в колониях-поселениях в силу минимальных ограничений является последним звеном между условиями жизни и работы на свободе и условиями содержания в обычном месте лишения свободы.

Таким образом, исправительно-трудовые колонии-поселения являются важным средством приспособления осужденных, вступающих на путь исправления, к жизни и работе на свободе.

В феврале 1977 г. арсенал средств индивидуализации наказания в виде лишения свободы в процессе его исполнения пополнился еще одним — условным освобождением из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Нельзя не отметить, что предшественник этого правового института — институт условного освобождения из мест лишения свободы для работы на строительстве предприятий народного хозяйства — не мог рассматриваться как полноценный элемент прогрессивной системы ввиду ряда существенных его недостатков, относящихся к определению предпосылок и оснований его применения. Условное освобождение с привлечением к труду, с нашей точки зрения, является новым звеном прогрессивной системы, место и роль которого в этой системе аналогично месту и роли перевода в колонию-поселение.

Тем не менее, расширение числа элементов прогрессивной системы не привело еще к ее последовательному внедрению, которое означало бы установление ступенчатости (разрядности) в пределах одного исправительно-трудового учреждения.

Как отметил С.В.Бородин, в настоящее время прогрессивная система в СССР "включает в себя три звена: первое — отбывание лишения свободы в условиях изоляции с изменением этих условий и правового положения осужденных, имеющим своей целью постепенное приближение к свободе; второе — перевод в колонию-поселение или условное освобождение с обязательным привлечением к труду; третье — условно-досрочное освобождение...".¹ На наш взгляд, наиболее слабым из этих

¹ Бородин С.В. Теоретические проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью и профилактики правонарушений, с.22.

звеньев является первая; его усиление и требует введения разрядности в пределах одного исправительно-трудового учреждения. Думается, что возможно решение, при котором переход из одного разряда в другой не повлек бы за собой необходимости перемещения осужденного даже из отряда в отряд в пределах одной колонии.

В последние годы многие советские ученые и практические работники исправительно-трудовых учреждений высказывались за совершенствование организации лишения свободы на основе максимального и полного проведения в жизнь принципов прогрессивной системы. С такими предложениями выступали, в частности, на совещании по вопросам исправительно-трудового права в Саратове в 1961 г. Б.С.Утевский, И.С.Ной, Н.А.Беляев, Н.Н.Паше-Озерский, А.Л.Ременсон, А.П.Кузнецов, Ю.А.Фролов, Б.С.Кичигин, Н.Ф.Лозлов.¹ Кроме того, о подробном обосновании необходимости прогрессивной системы выступили в научной печати в монографиях Н.А.Беляев, А.М.Яковлев, А.Л.Ременсон, Н.Н.Паше-Озерский, Г.А.Аванесов, Л.Г.Крахмальник и И.С.Ной, Н.А.Стручков и некоторые другие авторы.² Так, А.Л.Ременсон писал: "Нельзя остав-

¹ См.: Проблемы советского исправительно-трудового законодательства, Саратов, 1961, с.18-21, 52, 117, 129, 144, 252, 259, 266-267, 275.

² См.: Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963, с.143-147; Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964, с.180-185; Яковлев А.М. Об эффективности исполнения наказания. - Советское государство и право, 1964, № 1, с.102-103; Ременсон А.Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права. - Советское государство и право, 1964, № 1, с.96-97; Паше-Озерский Н.Н. Об "особо опасном рецидиве" и "особо опасных рецидивистах" по советскому уголовному праву. - В кн.: Воронежск. ун-т, юрид. ф-т. Рефераты научных работников. 1960, вып. I, с.14-16; Аванесов Г.А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1966; Крахмальник Л.Г., Ной И.С. О некоторых принципиальных вопросах кодификации советского исправительно-трудового законодательства. - Всесоюз. науч. об-во судебн. медиков и криминалистов, Саратовск. отд. Сборник науч. работ. 1961, вып. 3, с.311-321; Водяников Д.П., Санталов А.И. Основания условно-досрочного освобождения. - Казан. ун-та. Экономика, философия, право, 1966, № 17, вып. 3, с.97; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью, с.164.

чать неизменным правовое положение изменяющейся личности - это будет нарушением элементарных прав педагогика, принципов права и требований справедливости. Наоборот, прогрессивную систему надо четко разработать и закрепить в законе".

Против внедрения в советское законодательство и исправительно-трудовую практику прогрессивной системы в 60-е годы последовательно выступал А.Е.Наташев.² Смысл его возражений против прогрессивной системы сводится к следующим трем положениям.

Во-первых, "передвижение осужденных по исправительно-трудовым учреждениям разных видов режимов означало бы ослабление стабильности состава заключенных в отрядах".³ Но ведь это обстоятельство учитывается сторонниками прогрессивной системы. Потому-то большинство из них и отстаивает введение разрядности в пределах одного исправительно-трудового учреждения.

Во-вторых, А.Е.Наташев полагает, что "как система, основанная на поощрениях и льготах и на угрозе их лишения, прогрессивная система способна породить у заключенных корыстное, потребительское отношение к своему поведению и желание добиваться льгот любыми средствами (хитростью, угодничеством и т.д.)".⁴ Это возражение представляется

¹ Ременсон А.Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права, с.97

² См. Наташев А.Е. Неприемлемость "прогрессивной системы" отбывания лишения свободы. - В кн.: Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства, с.246, 251; Наташев А.Е. Основные вопросы кодификации исправительно-трудового законодательства. - Учен. зап. БГУН. М., 1962, № 14; Наташев А.Е. Уголовное законодательство и кодификация исправительно-трудового права. - Советское государство и право, 1964, № 1, с.106; Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967, с.144-159.

³ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права, с.148.

⁴ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права, с.148-149.

наиболее серьезным. Вряд ли можно отрицать возможность таких попыток. Но если в практике работы исправительно-трудовых учреждений учитывать такую возможность, то не так уж трудно (при определенном уровне квалификации и опыта работников этих учреждений) распознать подобные попытки и сделать получение льгот с помощью несправедливых способов невозможным. Об этом же писал Н.А.Стручков, убедительно показавший соотношение позитивных и негативных сторон прогрессивной системы: "В условиях деятельности советских исправительно-трудовых учреждений есть все возможности свести до минимума проявление негативных черт прогрессивной системы".¹

К аргументации Н.А.Стручкова следует добавить следующее. В психологическом плане исправление и перевоспитание осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, означает прежде всего создание у них психологической установки на добропорядочное, законопослушное поведение. Идеальным вариантом является формирование сознательной установки такого содержания. Но ее создание может потребовать времени, — возможно, более длительного, чем назначенный в конкретном случае срок наказания, и, к сожалению, не всегда удается. Установка может быть и бессознательной: такая установка образуется автоматически, помимо желания и воли лица, вследствие практики², т.е. вследствие положительного поведения осужденного в месте лишения свободы независимо от мотивов такого поведения. Вначале положительное поведение может объясниться желанием поскорее получить определенные льготы, возможность достижения которых стимулирует такое поведение. Постепенно у осужденного формируется установка на положительное поведение, которая впоследствии сама становится причиной законопослушного поведения, отходя на задний план протрастительские мотивы. Таков механизм воздействия стимулирования на процесс исправления-перевоспитания осужденного.

¹ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация, с.163.

² См.: Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М., 1968, с.102-104.

Наконец, в-третьих, по мнению А.Е.Наташева, проведение прогрессивной системы "связано с серьезным смягчением или усилением репрессии в отношении осужденных по усмотрению администрации исправительно-трудовых учреждений"¹. Думается, что этот аргумент неубедителен. С одной стороны, деятельность администрации во всех важнейших вопросах работы с осужденными протекает под контролем наблюдательной комиссии, и эти вопросы не составили бы исключения. С другой, - для предотвращения положения, возникновения которого опасается А.Е.Наташев, - можно было бы поставить перевод осужденных из одного разряда в другой под контроль суда.

Таким образом, как справедливо заметил А.М.Яковлев, аргументация А.Е. Наташева, "не лишая сама по себе оснований, была направлена не столько против самой прогрессивной системы, сколько против возможных ее извращений на практике".² Время показало несостоятельность этой аргументации. Ее опровергает ныне практика тех исправительно-трудовых учреждений, в которых умело используются для исправления и перевоспитания осужденных элементы прогрессивной системы, содержащиеся в действующем законодательстве, и законодательная практика, идущая по пути неуклонного расширения круга этих элементов.

В поддержку позиции сторонников прогрессивной системы нам представляется необходимым рассмотреть следующий вопрос.

Переход из состояния лишения свободы в состояние свободы (при освобождении от наказания ввиду отбытия его, условно-досрочном освобождении и даже при замене наказания более мягким) представляет собой весьма резкое изменение в положении лица. Это объясняется известными противоречиями, свойственными лишению свободы по самой его природе. По мнению А.М.Яковлева, она заключается в том, что имея

¹ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права, с.149.

² Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью, с.185.

цель приспособить человека к жизни в обществе, его изолируют от этого общества; желая искоренить в его сознании вредные представления и привычки, его помещают в общество людей, зараженных теми же отрицательными качествами; стремясь к тому, чтобы осужденный после освобождения был в состоянии активно действовать в правильном направлении, его в значительной мере лишают самостоятельности, подчиняют установленному распорядку.¹ Как совершенно справедливо отмечает А.М.Яковлев, система лишения свободы должна быть построена так, чтобы максимально оглаживать эти противоречия, чтобы к моменту освобождения осужденный был как можно больше приспособлен к жизни на свободе, чтобы возможность "эксперса освобождения" была сведена к минимуму.²

Выполнение этой задачи может обеспечить, на наш взгляд, только прогрессивная система лишения свободы. Для этого освобождению от данного наказания и переходу к более мягким, не связанным с лишением свободы видам наказаний, должно предшествовать такое ее звено, такая ступень правового положения осужденного, которая подготовила бы его психологически к жизни на свободе. Думается, что таким звеном, предшествующим переводу в колонии-поселение или условному освобождению с привлечением к труду, должно быть пребывание в высшем разряде колонии обычного вида режима.³

¹ Яковлев А.М. Об эффективности исполнения наказания, с.101-102; см. также: Яковлев А.М. Взаимодействие личности со средой как предмет криминологического исследования.- Советское государство и право, 1966, № 2, с.58.

² Б.С.Никифоров называет это явление "шоком освобождения", обоснованно полагая, что "он всегда велик и очень часто является одной из причин совершения нового преступления" (Никифоров Б.С. Некоторые вопросы уголовного права в условиях об.энэргоучого государства.- Советское государство и право, 1963, № 4, с.68).

³ На эту функцию прогрессивной системы указывает и Н.А.Стручков. (См.: Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация, с.163).

Наиболее радикальными средствами изменения правового положения осужденного и высшими ступенями прогрессивной системы являются условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким в порядке ст.44 и 45 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Многие исследователи считают условно-досрочное освобождение - когда оно применяется в отношении лишенных свободы - заключительной стадией прогрессивной системы лишения свободы. Так, М.А.Ефимов писал, что условно-досрочное освобождение следует считать "последней, заключительной стадией советской прогрессивной системы лишения свободы".¹ Элементами прогрессивной системы лишения свободы считает условно-досрочное освобождение и замену наказания более мягким Г.А.Аванесов.² В этом же смысле высказались многие ученые и в прошлом. Так, А.А.Жижиленко еще в 1901 г. писал, что "в основание прогрессивной тюремной системы" и "в основание досрочного освобождения, как безусловного, так и условного, легла одна и та же идея - предоставление судьбы осужденного в его собственные руки".³ А.Н.Трайнин также называл досрочное освобождение "последовательным и заключительным звеном в прогрессивной системе лишения свободы".⁴ Е.Г.Ширвиндт и Б.С.Утевский, считавшие в свое время условно-досрочное освобождение видом неопределенного приговора, также придавали ему значение заключительного звена прогрессивной системы лишения свободы.⁵ В последнее время такое мнение выразил С.В.Бородин.⁶ Точка зрения

¹ Ефимов М.А. Условно-досрочное и досрочное освобождение по советскому уголовному праву. Дис. на соиск.учен.степени канд.юрид.наук. Л., 1958, с.114.

² См.:Аванесов Г.А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). Автореф.дис.на соиск.учен.степени канд.юрид.наук.

³ Жижиленко А.А. Об условном досрочном освобождении.- Журнал Министерства юстиции, 1901, № 2, с.325.

⁴ Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть Общая, М., 1929, с.486.

⁵ См.:Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1931, с.115-119.

⁶ См.:Бородин С.В. Теоретические проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью и профилактики правонарушений, с.22.

на условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы и замену его более мягким наказанием как на заключительную стадию прогрессивной системы лишения свободы не вызывает возражений.

Мнение о том, что условно-досрочное освобождение принадлежит к числу элементов прогрессивной системы, было подвергнуто критике А.Е.Наташевым, считающим, что условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием означают освобождение осужденного из места лишения свободы, а потому не имеют никакого отношения к системе организации лишения свободы.¹ Этот довод нельзя признать убедительным. Во-первых, система лишения свободы не может не включать в себя вопросов, так или иначе связанных с положением осужденного после освобождения. Неправильно ограничивать действие этой системы моментом освобождения. Для организации лишения свободы далеко не безразлично, как будет организована свободная жизнь освобожденного хотя бы на первых порах. От этого в значительной мере зависит закрепление результатов исправительно-трудового воздействия органов исполнения наказания. При неправильной, плохой организации устройства труда и быта освобожденного все результаты исправительно-воспитательной работы в период лишения свободы могут пойти насмарку. Кроме того, поведение лица после освобождения может служить критерием оценки эффективности исправительно-трудового воздействия в месте лишения свободы. Наблюдение за его поведением может способствовать выявлению пробелов и ошибок в постановке воспитательной работы исправительно-трудовой учреждения, что даст возможность устранять эти ошибки в дальнейшем.

Во-вторых, хоть условно-досрочное освобождение и означает освобождение осужденного от наказания лишением свободы, но подготовка к нему происходит в период отбывания этого наказания. Возможность досрочного освобождения стимулирует исправление осужденного, а в качестве такого стимула используется администрацией и воспитателями исправ-

¹ См.: Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права, с.147.

тельно-трудового учреждения. Они формулируют для осужденного требования, выполнение которых необходимо для досрочного освобождения, оценивают результаты исправления осужденного, готовят материалы и представляют в суд материалы на досрочное освобождение.

Рассматриваемое критическое замечание было бы не лишено смысла, если бы условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы и замену его более мягким наказанием рассматривали в качестве стадии отбывания лишения свободы. По нашему мнению, их следует считать не стадией лишения свободы, а стадией (или элементом) системы лишения свободы. В противном случае мы действительно пришли бы к теоретической фикции: "освобожденный от наказания в виде лишения свободы продолжает отбывать это наказание - в другой стадии".

Второй аргумент А.Е.Наташева заключается в том, что "к условно-досрочному освобождению прибегают и в тех странах, где отбывание наказания лишением свободы не строится по прогрессивной системе".¹ На это достаточно возразить лишь одно: значит, в этих странах условно-досрочное освобождение существует независимо от прогрессивной системы, но это вовсе не опровергает того факта, что у нас в СССР оно является звеном советской прогрессивной системы.

Как уже указывалось, некоторые авторы (Е.Г.Кирвиндт и Б.С.Утевский) считали условно-досрочное освобождение одновременно видом неопределенного приговора и заключительным звеном прогрессивной системы лишения свободы. И хотя эти ученые уже пересмотрели свои позиции и отказались от идеи неопределенных приговоров, не утратил смысла вопрос: не является ли такое сочетание необходимым? Другими словами, не является ли условно-досрочное освобождение заключительным звеном прогрессивной системы только в том случае, если понимать его как разновидность неопределенного приговора?

Условно-досрочное освобождение может существовать и без системы неопределенных приговоров. Доказательством этого

¹ Наташева А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права, с.147.

служит многолетний опыт применения его в нашей стране. При этом до 1933 г. оно применялось именно как заключительная стадия прогрессивной системы, о чем прямо говорилось в декрете СНК от 21 марта 1921 г. и ИТК РСФСР 1924 г., тогда как система неопределенных приговоров никогда не была введена в советском праве и осталась в области предложений и проектов.

Думается, что условно-досрочное освобождение может сочетаться и с прогрессивной системой лишения свободы, и с неопределенными приговорами, и с той и другими одновременно, и существовать независимо от той и других. Оно может служить заключительным звеном прогрессивной системы и в тех (зарубежных) странах, где эта система лишения свободы существует одновременно с системой неопределенных приговоров. В этом случае условно-досрочное освобождение, являясь элементом системы неопределенных приговоров, одновременно служит заключительным звеном системы лишения свободы. Естественно, в этом случае институт условно-досрочного освобождения имеет совершенно иной характер и выполняет совершенно иные функции, нежели в советском праве. Для советского права такое сочетание неприемлемо и прежде всего потому, что неприемлема система неопределенных приговоров.

Следующим доводом А.Е.Наташева является положение о том, что условно-досрочное освобождение применяется и к "отбывающим наказание в виде ссылки, высылки, исправительных работ и направления в дисциплинарный батальон, тем не менее, применительно к отбыванию этих наказаний вопрос о прогрессивной системе не ставится".¹ Это совершенно верно. Однако отсюда не следует вывод, сделанный автором на основе этого положения. Условно-досрочное освобождение, когда оно применяется в отношении лишенных свободы, входит в число элементов прогрессивной системы лишения свободы. А когда оно означает освобождение от других видов наказания - не входит. Здесь нет никакого противоречия. В этом состоит специфика применения условно-досрочного освобождения в отношении отбывающих лишение свободы - наиболее строгое из всех наказаний.

¹ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права, с.147.

Наконец, последний аргумент А.Е.Наташева: условно-досрочное освобождение применяется далеко не ко всем осужденным на лишение свободы.¹ И это верно. Но и этот довод не может служить подтверждением и доказательством оделанного автором вывода. Далеко не ко всем отбывающим наказание лишением свободы применяется, скажем, разрешение бесконвойного передвижения, не все переводятся из тюрьмы в исправительно-трудовую колонию, из исправительно-трудовой колонии особого режима в колонию строгого режима. Не часто еще применяется на практике перевод в колонию-поселение. Однако сомнения в том, что эти способы индивидуализации наказания в виде лишения свободы являются элементом прогрессивной системы, не возникает даже у такого убежденного противника этой системы, как А.Е.Наташева. Следовательно, условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы не может быть исключено из числа элементов прогрессивной системы и по этому мотиву.

Как представляется, теоретический спор сторонников и противников полного внедрения прогрессивной системы мог бы быть окончательно решен в результате эксперимента. Метод экспериментальной проверки теоретических гипотез вполне оправдал себя при подготовке законодательного решения о создании исправительно-трудовых колоний-поселений для лиц, совершивших преступления по неосторожности, и в других случаях.

Подготовка к полному внедрению прогрессивной системы потребует существенной активизации научных исследований в области разработки критериев степеней исправления и перевоспитания осужденных применительно к различным ступеням изменения их правового положения и закрепления этих критериев в законе.²

¹ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права., с.147.
² См.: Исправительно-трудовые учреждения, 1977, в 3, с.50.

Я.В.БИРКАВС, канд.юрид.наук
Латвийская НИИ судебных экспертиз
и криминалогии (Рига),
Л.М.БУЛЬБАСОН
Латвийская НИИ судебных экспертиз
и криминалогии (Рига)

ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одна из повседневных задач правоохранительных органов — это принятие мер по дальнейшему укреплению социалистической законности и советского правопорядка. Усилия судов и следователей, органов прокуратуры и внутренних дел по-прежнему направлены на борьбу за искоренение таких бытовых еще в нашей жизни уродливых явлений, как отяжелательство, взяточничество, безхозяйственность и расточительство, хулиганство и тунеядство, нарушения трудовой дисциплины в общественного порядка. На выполнение этой задачи вновь мобилизует постановление ЦК КПСС в сентябре 1979 года "Об улучшении работы по охране правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями". В этом программном документе особое внимание обращено на необходимость изучения и устранения причин, порождающих преступность, на недостаточную эффективность решения задачи укрепления правопорядка.

Уголовно-процессуальный закон обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд выяснять обстоятельства, способствующие совершению преступлений и принять меры к их устранению. В числе этих мер далеко не последнее место занимают представления следователей и частные определения судов, нацеленные на ликвидацию причин и условия конкретных преступных проявлений. Одновременно эти уголовно-процессуальные акты должны служить дальнейшему повышению правовой культуры граждан, внедрению в их сознание глубокого уважения к требованиям закона и морального кодекса строителей коммунизма. Статья 59 Конституции СССР возвела соблюдение этих требований в конституционный принцип.

Эффективность представлений следователей и частных

определений судов непосредственно зависит от конкретности, убедительности и криминологической обоснованности этих правовых документов. Необходимое предварительное условие таких качеств - это глубокая, конкретная и авторитетная осведомленность в подлинных причинах и условиях преступлений. В этой сфере деятельность следователя и суда тесно сопрягается с прикладным аспектом криминологических исследований. Именно в таком плане своевременна и актуальна постановка вопроса о правомерности, целях и перспективах криминологической экспертизы в уголовном процессе.¹ Ведь научный авторитет криминологических исследований в весьма значительной степени зависит от реального уровня их практического влияния на действительность повседневной борьбы с преступностью.

В ряде случаев представления следователей и частные определения судов смогут достигнуть должного уровня лишь в использовании специальных познаний в области криминологии. Нет законных, теоретических или практических, препятствий процессуальной возможности выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, при помощи любых легальных доказательств. К ним относятся и заключения орудующего лица, представляющего определенную отрасль науки. Нет оснований для причисления криминология к тем юридическим дисциплинам, правовая природа которых исключает назначение судебной экспертизы по их предмету. К последним относятся лишь такие отрасли научного знания, как, например, наука уголовного права и подобные дисциплины.

¹ Идея криминологической экспертизы впервые выдвинул А.Р.Шляхов. См.: Шляхов А.Р. Проблемы криминалистической экспертизы - поиски, эксперименты, теоретические обобщения. М., 1973; Шляхов А.Р. Задача судебной экспертизы и современные возможности экспертного установления обстоятельств преступлений. - В кн.: Тезисы докладов на всесоюзной конференции внедрения научных средств в научные рекомендации в практику расследов. и судебн. разбират. угол.дел. М., 1979, с.57).

Обращаясь к аспекту процессуальной обоснованности судебно-криминологической экспертизы, следует учесть, что советская криминология — марксистская наука не только о преступности, ее состоянии, структуре и динамике, но и о причинах преступности и условиях, ей способствующих, о личности преступника и о путях и средствах предупреждения преступлений в социалистическом обществе.¹ Следовательно, криминология, наряду с иными вопросами, исследует также объективные и субъективные обстоятельства, способствующие совершению преступления. Выявление и доказывание этих обстоятельств возложено на следователя и суд законом — статьями 48 и 49 УПК ЛатвССР. Выбор же законных средств доказывания таких обстоятельств предоставлен целесообразному усмотрению следственных и судебных органов (ст.ст. 49 и 50 УПК ЛатвССР).

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 15 от 3 декабря 1976 г. "О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений" подтвердил необходимость безусловного выполнения судами требований закона о выявлении причин условий, способствующих совершению преступлений, и принятии мер к их устранению. Пленум указал, что в этих целях "суд вправе прибегнуть к помощи специалистов, а при производстве экспертизы поставить вопросы, решение которых требует специальных познаний".

В том же аспекте принципиально важным значением обладает и постановление № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. "О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность". В этом руководящем документе воспитательное воздействие судебного разбирательства дела о несовершеннолетнем указано в выявлении и устранении причин и усло-

¹ Коллектив авторов (Звирбуль В., Кузнецова Н., Мильковский Г. и др.), Криминология, М., 1979, с.3-4.

бий, способствовавших совершению преступления. С этой целью предлагается использовать мнение представителей учебно-воспитательных учреждений, общественных организаций, комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки и попечительства. Факты и выводы, установленные и обоснованные экспертом-криминологом в научно аргументированном заключении, несомненно также будут иметь веское значение для правильной, всесторонней оценки причин и условий преступления несовершеннолетнего.

Итак, в надлежащих следственных ситуациях доказательственное значение судебно-криминалистической экспертизы апробировано законом и внедряется руководящими указаниями Верховного Суда СССР.

Задачей криминологической экспертизы является установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.¹ Разумеется, этим следователь и суд не освобождаются от их законной обязанности устанавливать в процессе уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу явные, непосредственные причины и условия преступления. Однако рациональное использование научно обоснованной информации о криминогенных факторах - питательной среде конкретного преступного деяния, и криминологически аргументированных профилактических рекомендаций обеспечат представлениям следователя и частным определениям суда должную убедительность и отдачу, сделает их действительным основанием для эффективных профилактических выводов, а также право-воспитательных мер.

Основопологающим для полного раскрытия интеллектуального механизма преступных действий является, прежде всего, комплексное исследование криминологических свойств соответствующего правонарушителя. Только всесторонний криминологический подход к исследованию и оценке личности последнего может обеспечить правильное сочетание предупредительных мероприятий и индивидуализация наказания. Однако уго-

¹ В некоторых случаях указанные задачи будут интегрированными, т.е. обеспеченными комплексным исследованием и синтезированными выводами экспертов разной специализации.

ловно-релевантные особенности субъекта преступления не всегда смогут быть установлены достаточно полно и достоверно без специального исследования с помощью криминологической экспертизы.

Раскрыть сущность судебной экспертизы можно, лишь указав на ее основные признаки, которые отражают природу специальных познаний эксперта и отличают один род (вид) экспертизы от других. Такими признаками являются: предмет, объекты, методика экспертного исследования...".¹

Предмет криминологической экспертизы — это устанавливаемые на основе специальных познаний фактические данные о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и меры их профилактики. Объект криминологической экспертизы — это личность правонарушителя и содержащиеся в уголовном деле носителя криминологически значимой информации об обстоятельствах, определявших и облегчавших совершение соответствующего преступления.

Необходимая теоретическая предпосылка практического внедрения криминологической экспертизы в уголовное судопроизводство — это создание надлежащих методик. Их теоретической основой будут не только положения криминологической науки, но и интегрированные данные психологии личности, психиатрии, социальной психологии, социологии и других наук. Логика развития науки дает основания предполагать, что путем синтеза данных этих наук в рамках криминологии возможно образование специального учения о теории и методике криминологической экспертизы.

Представляется, что на первоначальных этапах развития криминологической экспертизы разработка ее методик должна идти одновременно по меньшей мере в двух направлениях. Одно из них — подготовка комплексных методик исследования личности в индивидуально-криминологическом аспекте. Второе направление связано с изучением, сбором, систематизацией и разработкой способов практического применения информации об условиях, конкретных жизненных ситуациях, вызывающих, об-

¹ Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979, с.7.

легчающих или способствующих совершению преступлений, и разработкой соответствующих профилактических рекомендаций.

На наш взгляд, целесообразными будут такие предложенные А.Р. Шляховым формы, как:

- создание научных картотек, каталогов, схем, таблиц;
- разработка автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС);
- создание АИПС по литературным источникам.¹

В конечном итоге представляется реально осуществимой идея создания криминологической информационной регистрации (криминологического информационного банка), используемого не только в экспертных, но и в более широких профилактических целях. Однако уже сегодня криминолог, применяя свои специальные познания, способен решать практические задачи, выдвигаемые следственной и судебной практикой.

Между назначением прикладных криминологических исследований по отдельному уголовному делу в отношении конкретного преступления и теоретическими криминологическими исследованиями преступности как обобщенного социального явления и сопутствующих ей проблем нет несоответствия.

Потребности практической деятельности имеют решающее значение для развития научной теории. "Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня - одна из центральных проблем".²

Возникая на основе практической деятельности людей, теория, в свою очередь, обладает огромной силой воздействия на практику.

Побудителем и стимулятором целенаправленного расширения общего диапазона судебной экспертизы выступает следственная и судебная практика, т.е. конкретная потребность

¹ Шляхов А.Р. О формах и содержании информации об объектах судебной экспертизы (в том числе натуральных коллекций и объектов судебной экспертизы). - В кн.: Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре - криминологических чтениях. М., 1977, вып.20, с.36.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с.73.

в установлении обстоятельств, подлежащих исследованию и доказыванию по уголовному делу. Можно сомневаться в том, способна ли криминология уже сегодня реально, быстро и однозначно решать отмеченные выше задачи. Но в ориентации на завтрашний день возможности беспрестанно развивающейся криминологической науки, несомненно, останутся реальностью.

Представляется, что предлагаемый вид судебного доказательства - криминологическая экспертиза, по мере прохождения стадии экспериментальной разработки откроет новые перспективы для теории и практики борьбы с преступностью.

О ПОНЯТИИ ТАКТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

По мере развития социалистического общества, благодаря усилиям коммунистической партии и Советского правительства по неуклонному поднятию материального благосостояния народа, идеологическому воспитанию населения и усовершенствованию общественных отношений, причины преступности и условия, ей способствующие, последовательно неживаются, ликвидируются. Это не может не отразиться на состоянии правопорядка в стране.

Если рассматривать динамику преступности за достаточно длительный исторический период, видно, что уровень ее неуклонно снижается.¹ Однако этот процесс не происходит автоматически, вне зависимости от воли и действий людей.

"... Чтобы оградить себя от преступлений, от актов неприкрытого насилия — писал Ф.Энгельс, — общество нуждается в обширном сложном организме административных и судебных учреждений, требующем безмерной затраты человеческих сил".²

Естественно, что выполнение программного требования КПСС о последовательном сокращении, а затем — полном искоренении преступности и причин, ее порождающих³, тем более возможно лишь при постоянном и напряженном труде многих государственных органов и общественных организаций. Прав в этой связи В.Зварбуль, который утверждает, что "... Организация борьбы с преступностью в СССР — органическая часть системы управления социальными процессами".⁴

На эту часть целиком и полностью распространяется подчеркнутое на 25 съезде КПСС положение, что "... дальнейшее

¹ Так, в 1962 году число осужденных в СССР по сравнению с 1940 годом составило лишь 24,6%/см.: Ковалев М.И. Основы криминологии. М., 1970, с.33/.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое изд. Т.2, с.537.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с.105-106.

⁴ Зварбуль В. Развитие форм и методов предупреждения преступности в СССР. — Социалистическая законность, 1973, № 5, с.20.

совершенствование организации и управления в соответствии с объективными потребностями нашего развития продолжает оставаться актуальной задачей".¹

Советская криминалистика до последнего десятилетия вопросом тактики и методики расследования преступлений рассматривала главным образом применительно к специфике условий работы, существовавших в органах прокуратуры, т.е. — единоличной деятельности следователя. "Единоличие" деятельности следователя и решающее значение этого в борьбе с преступностью, которое, якобы, существует и теперь, подчеркивалось и отдельными авторами работ, выданных в начале семидесятых годов.² Кроме общетеоретических вопросов своей науки и вопросов криминалистической техники криминалисты в основном рассматривали проблемы тактики процессуальной деятельности следователя и специфику этой деятельности при расследовании отдельных видов преступлений. Остальные вопросы, имеющие не менее важное значение для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, ими почти не изучались или изучались явно недостаточно. Первыми отступлениями от этой традиции были появившиеся в 1962-1965 годах работы Л.М.Карнеевой и некоторых других авторов о расследовании дел группой следователей.³

1 Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы. Доклад А.Н.Косыгина 25 съезду КПСС 1 марта 1976 года. — В кн.: Материалы XIX съезда КПСС. М., 1976, с.128.

2 См. например: Руководство для следователей. /Под ред. Н.В.Жогина. М., 1971, с.14.

3 Карнеева Л.М. Организационные и процессуальные вопросы расследования преступлений группой следователей. — Социалистическая законность, 1964, № 6, с.44; Карнеева Л.М. Организационные начала расследования преступлений группой следователей. — Правоведение, 1965, № 3, с.91; Карнеева Л.М. и Галкин И.С. Расследование преступлений группой следователей. М., 1966; Галкин И.С. Расследование преступлений группой следователей. — Социалистическая законность, 1967, № 4, с.37; Герасун А.А. Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1968.

Однако в настоящее время практика требует большего. Происшедшие за последние десятилетия в жизни общества кардинальные изменения — небывало возросшие миграционные процессы, "автомобилизация" и "мотоциклизация" населения, развитие сети шоссежных и железных дорог и трасс Аэрофлота, оснащенность всех сфер жизни человека, в т.ч. и работы правоохранительных органов, средствами все более сложной техники — требуют адекватных изменений и в тактике и организации борьбы с преступностью.

Еще более десяти лет назад Б.А.Викторов вполне обоснованно подчеркивал, что "на современном этапе предупреждение и раскрытие преступлений — это слаженная коллективная деятельность многих сотрудников органов дознания и следствия".¹ Успех этой работы в значительной мере зависит от тесного, тактически грамотного взаимодействия между работниками различных служб правоохранительных органов. "В борьбе с преступностью, — говорит министр внутренних дел СССР генерал армии Шолохов Н.А., — эффективные результаты достигаются с помощью конкретных мер, осуществляемых усилиями всех служб и подразделений...".²

В таких условиях криминологика, видимо, как и другие юридические науки, должна особое внимание уделять исследованию особенностей деятельности правоохранительных органов в новых изменяющихся условиях, разработке научно-обоснованных рекомендаций по ее усовершенствованию в данной ситуации.

"Коллективизм, комплексность — черты, присущие не только современным криминологическим научным исследованиям, но и практической деятельности по борьбе с преступностью, следственной практике, использующей результаты развития криминологической науки" — отмечает Р.С.Белкин и А.И.Виноберг.³

Викторов Б.А. Следственный аппарат органов охраны общественного порядка. — Социалистическая законность, 1968, № 4, с.12.

² Решать задачи комплексно. — Советская милиция, 1975, №2, с.4

³ Белкин Р.С., Виноберг А.И. Криминология. Общетеоретические проблемы. М., 1973, с.63.

Не случайно комплексный характер процесса борьбы с преступностью проявляется даже в современной криминалистической терминологии. В нее проникают заимствования из военной науки; изучающей, как известно, в большинстве коллективные действия людей /"перевес сил, выбор момента, концентрация своих сил и деконцентрация сил противника..."¹/.

Недооценивая симптоматичность такого явления и, очевидно, не осознавая кардинальность и необратимость происходящих в деятельности правоохранительных органов изменений, некоторые авторы рассматривают вновь возникшие в качестве криминалистических понятия типа "взаимодействие" и "комплексность" лишь "...самостоятельным тактическим приемом...".² Более правильно, думается это рассматривать и изучать как обязательные свойства, присущие всей криминалистической деятельности в целом на современном этапе.

На практике отсутствие комплексного подхода приводит порой к разобщенности в действиях, отсутствию оптимальной, с точки зрения максимальной эффективности борьбы с преступностью, структуры и принципов организации как отдельных служб, так и правоохранительных органов в целом.

Разрабатываемые самостоятельно тактические приемы и методы различных видов деятельности правоохранительных органов - оперативно-розыскной, дознавательской, информационно-аналитической, технико-криминалистической, процессуальной и т.п. - не всегда стыкуются между собой и поэтому результаты их применения зачастую не приносят ожидаемого эффекта на последующих стадиях борьбы с преступностью. Примерами отрицательных последствий подобной рассогласованности, отсутствия необходимой интеграции, могут служить не столь редкие, к сожалению случаи невозможности сбора следователями достаточных доказательств вины преступника, выявленного в результате оперативно-розыскной деятельности органов милиции, либо оправдания судом человека, в последующем все же обвиненного в совершении преступления.

¹ Колесниченко А.Н., Комаров В.С. Проблемы криминалистической тактики. - Правоведение, 1974, № 2, с.129.

² Васильев А. Тактический прием - основа следственной тактики. - Социалистическая законность, 1974, № 2, с.45.

Таким образом, представляется бесспорным, что успешное выполнение поставленной 25 съездом КПСС задачи укрепления правопорядка и совершенствования деятельности милиции, прокуратуры, судов и органов юстиции¹ зависит от внедрения в эту деятельность новых, научно обоснованных высокоэффективных форм, приемов и методов борьбы с преступностью. В то же время разработка таких приемов и методов возможна лишь на основе комплексного подхода к научению этой борьбе как единого процесса.

Закономерность и правильность именно такого подхода к исследованию сначала общих, комплексных вопросов прямо вытекает из известного ленинского положения о том, что "... кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натягаться" на эти общие вопросы".²

Как известно, процесс борьбы с преступностью в нашей стране осуществляется на основе единых общих принципов, в строгом соответствии с положениями Конституции и законов Союза ССР, а также руководящих указаний и постановлений Верховного Суда СССР, приказов и указаний Генерального прокурора СССР, директив и приказов Министра внутренних дел СССР. В то же время демократический централизм Советского социалистического государства "... предполагает в первый раз историей созданным возмозможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почва, местной инициативы; разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели".³ Борьба с преступностью в каждой союзной республике осуществляется с учетом местных особенностей, конкретной ситуации, оперативной обстановки.⁴ Естественно при этом, что применяемые средства, приемы и методы являются вариантными.

¹ Л.И.Брежнев. Отчет ЦК КПСС в очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с.82.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.15, с.366.

³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.36, с.200.

⁴ Подробнее об этом см.: Каваларо А.К. Некоторые факторы, влияющие на тактику организации борьбы Министерства внутренних дел с преступностью в союзной республике. - В кн.: Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1972, вып.35.

Когда мы говорим о ситуационности и вариантности какой-то деятельности, мы обычно обозначаем это ее (деятельности) тактикой. Правильность такого понимания тактики как действий, строго соответствующих конкретной обстановке, реальной ситуации, которые могут меняться в зависимости от изменений этой ситуации, подтверждается и вытекает из ряда Ленинских положений. Так, В.И. Ленин прямо писал, что "...учет объективной ситуации... может служить опорой правильной тактики",¹ а сама "... тактика состоит в соединении различных приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому".²

Коллективный характер, комплексность осуществляемого ситуационно и вариантно единого процесса борьбы с преступностью, дает основания сформулировать наряду с общепринятым понятием следственной или криминалистической тактики и новое, более широкое понятие тактики борьбы с преступностью в целом.

В определениях следственной или криминалистической тактики А.Н. Васильева /"... следственная тактика - система основанных на нормах уголовного процесса тактических приемов целенаправленного и планомерного расследования, обеспечивающих быстрое раскрытие преступлений, установление виновных объективное и полное выяснение всех существенных обстоятельств дела"³, /И.Е. Быховского/ "Следственная тактика - это самостоятельная часть науки криминалистики, содержащая совокупность (систему) научных положений и тактических приемов, применяемых с соблюдением требований процессуального закона при расследовании всех видов преступлений для их раскрытия с минимальной затратой сил, средств и времени"⁴ (и Р.С. Белкина) "Следственная тактика представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения о

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 77.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 57.

³ Криминалистика. М., 1963, с. 272.

⁴ Криминалистика. Л., 1976, с. 280

дельных следственных и судебных действий, направленных на собиранье и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений¹ указаний на ситуационность и вариантность тактических приемов и рекомендаций не содержится. Думается, что их все же следует включить в предлагаемое определение.

Таким образом, неразрывное единство всех мероприятий по предупреждению и раскрытию преступлений, осуществляемых на современном этапе правоохранительными органами, обуславливает следующее определение этого понятия:

Тактика борьбы с преступностью — это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по оптимальным вариантам организации и проведения, с учетом ситуации в региональной единице, основанной на законе деятельности органов дознания, следствия и суда по предупреждению, раскрытию, предварительному расследованию и судебному рассмотрению преступлений, организации работы и определению линии поведения и взаимодействия лиц, осуществляющих эту деятельность, и наиболее эффективных приемов проведения мероприятий и действий, направленных на установление истины по делу и изобличение лиц, совершивших преступление.

Предлагаемое определение ни коим образом не претендует на бесспорность и завершенность. Это лишь попытка теоретически осмыслить происходящие в практике борьбы с преступностью явления. Тем не менее представляется, что внедрение данного понятия имело бы определенный теоретический и практический смысл. В теоретическом плане из него следует необходимость более тесной интеграции юридических и так называемых управленческих наук, в частности — возможность и необходимость использования в криминологике положений науки управления и криминологии, и наоборот, — применимость рекомендаций криминологии при решении организационно-управленческих задач, возникающих в процессе борьбы с преступностью, с тем, чтобы на базе такой интеграции осуществлять комплексные исследования и разрабатывать столь нужные практике рекомендации по научно обоснованному усовершенствованию тактики борьбы с преступностью.

¹ Криминологика. М., 1976, с.220; Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминологии. М., 1970, с.71.

К ВОПРОСУ С ПОНЯТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Профилактика преступлений является закономерным требованием в социалистическом государстве, занимает и должна занимать в деятельности административных органов, прокуратуры и суда важное место. "Наряду с применением мер наказания, предусмотренных законами, у нас проявляется все большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить", — заявил Л.И.Брежнев на XXIV съезде КПСС.¹

Предупреждение преступлений составляет, таким образом, неотъемлемую сторону деятельности правоохранительных органов и, в том числе, следственного аппарата, в обязанности которого входит установление и принятие мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Марксизм учит, что в первую очередь борьба должна вестись с причиной, а не со следствием.² Интерес ученых-криминалистов и практических работников к исследованию проблемы предупреждения преступлений с каждым годом ширится и углубляется. Каждая юридическая дисциплина, в том числе и криминалистика, уделяют должное внимание проблемам предупреждения правонарушений в своем аспекте. Проблемы предупреждения преступлений в криминалистике стали предметом глубоких исследований сравнительно недавно, только после принятия действующего уголовно-процессуального закона, предусматривающего решение задач предупреждения преступлений в судопроизводстве.

В 1958 году впервые в уголовно-процессуальном законе была закреплена задача по предупреждению преступлений. В части второй статьи 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик указано, что судопроизводство

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с.81.

² Марко К., Ангельс Ф. Доклад генерального совета о праве наследования. — Соч., 3-е изд., т.16, с.383.

должно способствовать предупреждению и искоренению преступлений. Кроме этой общей задачи по предупреждению и искоренению преступлений, в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик получила также отражение обязанность лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда выявлять и принимать меры к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Единственными государственными органами, на которые законом возложена обязанность рассматривать способствующие преступления обстоятельства, являются органы предварительного расследования и суд. Лицо, расследующее преступление, проводит основную работу по исследованию обстоятельств, приведших к совершению преступления. Законом специально не определен порядок и пути осуществления профилактической деятельности органов расследования и суда, поэтому расследование обстоятельств, способствовавших совершению преступления, должно осуществляться в порядке и общих формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, т.е. посредством проведения следственных действий, истребованием и приобщением к делу различных документов (актов обследования, справок и т.п.).¹

Представляется, что правы авторы, подчеркивающие в своих трудах непосредственную задачу органов расследования и суда по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятию мер к их ликвидации. Так, например, В.Теребилов пишет: "Принятие мер к выявлению и устранению причин, способствовавших возникновению опасных преступлений, должно быть не вспомогательным моментом в работе следователя, а составной частью следствия, не менее важной, чем исследование фактических обстоятельств самого

¹ Подробнее см.: Якубович В.А. Процессуальные средства и методы выявления причин, способствующих совершению преступлений. - В кн.: Выявление причин преступлений и принятие предупредительных мер по уголовному делу. М., 1967, с. 42-43; Сергеев Л.А. Деятельность следователя по предупреждению хищений. - В кн.: Предупреждение хищений социалистического имущества. М., 1969, с. 57; Сыров А.П. Средства выявления в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел причин и условий, способствовавших хищениям. - В кн.: Предупреждение хищений социалистического имущества. М., 1969, с. 13.

преступления, Именно в этом залог успешного решения задачи Советской ликвидация опасных преступлений".¹

Пленум Верховного Суда СССР неоднократно указывал в своих постановлениях на необходимость выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления по уголовным делам.²

Известно, что быстрое и результативное расследование каждого преступления имеет большое профилактическое значение, является действенным методом предупреждения преступлений и наоборот, неоперативное расследование или нераскрытие вообще преступлений создают обстановку безнаказанности и могут послужить обстоятельствами, способствующими совершению других преступлений.

Глубокий смысл предупреждения преступных проявлений заложен в известном высказывании В.И. Ленина о том, что важно, чтобы на один случай преступления не проходил нераскрытым.³

Осуждение преступника судом также играет профилактическую роль: 1) как правило, воздерживает осужденного от совершения дальнейших преступлений; 2) предупреждает других граждан от совершения преступлений; 3) дает возможность разрабатывать мероприятия превентивного характера с учетом результатов процесса отбывания наказания и перевоспитания преступника.

¹ Терехилов В. В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места преступности. - Социалистическая законность, 1961, № 1, с.17; см. также: Маньковский Г. Главное - предотвращение преступлений. - Социалистическая законность 1961, № 11, с.31-35; Николаичев В.М., Матвеев Е.А. Беспристрастность, полнота и объективность предварительного расследования. Мавек, 1969, с.58; Зубков Г.Г. Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступления, и принятая мер к их устранению. М., 1964, в.199.

² СУ РСФСР, 1932, № 3, с.22; Бюллетень Верховного суда СССР, 1962, № 3, с.35; Бюллетень Верховного суда СССР, 1965, № 2, с.15, 16, 37.

³ Ленин В.И. Случайные заметки. - Полн. собр. соч., т.4, с.412.

Исследуя проблемы предупреждения преступлений в стадии предварительного расследования, в первую очередь необходимо иметь ясность в вопросах предмета предупреждения, пределов и специфики предупредительной работы. Именно эти вопросы рассматриваются большинством авторов, посвятивших свои труды профилактике преступлений. Каждая наука, также как и криминалистика, определяет предупреждение преступлений в своем аспекте и ставит свои задачи. Тридцать лет тому назад (1948) Г.А.Александров считал, что "Советская криминалистика не может быть полноценной, если ею не освоены такие важнейшие разделы, как методика расследования преступлений и методика предупреждения преступности".¹ Придавая большое значение и широту проблемам предупреждения преступлений, автор полагал, что вопросам предупреждения должен быть отведен самостоятельный раздел наряду с разделами техники, тактики и методики. Первое определение криминалистики с учетом задач профилактики дал А.И.Винберг в 1950 году: "Советская криминалистика является наукой о технических и тактических приемах и средствах... изыскания способов предупреждения преступлений".² Автор считал, что "криминалистика должна разрабатывать предупредительные мероприятия в виде защитных средств, препятствующих совершению преступлений и предупреждающих либо затрудняющих их осуществление" и пояснял, что к таким средствам он относит: уголовную регистрацию, защитные средства от подделок документов, способы охраны социалистического имущества и другие.³

А.И. Винберг, таким образом, отнес задачи криминалистики в области профилактики преступлений только к криминалистической технике. Аналогичную точку зрения высказал Н.В.Терзиев.⁴

¹ Александров Г.А. Совершенствование методов расследования преступлений - в центре внимания советской криминалистики. - Социалистическая законность. 1948, № 2, с.7.

² Винберг А.И. Предмет и метод советской криминалистики. В кн.: Криминалистика. М., 1950, ч.1, с.4.

³ Там же, с.9.

⁴ Терзиев Н.В. Лекция по криминалистике. М., 1951, с.6.

Иной точки зрения придерживался П.Тарасов-Родонов (1961), по мнению которого криминалистика обявана разрабатывать методы установления причин, способствовавших совершению преступления и устранения их на уровне всех разделов науки криминалистики.¹

10 лет спустя А.Н.Васильев и В.П.Колмаков отметили, что вопросы предупреждения преступлений еще не получали своего места в предмете криминалистики.²

Вопросы предупреждения преступлений А.Н.Васильев (1963) относил как к разделу следственной тактики, так и к методике расследования отдельных видов преступлений.³

В изданиях 60-х годов авторы начали уделять внимание разработке мероприятий по выяснению обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

В учебниках по криминалистике 70-х годов вопросам предупреждения преступлений в том или ином аспекте уделено известное внимание уже во всех разделах криминалистики.⁴

¹ Тарасов-Родонов П.И. Советская криминалистика.- Социалистическая законность. 1951, № 7, с.8.

² Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений.- Советское государство и право. 1961, № 12, с.107-108. Васильев А.Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики.- Советская криминалистика на службе следствия. М., 1961, вып.15, с.12.

³ Криминалистика. Отв.ред. А.Н.Васильев. М., 1963, с.7, 290, 476, 508.

⁴ Крылов И.Ф. Предмет, метод и система советской криминалистика.- В кн.: Криминалистика. Д., 1976, с.6, 11. Крылов И.Ф. Методика расследования отдельных видов преступлений.- В кн.: Криминалистика. Д., 1976, с.436. Танасевич В.Г. Дискуссионные вопросы соотношения предметов уголовно-процессуальной науки, криминалистической тактики и методики раскрытия преступлений.- В кн.: Советская криминалистика. М., 1978, с.43. Танасевич В.Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений.- В кн.: Советская криминалистика. М., 1978, с.171. Яблоков Н.П. Предмет методики расследования отдельных видов преступлений.- В кн.: Актуальные проблемы советской криминалистика. М., 1979, с.47-50.

К признакам криминалистической тактики В.Е.Коновалова (1978) относит также "осуществление профилактической деятельности путем выяснения в ходе расследования причин и условий способствующих совершению преступлений."¹

Следует согласиться с А.А.Эйсманом (1978) о том, что изучение и обобщение явлений, служащих причинами и условиями, способствующими совершению преступления, "входит в предмет криминалистики в той мере, в какой она служит базой для разработки соответствующих мер по устранению названных причин и условий".²

Как видим, многие ученые считают одной из важных задач науки криминалистики разработку проблем предупреждения преступлений. Разумеется, что при этом не идет речь об общих, традиционных задачах успешного раскрытия преступлений, а именно, безусловно, большое профилактическое значение. Если считать, что задачи, приёмы и средства раскрытия преступлений покрывают приемы, средства и задачи предупреждения преступлений, то нерезонно подчеркивать профилактику в дефинициях предмета криминалистики.

В течение 30 лет, с тех пор, когда впервые были затронуты проблемы профилактики преступлений в криминалистике, в советской криминалистической литературе, поскольку нам известно, только В.Ф.Зудин и И.Я.Фридман дали определенную профилактику преступлений.

В.Ф.Зудин в своей книге "Предотвращение и расследование преступлений" впервые пишет: "Под предупреждением преступлений в советской криминалистике следует понимать специальную систему процессуально-тактических, научно-технических, частно-методических и организационно-воспитательных средств и методов, с использованием общественных

¹ Коновалова В.Е. Тенденции развития теории криминалистической тактики. - В кн.: Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования. М., 1978, с.16. См. также: Белкин Р.С. Следственная тактика. - В кн.: Криминалистика. М., 1976, с.220-221.

² Эйсман А.А. "Введение к криминалистике" - учение о предмете, системе, методах и истории криминалистики. - В кн.: Советская криминалистика. М., 1978, с.12.

форм воздействия по установлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений".¹

Из данного определения следует, что предмет криминалистики в области предупреждения преступления составляют средства и методы по установлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, т.е. в одном, но главном направлении. Однако в расшифровке своего определения автор говорит не только о выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, но и о других задачах по предупреждению преступлений: организации правовой пропаганды, политико-воспитательной работы среди населения и т.п.

Разумеется, что работа следователя по предупреждению преступлений, осуществленная вне процесса предварительного расследования, не входит в сферу науки криминалистики. В.Ф.Зудин необоснованно широко ставит вопросы предупреждения преступлений в криминалистике.²

Законом обязывает следователя выяснять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, при расследовании преступлений и только законом дозволенными методами и средствами.

И.Я. Фрадман определил (1969) криминалистическую профилактику как "совокупность таких основанных на данных криминалистики и судебной экспертизы научных приемов и средств, которые разрабатываются, совершенствуются в каждом из упомянутых разделах советской криминалистики (в необходимых случаях—совместно с представителями других областей науки и техники) и используются криминалистами".³

¹ Зудин В.Ф. Предотвращение и расследование преступлений. Саратов, 1963, с.79.

² Следует здесь отметить, что аналогично концепциям В.Ф. Зудина широко понимается криминалистическая профилактика в ГДР и ЧССР. См. Stelzer E. Sozialistische Kriminalistik. Berlin, 1977, с.50, 53, 59. Za klady kriminalistiky. Praha, 1976, с.62, 162, 281, 333, 355.

³ Фрадман И.Я. Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев. 1968, с.18.

Уточняя свое определение, И.Я.Фридман пишет (1971): "Составляя совместно с другими частными криминалистическими теориями часть предмета криминалистики, раздел ее общей научной теории, криминалистическое учение о профилактике изучает закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружения, исследования, оценки и использования в предупредительных целях".¹ Спорной является та часть определения, которая указывает на изучение закономерностей возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям. Изучение этих закономерностей составляет предмет криминологии, а не науки криминалистики. Обнаружение и оценка обстоятельств, способствующих преступлениям, автором правильно отнесены к предмету науки криминалистики. Правильно утверждает И.Я.Фридман: "Под криминалистическими мерами предупреждения преступлений должны пониматься все меры, непосредственно основанные на криминалистической технике, тактике и методике расследования преступлений".²

Что касается места профилактики в системе криминалистики, то В.Ф.Зудин свою точку зрения не высказал. И.Я.Фридман, возражая (1968) против предложения В.П.Колмакова о создании самостоятельной части в системе науки криминалистики по методике криминалистической профилактики³, считал, что нет необходимости выделять вопросы профилактики в самостоятельную часть криминалистики.⁴ Однако, позже (1971) он писал: "Криминалистические приемы, средства и

¹ Фридман И.Я. Вопросы профилактики в системе криминалистики. - В кн.: Криминалистика и вопросы судебной экспертизы. Киев, 1971, вып. 8, с.102.

² Фридман И.Я. Предмет криминалистики и вопросы предупреждения преступлений. - В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969, вып. 6, с.129.

³ Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. - Советское государство и право. 1961, № 12, с.107-108.

⁴ Фридман И.Я. Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев, 1968, с.18.

методы предупреждения преступлений должны разрабатываться наукой криминалистикой и составлять неотъемлемую часть ее предмета и системы... Практически могут быть выделены только общие вопросы криминалистической профилактики, относящиеся ко всем составным частям криминалистики, остальные же вопросы профилактики нужно рассматривать не наряду с упомянутыми частями, а к каждой из них". Эти общие вопросы автор относит к частной криминалистической теории профилактики.¹ Представляется, что общие вопросы предупреждения преступлений относятся к криминологии, а не к криминалистике. За минувшие годы со времени вступления в силу новых уголовно-процессуальных кодексов, предусматривающих деятельность органов расследования по предупреждению преступлений, написан ряд значительных работ в области криминалистики по вопросам профилактики, для рассмотрения которых нет места в данной ограниченной объемом статье. Разумеется, что не все основные проблемы получили свою развернутую и глубокую разработку. В криминалистической литературе недостаточно внимания уделяется разработке понятия, средств и методов предупреждения преступлений в процессе предварительного расследования преступлений. Следует подчеркнуть, что профилактика правонарушений является программным требованием нашей партии.² Потому советская криминалистика не может стоять в стороне от профилактики преступлений и именно она обязана разрабатывать методы и средства по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Работа органов расследования в области предупреждения преступлений носит двойной характер: опосредствованной деятельности и непосредственной деятельности, направленной прямо на решение задач предупреждения преступлений. Опосредствованная деятельность следователя заключается, в первую очередь, в своевременном и полном раскрытии всех

¹ Фридман И.Я. Вопросы профилактики в системе криминалистики. - В кн.: Криминалистика и вопросы судебной экспертизы. Киев, 1971, вып. 8, с.101-102.

² Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962, с.400.

преступлений, в правовой пропаганде, в тесных связях с общественностью и т.п. Непосредственная же работа следователя по профилактике преступлений, определенная уголовно-процессуальным законодательством, предполагает выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и принятие мер к их устранению. Поскольку эта деятельность следователя протекает в плане выполнения требований уголовно-процессуального закона, то наука криминалистика, как справедливо указывает А.Н.Васильев, "помогает в применении закона тактическими приемами и научно-техническими средствами"¹, и, следовательно, решает вопросы профилактики на уровне ее разделов.

То обстоятельство, что в настоящее время не по всем делам (в Латвийской ССР - примерно по каждому третьему делу²) распадаются обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, говорит о том, что следственные органы слабо вооружены методами и средствами по установлению этих обстоятельств.

Наука криминалистика, способствуя практическому осуществлению задач уголовно-процессуального права и разрабатывая свои средства и методы в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального кодекса, закономерно взяла на свое вооружение термин "предупреждение преступлений", поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство (статья 48, 143 и 144 УПК ЛатвССР) ставит новые задачи перед органами расследования о предупреждении преступлений. Поэтому криминалистика и обязана "работать" в этом новом направлении. В противном случае криминалистика уже не будет способствовать реализации уголовно-процессуального закона. Наиболее полно и точно выяснить обстоятельства совершения конкретного преступления можно только криминалистическими методами и средствами в пре-

¹ Васильев А.Н. Проблемы советской криминалистика. - Социалистическая законность, 1973, № 3, с.27.

² Индулен И.Г., Дзукшис В.Б. Пределы выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в стадии предварительного расследования преступлений. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Рига, 1978, с.151.

после предварительного расследования. Поскольку каждое преступление имеет свои особенности, постольку необходимо изучать конкретные причины, вызвавшие определенное преступление в специфических условиях с учетом характеристики личности преступника. Именно производство следственных действий по выяснению причин совершения общественно опасного деяния, дает ключ к установлению истины по уголовному делу. От быстроты, оперативности и мастерства следователя, от своевременности производства тех или иных мероприятий по сбору доказательств о причинах и условиях, способствовавших совершению расследуемого преступления, зависят качество и полнота выявления и устранения этих обстоятельств, что в итоге обуславливает эффективность предупреждения преступлений.

Разработанные криминологией понятия причины, условий, обстоятельств преступления и другие ее положения составляют теоретическую предпосылку деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Проблемы предупреждения преступлений, разрабатываемые криминалистикой, не должны дублировать положения других наук: уголовного процесса, криминология, уголовного права социология, психология и др. Криминалистика обязана исследовать присущие ей, не исследуемые другими науками проблемы. Такими являются методы расследования обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Криминология и криминалистика тесно связаны. Последняя является основным поставщиком "сырья" для криминологических исследований. Это и материалы уголовного дела и лица, необлаченные в совершении преступлений. Правильно указывает на связь между криминалистикой и криминологией В.Н.Кудрявцев. Он пишет: "Материалы конкретных дел лежат в основе широких криминологических обобщений".¹

¹ Кудрявцев В.Н. Выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Общие положения. - В кн.: Советская криминология. М., 1966, с.185. См. также: Гердензон А.А. Предмет, метод и система советской криминологии. - В кн.: Советская криминология. М., 1966, с.15-16.

Прав, на наш взгляд И.А.Фридман, указывающий, что "те вопросы предупредительной работы, которые непосредственно связаны с тактикой проведения следственных действий, методикой расследования отдельных видов преступлений, следует относить не к предмету криминологии, а к предмету криминалистика".¹

Говоря о соотношении криминалистики и криминологии, немецкий криминолог Дж.Лекшас отмечает, что криминалистика наравне с криминологией занимается признаками преступности и что в задачу криминаликтики входит разработка приемов и технических средств, применяемых органами расследования для выявления причин и условий конкретных преступлений.²

Три основные стороны роли криминалистики в предупреждении преступлений назвал С.П.Митричев: 1) высокий уровень раскрываемости преступлений; 2) выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений; 3) разработка научно-технических средств, препятствующих совершению преступлений.³

Разумеется, разработка конкретных путей устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, зависящих от государственных и общественных организаций и решаемая в масштабе общегосударственных мероприятий, не составляет предмет криминалистики.

¹ Фридман И.А. Предмет криминалистики и вопросы предупреждения преступлений.- В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969, вып.6, с.128. См. также: Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики.- Советское государство и право. 1961, № 12, с.107-108; Справедливо пишет Д.Я.Мирский: "Криминалистика призвана разрабатывать пути и способы выявления в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, предлагать меры, направленные на устранение этих причин и условий".- Мирский Д.Я. Некоторые вопросы расследования отдельных видов преступлений в свете лондонского принципа неотвратимости наказания.- В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972, с.39. См. также: Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (Вопросы теории). Львов, 1976, с.9-10.

² Buchholz Erich, Hartmann Richard, Lekchas John. Sozi-alistische Kriminologie. Berlin, 1965, с.33.

³ Митричев С.П. Введение в курс советской криминалистики.- В кн.: Криминалистика. М., 1964, с.6.

Анализируя приведенные и иные точки зрения о задачах криминалистики в области предупреждения преступлений, получившие свое отражение в криминалистической литературе, можно отметить, что все они охватываются тем, что: 1) криминалистика участвует в предупреждении преступлений с помощью только ей свойственных криминалистических средств и методов; 2) основными направлениями в криминалистике по предупреждению преступлений являются выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений; 3) криминалистика разрабатывает специальные средства защиты отдельных объектов от преступных посягательств.

Криминалистика разрабатывает методы и пределы одной из важнейших сторон работы следователя в области предупреждения преступлений, а именно: по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений. И здесь на помощь следователю приходят и криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений. Вся работа следователя в стадии предварительного расследования преступлений от начала до конца должна быть пронизана выполнением задачи по выявлению этих обстоятельств и, следовательно, он, как правило, первым сталкивается с возможностью принять меры к устранению установленных причин и условий.

Специфику тактики производства отдельных следственных действий обуславливает соответствующая следственная ситуация, цели и задачи следственного действия. Так, например криминалистика подробно разработала тактику предъявления доказательств в ситуациях, когда обвиняемый себя виновным не признает, когда он виновным признал себя частично, когда он дает заведомо ложные показания. Тактика осмотра места происшествия имеет свои особенности по делам об убийствах, по делам автоаварий и т.д. Несомненно, что тактика следственных действий по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, имеет свои особенности. Так, например, поведение обвиняемого на допросе будет разным при предъявлении ему обвинения и при выявлении условий, способствовавших совершению преступлений. Следственный и экспертный эксперимент для установления причин и услови-

в силу которых было совершено преступное действие, требуют своих путей решения. Для поиска доказательств, касающихся обстоятельств, способствовавших совершению преступления, необходимы свои методы и средства. Если, например, криминалистика разработала систему мероприятий для установления личности при обнаружении трупа неизвестного лица - назначение судебно-медицинской экспертизы, дактилоскопирование, проверка лиц, безвестно пропавших и т.д., то и в отношении причин и условий, способствовавших совершению конкретного вида преступления, необходимо разработать систему мероприятий для установления этих обстоятельств. В целях реализации требований статьи 143 УПК ЛатвССР следственная тактика и методика расследования отдельных видов преступлений обязаны разрабатывать приемы и способы привлечения общественности к установлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и к их устранению.

Кончено, во многом задачи установления состава преступления и обстоятельств, породивших преступление, решаются аналогичными приемами и теми же средствами. Не может быть сомнения в том, что следственная тактика призвана разрабатывать рекомендации по успешному расследованию обстоятельств, имеющих профилактическое значение. "Одно из наиболее важных направлений развития следственной тактики определяется тем, - справедливо пишет Г.Г.Зуйков, - что закон впервые рассматривает в качестве одной из задач расследования предупреждение преступлений".¹

В литературе авторами высказано единое бесспорное мнение о том, что криминалистическая техника (защита документов от подделок, запирающие устройства и т.п.) непосредственно решает задачи предупреждения преступлений, т.е. здесь налицо криминалистическая профилактика "в чистом виде". Однако при более близком ее рассмотрении этих задач криминалистической техники нетрудно заметить, что она, как правило, возникает в процессе выявления и устранения усло-

¹ Зуйков Г.Г. Общие положения следственной тактики.- В кн.: Криминалистика. М., 1968, с.267.

бий, способствовавших совершению преступлений. Разработка защитных средств документов (сеток, водяных знаков, чернил и т.п.), "химических ловушек", сложных запирающих устройств, систем сигнализации и т.д. явилась следствием принятия мер по устранению тех обстоятельств, которые позволили совершать подделку документов, легко отпирать замки и взламывать хранилища материальных ценностей, угонять автомашины, похищать деньги, документы и т.п. При этом следует отметить, что эти профилактические средства разрабатываются представителями разных профессий (химиками, инженерами-строителями, физиками, художниками, полиграфистами и др.) по предложениям и заявкам правоохранительных органов. В криминалистике же разрабатываются методы их использования. Напротив, вопросы тактики и методики расследования разрабатываются непосредственно криминалистикой. Таким образом, в аспекте криминалистической техники налицо также выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и принятие мер к их устранению.

Следовательно, и криминалистическая техника и следственная тактика и методика расследования отдельных видов преступлений действуют в области предупреждения преступлений в одном направлении: для установления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Это не что иное, как профилактика преступлений. Также как уголовное право и уголовный процесс не разрабатывают технику, тактику и методику раскрытия преступлений, так и криминология и уголовный процесс не разрабатывают технику, тактику и методику установления причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Задачи криминалистики в области предупреждения преступлений лежат в ином плане по сравнению с задачами установления состава преступления и преследуют сбор доказательств об обстоятельствах, породивших преступление. Причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, являются весьма сложными категориями явлений, и их установление, как правило, связано с большими трудностями. В настоящее время в криминалистике, таким образом, существуют два основных направления ее целей и задач: первое — это доказывание состава преступления

и привлечение к ответственности лица, его совершившего, и второе - доказывание обстоятельств, обусловивших совершению преступления, и принятие мер к их устранению. Это раскрытие и предупреждение преступлений.

До начала 60-х годов весь арсенал криминалистической техники, тактики и методики был направлен только на исследование состава преступления, обусловленного нормами уголовного закона. Новое уголовно-процессуальное законодательство нарушило эту "однобокость" направления следствия и потребовало решать новые задачи, непосредственно направленные на профилактику преступлений.

Если в начальный период становления предупреждения преступлений в криминалистике шла речь о превенция в объеме криминалистической техники, то сейчас большинство ученых - криминалистов считает, что вопросы предупреждения преступлений входят во все разделы криминалистики.

Следует согласиться с мнением Н.П.Яблокова, считающего что криминалистика обязана разрабатывать "приемы и средства профилактической работы по уголовным делам", в основе которых "лежат данные криминалистической техники, следственной тактики и методики расследования".¹

Для расследования причин и условий, обусловивших совершение преступлений, как верно предполагает Г.Г.Зуйков и И.Я.Фридман, может быть использован весь арсенал криминалистических приемов и средств, независимо от первоначальных целей создания этих средств и приемов.²

В литературе, как уже было сказано, возник вопрос, занимает ли предупреждение преступлений в системе криминалистики обособленное, самостоятельное направление или оно представляет дополнительную, частную задачу в рамках дока-

¹ Яблоков Н.П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности. Дис. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. М., 1971, с.591.

Зуйков Г.Г. Предупреждение преступлений средствами криминалистики. - В кн.: Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967, с.114.

Фридман И.Я. Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев, 1968.

звания состава преступления. О том, что имеются основания для создания специального учения о криминалистической профилактике и отведения ему отдельного места в системе науки криминалистики писал Г.А.Александров (1948), В.П.Колмаков (1961), С.С.Степичев (1968) и И.Я.Фридман (1971).

По нашему мнению, эти предложения пока преждевременны. С уверенностью можно полагать, что со временем будут глубоко исследованы особенности профилактики при производстве отдельных следственных действий, накоплен и обобщен богатый практический опыт о предупредительных мерах по отдельным видам преступлений, разработаны наиболее эффективные приемы выявления обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, изучены наиболее целесообразные формы привлечения общественности и т.д. Мы присоединяемся к мнению И.М.Лузгина о том, что в дальнейшем получит свое развитие "теория криминалистической профилактики".¹ Вопросы превенции преступлений в стадии предварительного расследования преступлений решаются в настоящее время путем быстрого и полного раскрытия каждого преступления; выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления; принятия мер к устранению этих причин и условий, в том числе и путем разработки технических средств предотвращения преступлений.

Повышение научного уровня криминалистики и расширение круга ее проблем диктуется, в первую очередь, необходимостью усиления эффективности борьбы с преступностью - вооружения органов расследования новыми средствами, формами и методами расследования преступлений.

Правомерен будет вывод о том, что под криминалистическим предупреждением преступлений следует понимать совокупность методов и средств, разрабатываемых наукой криминалистикой и применяемых в соответствии с требованием уголовно-процессуального закона для установления обстоятельств способствовавших совершению преступлений, и для принятия мер к их устранению.

Проблемы профилактики преступлений прочно и широким фронтом входят в криминалистику.

¹ Лузгин И.М. Методические проблемы расследования. М., 1973, с.13.

СОБЕРЕНСТВОВАНИЕ ПОНЯТИМНОГО АППАРАТА КРИМИНАЛИСТИКИ

На каждом этапе развития криминалистики составляющие ее понятия выражают итоги познания ею своего предмета, степень теоретического овладения своей предметной областью. Ввиду молодости криминалистики ее понятийный аппарат находится в становлении. Нельзя не согласиться с Ф.В. Бердичевским о том, что выработанные криминалисткой понятия пока еще не образуют целостной системы.¹ Объяснение этому — недостаточный уровень теоретического обобщения накопленного научного материала.

В криминалистической литературе оперируют двоякого рода понятиями: собственно криминалистическими и понятиями, позаимствованными из других наук. В упомянутой работе Ф.В. Бердичевский с сожалением констатирует бедность понятийного аппарата двух разделов криминалистики — тактики и методики, которые в основном обходятся понятиями, позаимствованными из уголовно-процессуальной науки и не специфичными для криминалистики (доказательства и предмет доказывания, правила оценки, условия относимости и допустимости доказательств и т.д.)².

Использование криминалисткой понятий, выработанных другими науками, свидетельствует о тесной связи криминалистики с другими науками. Конечно, такие понятия не входят в систему криминалистических понятий, но оперирование ими в криминалистике правомерно: подобно тому как предметная область криминалистики тесно связана с предметными областями других наук (особенно уголовно-правовых), так и понятия, их отражающие, взаимосвязаны между собой. Здесь необходима лишь явная осторожность в их использовании. "Другие

¹ Бердичевский Ф.В. О предмете и понятийном аппарате криминалистики. — Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976, вып. 24, с. 132.

² Там же, с. 132.

понятия, используемые в данной науке, предполагаются уже ясными. Во всяком случае, задача их разъяснения (или определения) в данной науке может приниматься за решенную, хотя практически она не всегда удовлетворительно решена".¹

Отнесение того или иного понятия к науке криминалистике или другой науке зависит прежде всего от воззрений на предмет соответствующей науки. В настоящее время в криминалистике получила широкое распространение точка зрения, в соответствии с которой к предмету криминалистики относятся закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанные на них средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений.² В данном случае мы не обсуждаем правомерность отнесения к предмету криминалистики определенных закономерностей. Несомненно, что каждая наука изучает специфическую область закономерностей — необходимых связей и отношений своей предметной области. Вопрос ставится в несколько иной плоскости — что представляют закономерности, изучаемые криминалистикой, и чем они отличаются от закономерностей, изучаемых наукой уголовного процесса и ее составной частью — теорией судебных доказательств.

Отстаиваемая Р.С.Белкиным точка зрения на предмет криминалистики практически сводится к тому; что криминалистика изучает закономерности доказывания в судебном исследовании.

Предметом теории судебных доказательств, как это общепринято, являются процессуальные действия и процессуальные отношения, связанные с доказыванием. Нельзя не отметить, что расхождения во взглядах на предмет теории судебных доказательств в криминалистике отказываются лишь терминологическими. Свидетельством этого служит то обстоятельство, что некоторые авторы пришли к выводу о наличии двух теорий су-

¹ Петров Ю.А. Логическая функция категорий диалектики. М., 1972, с.13.

² Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1977, т.1, с.18.

дебных доказательств и в науке уголовного процесса и криминалистике¹, а другие - о наличии общей для обеих наук области знания - теории доказательств.²

Налицо двоякого рода последствия в связи с рассматриваемой точкой зрения на предмет криминалистики. Во-первых, предметные области криминалистика и теории судебных доказательств совпали. При устранении чисто внешних, терминологических расхождений в описании каждой из предметных областей различие предмета криминалистики и теории доказательств приобретает призрачный характер. Во-вторых, указанная точка зрения об отнесении к предмету криминалистики закономерностей доказывания в судебном исследовании привела к тому, что весь понятийный аппарат теории доказательств вошел в криминалистику как ее собственный продукт. В свою очередь, представители процессуальной науки предлагают включить в теорию судебных доказательств традиционно криминалистические проблемы выдвижения и проверки следственных версий.³

Сложившееся положение не может быть признано нормальным. Не являются убедительными ссылки сторонников данной точки зрения на интеграцию современного научного знания и взаимопроникновение научных знаний. Выход из сложившегося положения мы видим в дальнейших поисках и уточнения предмета криминалистики и, соответственно, создании подлинно криминалистической системы понятий. Особое значение при этом приобретает унификация криминалистической терминологии и введение в понятийный аппарат таких понятий, которые сделали бы возможным сопоставление предметных областей криминалистики и смежных с нею наук.

¹ Винберг А.И. Теория судебных доказательств в науке советской криминалистика.- Сов.Государство и право, 1977, № 12, с.74.

² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистика. М., 1970, с.43.

³ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с.11.

Криминалистика накопила достаточный эмпирический материал, и поэтому разрешение многих дискуссионных вопросов возможно путем логического анализа основных криминалистических понятий. Такое исследование позволит не только уточнить уже известные науке понятия и правильно взаимосвязать, но и также восполнить существенные пробелы в иерархической системе криминалистических понятий.

До сих пор неоднозначно раскрывается содержание таких понятий, как "криминалистика", "криминалистическая техника", "криминалистическая тактика" и "криминалистическая методика". Не менее важным является разработка и обоснование еще не утвердившихся в науке понятий "криминалистическая практика", "криминалистическая деятельность" и "криминалистическое отношение". Некоторые ученые отрицают необходимость подобных понятий в криминалистике и не видят соответственно тех явлений реальной деятельности, их связей и отношений, отображением которых они являются.¹

Введение в научный оборот новых, ранее не известных науке понятий - необходимость наиболее точно отобразить предметную область науки. Только этим объясняется применение В.И.Гончаренко, И.Ф.Крыловым, В.Г.Самошиной, А.М.Ларными, Н.С.Полевым и некоторыми другими учеными понятий "практическая криминалистическая деятельность" или "криминалистическая деятельность", как одной из форм практической деятельности.² О "криминалистической практи-

¹ Миньковский Г.М., Ратинов А.Р. О предмете криминалистики и ее соотношении в других отраслях научного знания. - Вопросы борьбы с преступностью. М., 1970, вып. 30, с.142; Бедкин Р.С. Курс советской криминалистика. М., 1977, т.1, с.35.

² См.: Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев, 1980, с.58; Криминалистика / Под ред. И.Ф.Крылова. Л., 1976, с.12; Самошина З.Г. Некоторые вопросы преподавания криминалистической науки Юридическом факультете МГУ. - Вестник МГУ. Право. 1977, № 6, с.46; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979, с.217; Основы применения кибернетики в правоведении. М., 1977, с.230.

ке" пишут также П.П.Цветков и П.С.Элькинд.¹ Входят в литературу и понятие "криминалистические отношения". Так, П.С.Элькинд признает наличие технико-криминалистических отношений, а В.С.Комарков - тактико-криминалистических.² Анализируемые понятия - "криминалистическая практика" и "криминалистическая деятельность" широко вошли в криминалистическую литературу социалистических стран, ими оперируют чешские криминалисты Я.Пешак, В.Прерад, немецкий криминалист Э.Штельцер и др.

Анализируемые понятия возникли в криминалистике стихийно под влиянием других областей знания, в которых они широко применяются. Но в каждой области знания эти понятия "практика" и "деятельность" наполнены своим специфическим содержанием. Поэтому они не могут быть механически перенесены в криминалистику и должны стать предметом специального изучения. В то же время отказ от уязвимых понятий не способствует ясности изложения мысли. Например, в одной из работ В.Г.Танасевич и А.Х.Казарина пишут, что "криминалистика не всегда связана с уголовно-процессуальной сферой. Она может выходить за рамки уголовного процесса".³ Указанные авторы не используют понятие "криминалистическая деятельность", понятию "криминалистика" придают только одно значение - науки, и в результате сравнивают науку криминалистику с уголовно-процессуальной сферой как формой практической деятельности, т.е. сравнивают несопоставимое.

Чтобы отграничить науку от соответствующей практической деятельности, отражением которой она является, И.Н.Якимов в свое время различал "криминалистику" и "практическую кри-

Цветков П.П. К вопросу о гарантиях законности при применении криминалистических способов собирания и исследования судебных доказательств. - Вестник ЛГУ, 1961, № II; вып. 2, с. 121; Горожкий Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978, с. 53.

Элькинд П.С. Цели и средства и достижения в советском уголовно-процессуальном праве. М., 1976, с. 9; Комарков В.С. Тактика допроса. Харьков, 1975, с. 8.

Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978, вып. 29, с. 58

миналистику". С подобным предложением различать криминалистику как науку и практическую деятельность выступил в 1972 г. А.Р.Мляков, обозначив последнюю термином "практическая криминалистика". В данном случае обращает на себя внимание характерное для многих ученых убеждение в том, что каждое научное понятие должно иметь только одно, строго определенное значение и употребляться только в этом значении. Поскольку понятием "криминалистика" охватывается лишь определенная область знания, рассуждают сторонники этой точки зрения, то для обозначения практики нужно другое понятие.

В этих высказываниях есть доля истины. Дело в том, что логический анализ понятия (т.е. раскрытие его содержания) может быть осуществлен на двух уровнях: формально-логическом и диалектическом. Формально-логический анализ понятия исходит из их строгой однозначности, закрепляемой последовательной формализацией языка. Диалектический подход при анализе понятий раздвигает узкие рамки формальной логики и отвергает односторонний подход к анализируемому понятию. Диалектическая логика привела к выводу о невозможности завершенной формально-логической обработки понятий.¹

Определение понятия как логическая операция имеет несколько функций: при помощи определения раскрываются различные значения понятия, в чем больше приведено определенных понятий, тем полнее раскрыто его содержание. Одним определенным раскрывается содержание лишь одной из многочисленных сторон понятия.²

Когда же дело доходит до практического применения положения диалектической логики к понятию "криминалистика", то многие криминалисты останавливаются на одном определении этого понятия и придают ему лишь значение науки.

¹ Бириков Б.В. О методологических аспектах проблемы значения в символической логике. М., 1963, с.33.

² Богусловский В.М. Слово и понятие. - В кн.: Мышление и язык. 1957, с.244; Горский Д.П. О видах определений и их значении для науки. - В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1964, с.293-294; Пузиков П.Д. Понятия и их определения. Минск, 1970, с.10 и др.

несомненно, что понятие "криминалистика" имеет множество сторон, однако произвольное соединение между собой различных сторон понятия не имеет ничего общего с диалектикой и представляет собой, как показал В.И. Ленин на примере рассуждений Троцкого и Бухарина, самую настоящую эклектику.¹ Логический анализ понятия предполагает первоначальное выделение в понятии двух его противоположных сторон, каждая из которых имеет свое определение. Именно в таком раздвоении единого и познании его противоречивых частей В.И. Ленин видел сущность диалектики.² В "Науке логики" Гегель отмечал, что при помощи одного суждения (определения) невозможно выявить истину, что истина достигается разложением определенного понятия на два противоположных суждения.³ В дальнейшем каждое новое понятие, как сторона предыдущего, вновь раздвигается на две противоположности, и так далее. В результате складывается аргументированная система понятий, каждое из которых выводится из предыдущего. На это обращает внимание В.С. Библер, подчеркивая, что в процессе анализа понятия "исходное понятие многократно раздвигается на противоположные определения, "порождая" все новые и новые понятия...".⁴ В.С. Библер высказывает и другое важное положение: развитие узлового понятия науки воплощает в себе логику развития научной теории, т.е. система взаимосвязанных понятий может быть интерпретирована как развитие этого исходного узлового понятия.⁵

Применительно к излагаемым нами вопросам таким узловым и исходным является понятие "криминалистика". Это понятие имеет два первоначальных и противоположных определения. Первое из них: криминалистика - форма практики, заключающаяся в⁶ Терминологически это понятие может быть выра-

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 291-292.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

3 Гегель. Наука логики. М., 1970. т. I, с. 150.

4 Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967, с. 23.

5 Там же, с. 23.

6 Нами не приводятся полные определения: в чем состоит специфические особенности криминалистики как практики и как науки - дело дальнейшего исследования.

жено словами "криминалистическая практика". Это основная, определяющая сторона анализируемого понятия. Второе определение данного понятия: криминалистика - это наука о... . В этом определении должно найти отражение, в чем состоит особенность криминалистической практики в отличие от других норм практической деятельности. Таким образом, понятие "криминалистика" охватывает как существующую и специфическую форму практики, так и науку, являющуюся ее отображением.

Понятие "криминалистическая практика" еще не получило в нашей литературе теоретического обоснования. Криминалистическая практика как одна из форм практики обладает как общими признаками, характерными для всех форм практики, так и специфическими признаками. Советские философы, раскрывая содержание понятия "практика", отмечают, что она складывается из деятельностей вступающих в нее видов и возникающих при этом общественных отношений. Существенным элементом практики является деятельность, однако не каждая деятельность входит в практику. Существуют две основные формы деятельности - практическая и теоретическая. Только практическая деятельность входит в понятие практики¹, а научная (теоретическая) деятельность охватывается понятием "наука". Поэтому нельзя согласиться с Р.С.Белкиным в том, что существует практика криминалистических научных исследований.² К криминалистическим научным исследованиям термин "практика" не применим. В то же время Р.С.Белкин не признает в качестве самостоятельной формы практики криминалистическую практику. Он признает наличие различных форм практики: практику доказывания, включающую в себя следственную, судебную, экспертную практику и частично - практику предотвращения преступлений, а также оперативно-розыскную практику. Все эти виды практики Р.С.Белкин объединяет обратительным понятием - практика борьбы с преступностью. В данном перечне не упоминается криминалистическая

¹ И.Элез. Категория практики в трудах К.Маркса. - В кн.: Практика и познание. М., 1973, с.51.
² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с.122-123

практика, поскольку, по мнению Р.С.Белкина, криминалистические средства и методы входят составной частью в другие формы практики.

По нашему мнению, нет оснований отрицать наличие операционной формы практики - криминалистической практики.

Структура криминалистической практики отражается в системе науки криминалистики. Каждый из разделов криминалистики отражает одну из сфер криминалистической практики. В науке все эти три раздела излагаются последовательно, в реальной действительности указанные три сферы криминалистической практики находятся между собой в отношении соподчинения, при котором каждая последующая сфера включает в себя предыдущую. Криминалистическая техника как сфера действительности (техничко-криминалистическая деятельность и технико-криминалистические отношения) входит в сферу криминалистической тактики. Результатом технико-криминалистической деятельности следователя (суда) является различные материальные следы, выявленные в процессе этой деятельности. По поводу этих материальных следов следователь вступает в отношения с другими лицами, которые могут объяснить происхождение этих следов и их связь с расследуемым преступлением (допрос, предъявление для опознания, назначение экспертизы и т.д.). Это уже сфера криминалистической тактики. Единство двух сфер - криминалистической техники и криминалистической тактики - применительно к судебному исследованию каждого вида преступлений составляет криминалистическую методику, а единство всех форм криминалистических методик - криминалистическую практику.

Обратимся к понятиям "криминалистическая деятельность" и "криминалистические отношения". Мы не можем согласиться с высказанным в литературе мнением, отрицающим наличие криминалистической деятельности. Оспариваемая нами точка зрения исходит из того, что "принято различать формы деятельности по борьбе с преступностью лишь по характеру их правового регулирования". С этой точки зрения, существует оперативно-розыскная, процессуальная и административно-правовая форма деятельности, но не криминалистическая форма деятельности. Любая из названных форм деятельности может рассматриваться в криминалистическом аспекте постольку, поскольку

она допускает применение для ее осуществления криминалистических средств и приемов.¹ В данном случае Р.С.Белкин, на наш взгляд, не учитывает возможностей различных подходов к деятельности и ее формам, а также наличие разных классификаций форм деятельности. Авторы, обратившиеся к изучению структуры профессиональной деятельности следователя различают в его деятельности различные формы. Так, например, В.Д.Васильев различает реконструктивную, поисковую, удостоверительную, организационную, коммуникативную и другие формы деятельности.² Мы не беремся судить, насколько полно выражена здесь профессиональная деятельность следователя, но автор вполне справедливо различает разнообразие форм деятельности, в том числе и такие, которые не являются предметом правового регулирования. Тот или иной аспект деятельности следователя (или суда) есть не что иное, как одна из форм деятельности. вполне справедливо рассматривают расследование преступлений И.М.Лузгин - как познавательную деятельность³, а И.Я.Фридман - как профилактическую деятельность.⁴

Понятие "криминалистическая деятельность" не отрицает, а предполагает уже сложившиеся понятия "средства", "приемы" и "методы". Оперирование ими вполне правомерно. Однако в ряде случаев нужны более широкие и синтезирующие понятия: технико-криминалистическая, тактико-криминалистическая и криминалистическая деятельность.

О тактике как практической деятельности пишут М.П.Шаламов⁵ и Г.Г.Зуйков.⁶ Не применяя специального термина "тактико-криминалистическая деятельность" они, тем не менее

¹ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1977, т.1, с.35.

² Васильев В.Д. Структура профессиональной деятельности следователя. - Вопросы совершенствования предварительного следствия. Д., 1971, с.18-31.

³ Лузгин И.М. Логика следствия. М., 1976, с.5.

⁴ Фридман И.Я. Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики. - Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1971, вып.8, с.103.

⁵ Криминалистика/Под ред.С.П.Митревича и М.П.Шаламова. М., 1966, с.278.

⁶ Криминалистика/Под ред.Р.С.Белкина и Г.Г.Зуйкова. М., 1970, т.2, с.8.

рассматривают криминалистическую тактику как форму практической деятельности. В 1974 году, на всесоюзной конференции криминалистов в Алма-Ате, А.И.Винберг уже применял термин "тактико-криминалистическая деятельность". Не служит ли это очевидным примером совершенствования понятийного и терминологического аппарата криминалистики?

Криминалистическая тактика — это не только совокупность осуществляемых следователем приемов и методов (линия поведения). Это также линия поведения и других лиц, взаимодействующих со следователем. В частности, определенной линии поведения на допросе придерживается не только следователь, но и допрашиваемое лицо. Более того, в зависимости от линии поведения допрашиваемого складывается и линия поведения следователя. Тактику допроса невозможно объяснить, если оставить в стороне без рассмотрения поведение допрашиваемого. В связи с этим А.И.Винберг вполне обоснованно отметил, что в предмет криминалистической тактики должны включаться закономерности тактической деятельности в условиях двусторонней борьбы, связи и отношения между сторонами в процессе их борьбы. Поэтому вызывает недоумение позиция тех авторов, которые относят к предмету криминалистики определенные закономерности, признают, что такими закономерностями являются сущностные связи и отношения, призывают к изучению этих отношений и в то же время не считают необходимым выделить эти общественные отношения, отделить их от других и обозначить их определенным термином. Таким термином, на наш взгляд, является термин "криминалистические отношения".

Как известно, В.И.Ленин понятие тактика связывал с отношениями, складывающимися в процессе практической деятельности. Проводя различие между программой и тактикой партии, В.И.Ленин отмечал, что "программа определяет общие, основные отношения рабочего класса к другим классам. Тактика — частные и временные отношения".¹ В данном случае речь идет о политических отношениях. Однако не подлежит

¹ Ленин В.И. — Пересмотр аграрной программы рабочей партии. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 250.

осмысливая то, что В.И. Ленин под тактикой понимал такие временные отношения, которые определяются сложившейся ситуацией и взаимной позицией взаимодействующих сторон. По-видимому, нет оснований отрицать присущих понятию "криминалистическая тактика" определенных тактико-криминалистических отношений, содержанием которых является технико-криминалистическая деятельность взаимодействующих сторон.

Понятие "криминалистические отношения" как синтезирующее технико-криминалистические и тактико-криминалистические отношения, относится к третьему разделу криминалистики - криминалистической методике.

Дальнейшее развитие отстаиваемых нами положений состоит в том, чтобы раскрыть природу криминалистических отношений и их отличие от уголовно-процессуальных. Основное различие между ними мы усматриваем в том, что криминалистические отношения по своему существу являются познавательными отношениями, а уголовно-процессуальные - доказательственными отношениями. Или - применяя другую терминологию, во выражая по существу ту же мысль: криминалистика имеет дело с закономерностями познания в судебном исследовании, а наука уголовного процесса - с закономерностями доказывания в судебном исследовании. В этом мы видим решение затянувшихся дискуссий о соотношении криминалистики и уголовного процесса. На пути к решению этого вопроса большое значение имеет дальнейшее развитие и совершенствование понятийного аппарата криминалистики. Сопоставление предметных областей криминалистики и уголовного процесса возможно лишь в том случае, если отражающие их понятия также будут сопоставимы.

Р.Г.ДОМБРОВСКИЙ, канд.юрид.наук
ЛГУ им.П.Стучки (Рига);
В.К.СМИЛГАЙНИС
ЛГУ им.П.Стучки (Рига)

ФОРМА, СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ ТАКТИКИ ДОПРОСА

Вопросы тактики допроса в криминалистической литературе рассмотрены достаточно широко. Однако нельзя не отметить ряд пробелов в теоретическом обобщении накопленного научного материала. Противоречивы взгляды криминалистов на форму и содержание допроса, его сущность. Так, одни авторы получение сведений о расследуемом преступлении от допрашиваемого считают сущностью допроса (А.Н.Васильев), другие — его содержанием (А.Б.Соловьев). Высказывается и иное мнение: сущностью тактики допроса является психологическое воздействие на допрашиваемого (Г.Г.Доспулов). Отсутствие единого мнения относительно содержания допроса приводит к тому, что отдельные процессуальные, психологические, этические приемы допроса некоторыми криминалистами механически переносятся в криминалистику и включаются в понятие тактики допроса. Остается дискуссионным вопрос о классификации тактических приемов допроса. Авторы учебников и монографий приводят несовпадающие перечни тактических приемов допроса, что свидетельствует об отсутствии классификации тактических приемов допроса, удовлетворяющей теорию и практику.

Не подлежит сомнению то, что все аспекты допроса (процессуальный, криминалистический, психологический, этический, организационный и др.) взаимосвязаны и взаимообусловлены, но это не означает, что форма и содержание, явление и сущность каждого из этих аспектов совпадают.

Предметом нашего рассмотрения является криминалистический аспект допроса, иными словами, тактика допроса, т.е. форма и содержание тактики допроса, ее сущность, а также классификация тактических приемов допроса.

Первый вопрос, который мы выносим на обсуждение, — классификация тактических приемов допроса. Имеющиеся в литературе высказывания по целому ряду причин не могут быть признаны убедительными. Одна из них заключается в том, что не-

которые из приемов допроса, именуемые тактическими приемами допроса, фактически таковыми не являются. В частности, не являются тактическими приемами допроса анализ показаний допрашиваемого и планирование допроса¹, детализация показаний с последующим их сопоставлением с имеющимися в деле материалами², а также некоторые другие. Очевидно, что анализ показаний допрашиваемого, сопоставление показаний с другими материалами дела представляет собой исключительно мыслительную деятельность следователя. В то же время тактика допроса — это линия поведения следователя на допросе, духовно-практическая деятельность, т.е. единство практической и мыслительной деятельности. Тактика допроса — это не только оценка сложившейся на допросе ситуации и принятие тактического решения, но и осуществление принятого тактического решения в виде совокупности тактических приемов. По этой причине не может быть признано тактическим приемом допроса его планирование. Независимо от того, изложен ли план допроса на бумаге или следователь доверяет своей памяти, такой план остается идеальной моделью предстоящего допроса и, в частности, избранной следователем тактики допроса. Планирование тактики допроса, анализ показаний допрашиваемого, сопоставление его показаний с другими фактическими данными — это только внутренняя, духовная сторона тактики допроса, которая не составляет всего ее содержания. Тактика допроса включает в себя также практическое общение следователя с допрашиваемым. Было бы неправильным все тактические приемы допроса разделять на практические и мыслительные, ибо каждый тактический прием — единство мыслительной и практической деятельности.

Выслушивание свободного рассказа допрашиваемого так же, на наш взгляд, не может быть признано тактическим приемом допроса потому, что понятие тактики всегда предполагает

¹ Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений., М., 1970, с.8

² Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978, с.136.

ет активность следователя на допросе. Тактика допроса состоит в воздействии на допрашиваемого, а не в пассивном выслушивании его (в этом случае активна лишь мыслительная деятельность следователя). В противном случае следователь превращается в пассивного участника допроса, роль которого сводилась бы к протоколированию того, что допрашиваемый желает сообщить следователю.

Некоторые авторы относят к тактическим такие приемы допроса, которые фактически являются психологическими, а не криминалистическими. В 1960 г. Л.Б.Филонов и В.И.Давыдов предложили классификацию приемов допроса обвиняемого.¹ Эта классификация не выдержала проверку времени и один из ее авторов - В.И.Давыдов - отказался от нее. В дальнейшем В.И.Давыдов стал различать три группы тактических приемов допроса обвиняемого: 1) приемы, воздействующие на определенные индивидуальные свойства личности обвиняемого; 2) приемы, воздействующие на психологические состояния допрашиваемого; 3) приемы, направленные на создание нужных следователю представлений.²

Классификацию тактических приемов допроса обвиняемого, во многом близкую приведенной, предложил В.Кисляков.³ Не вдаваясь в детальный анализ классификаций тактических приемов допроса, предложенных названными авторами и некоторыми другими, отметим, что подобные классификации тактических приемов по существу тактическими (криминалистическими) не являются. Указанные классификации приемов допроса являются психологическими и их следует разрабатывать в рамках науки судебной психологии, а не криминалистики. Не

¹ Филонов Л.Б., Давыдов В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого. - Вопросы философии. 1960, № 6.

² Давыдов В.И. К вопросу о классификации в пределах применения тактических приемов допроса обвиняемого. - В кн.: Актуальные проблемы правовой науки. М., 1970, с.226-232.

³ Кисляков В. Тактические приемы допроса обвиняемого. - В кн.: Вопросы предварительного следствия. Ростов н/Дону, 1967.

случайно упомянутая нами статья Л.Б.Фиданова и В.И.Давыдова была опубликована в журнале "Вопросы психологии" под названием "Психологические приемы допроса обвиняемого". Однако в дальнейшем многие из приемов допроса, названных в данной статье, стали выдаваться за криминалистические приемы допроса. В частности, В.И.Давыдов, подразделяя тактические приемы допроса обвиняемого на три группы, в основные этой классификации положил их целевое назначение. Так, в соответствии с подработками В.И.Давыдова, приемы, воздействующие на психологическое состояние допрашиваемого, своим целевым назначением имеют создание и снятие эмоционального напряжения допрашиваемого.¹ Желает того В.И.Давыдов или нет, он незаметно для себя пришел к выводу, что целью тактики допроса обвиняемого является не получение правдивых и полных показаний, а достижение определенного психологического состояния допрашиваемого.

Одна из основных характеристик тактики допроса состоит в ее познавательной направленности. Тактические приемы допроса направлены на познание обстоятельств, известных допрашиваемому лицу. Сторонники психологизации тактических приемов допроса по существу отказываются от этого фундаментального положения криминалистики. Они классифицируют тактические приемы допроса не по внешним признакам (постановка вопросов, предъявление доказательств) и не по их целевой направленности (помочь обвиняемому дать полные и развернутые показания или изменить его отношение к предъявленному обвинению и склонить его к даче правдивых показаний), а совершенно по иным основаниям. В работах многих авторов вместе с классификацией тактических приемов допроса приводится классификация психических состояний допрашиваемого. Без сомнения, представляет научный интерес исследование психических состояний следователя, обвиняемого или свидетеля во время допроса, однако эти исследования должны проводиться в рамках науки судебной психологии, а не

¹ Давыдов В.И. В вопросе о классификации и пределах применения тактических приемов допроса обвиняемого, с.229-231.

криминалистики. В противном случае криминалистические проблемы допроса заменяются в криминалистике психологическими. Криминалистика использует достижения других наук, в том числе и судебной психологии, вырабатываемые криминалистикой рекомендации учитывают выводы психологии. Но это не должно вести к психологизации криминалистического учения о тактике допроса, к механическому переносу психологических понятий в криминалистику. Следует огласиться о Б.Н.Звонковым в том, что многие понятия психологии без всякой к тому нужды и без уяснения их содержания непродуманным образом вносят в криминалистику ("эмоциональный психологический эксперимент", "использование и поддержание эмоциональной напряженности" и др.).¹

Многие годы в криминалистической литературе господствовало мнение, что в своей основе все тактические приемы допроса можно подразделить на две группы: постановку вопросов допрашиваемому и предъявление допрашиваемому доказательств. По этому поводу В.И.Каминская писала в 1960 году: "Искусство допроса обвиняемого состоит в сущности из двух элементов: правильного использования доказательств, которыми располагает следователь, и правильной, продуманной постановки обвиняемому вопросов и правильной определенности их последовательности".² И это действительно так. Каждый из известных в настоящее время следственной практике и науке криминалистике тактических приемов допроса может быть по своему существу сведен к одному из двух приемов: предъявлению доказательств или постановке вопросов. Двучленная систематизация тактических приемов допроса, казалось бы, недостаточно совершенна т.к. не учитывает последовательность допроса нескольких обвиняемых, время и место проведения допроса. Однако это не так. Двучленная классификация тактических приемов допроса не только не исключает,

¹ Звонков Б.Н. Проблемы этики и психологии расследования. - В кн.: Актуальные проблемы государства и права. Краснодар, 1976, с.127.

² Каминская В.И. Показание обвиняемого в советском уголовном процессе. М., 1960, с.105.

а предполагает определенную последовательность допроса нескольких лиц, время и место проведения допроса. Разумеется, в первую очередь следователь допросит обвиняемого, склонного дать правдивые показания, и эти показания будут использованы при допросе других обвиняемых (в форме постановки вопросов или в форме предъявления доказательств). Таким образом, последовательность допроса нескольких лиц, время и место проведения допроса фактически выступают предпосылками (условиями) успешного проведения допроса.

Шагом вперед в систематизации тактических приемов допроса явилось предложение Л.М. Карнеевой различать две ситуации допроса: допрос в условиях конфликтной и в условиях бесконфликтной ситуации. Соответственно различаются и тактические приемы допроса.¹ Точку зрения Л.М. Карнеевой разделяет и Г.Г. Доспулов.²

Предложенные Л.М. Карнеевой и Г.Г. Доспуловым классификация тактических приемов внешне выглядят стройными, но при ближайшем рассмотрении они оказываются несостоятельными. Так, в предложенной Л.М. Карнеевой классификации имеются два недостатка. Во-первых, на допросе в условиях бесконфликтной ситуации среди прочих приемов Л.М. Карнеева называет "постановку вопросов, детализирующих, конкретизирующих поясняющих показания" и в то же время в этой ситуации не назван такой тактический прием, как предъявление доказательств. На допросе в условиях конфликтной ситуации Л.М. Карнеева основными считает тактические приемы, связанные с предъявлением доказательств, и в то же время здесь отсутствует указание на постановку вопросов допрашиваемому. Вполне понятно, что как постановка вопросов допрашиваемому, так и предъявление ему доказательств возможны в обеих ситуациях.

Второй недостаток предложенной Л.М. Карнеевой классификации состоит в том, что названные ею тактические приемы не исключают друг друга. Например, как самостоятельные тактические приемы называются: (1) постановка вопросов допраши-

¹ Карнеева Л.М. Тактические приемы допроса обвиняемых. - Труды ВШ МВД СССР. М., вып. 32, 1971, с. 172-173.

² Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976, с. 56.

чаемому; (2) создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя. На первый взгляд, это различные тактические приемы. Однако в дальнейшем Л.М.Карнеева признает, что следователь создает у допрашиваемого преувеличенное представление о собранных им по делу доказательствах путем выяснения не основных, а второстепенных деталей происшедшего события и это создает у допрашиваемого представление о том, что все остальное следователю уже известно.¹ Выясняются же второстепенные обстоятельства происшествия путем постановки вопросов. Постановка вопросов, таким образом, является тактическим приемом, а создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя - результатом применения тактического приема в виде постановки вопросов допрашиваемому. Два названных Л.М.Карнеевой тактических приема не исключают друг друга и соотносятся между собой как действие следователя (постановка вопросов) и его результат - психическое состояние допрашиваемого (наличие у него определенных представлений). Более того, если проанализировать другие приведенные Л.М.Карнеевой тактические приемы допроса, то окажется, что все они в конечном счете являются модификациями одного из двух тактических приемов: постановки вопросов или предъявления доказательств.

По нашему мнению, целесообразно различать две тактики допроса: тактику допроса в условиях бесконфликтной ситуации и тактику допроса в условиях конфликтной ситуации. Однако разделение на две группы всех тактических приемов в зависимости от того, в каких условиях проводится допрос, на наш взгляд, неправомерно, так как в результате такого деления в одну группу объединяются, различные, несовпадающие тактические приемы допроса. Следует прийти к выводу, что не только при допросе обвиняемого, но и при допросе подозреваемого, потерпевшего или свидетеля, независимо от сложившейся ситуации - конфликтной или бесконфликтной, - применяются одни и те же тактические приемы: постановка вопросов и предъявление доказательств. Разумеется, тактика

¹ Карнеева Л.М. Тактические приемы допроса обвиняемых, с. 177.

допроса в условиях конфликтной ситуации и тактика допроса в условиях бесконфликтной ситуации различны. Различие между ними следует усматривать в направленности применяемых приемов. В условиях, когда допрашиваемый намерен давать правдивые показания, тактические приемы направлены на то, чтобы помочь ему вспомнить и последовательно изложить все, что ему известно по расследуемому делу. В условиях, когда допрашиваемый не желает давать правдивых показаний, те же тактические приемы имеют другую направленность: изменить его позицию по делу и склонить его к даче правдивых показаний.

В тактике допроса следует различать как форму, так и ее собственное содержание. Содержанием тактики допроса всегда является активность следователя на допросе, т.е. воздействие следователя на допрашиваемого.

Как уже отмечалось, допрашиваемый может занять двойную позицию по делу. В первом случае, когда допрашиваемый намерен говорить правду, форма воздействия на него — помочь вспомнить и последовательно изложить все известное ему по делу. В связи с этим нельзя согласиться с высказываемым иногда в литературе мнением, что тактика имеет место лишь в тех видах практической деятельности, которые связаны с сопротивлением, противодействием, борьбой (А.Г.Лекарь, Р.К.Безруких). Оказание помощи добросовестному допрашиваемому, несомненно, составляет тактику допроса, и в то же время здесь в условиях бесконфликтной ситуации нет элементов противоборства.

Во втором случае, когда допрашиваемый, явившись на допрос, не имеет намерений говорить правду, формой воздействия следователя на допрашиваемого является изобличение его во лжи и склонение к даче правдивых показаний.

Таким образом, содержанием тактики допроса выступает воздействие на допрашиваемого, которое осуществляется в двойной форме: (1) в форме оказания помощи допрашиваемому вспомнить и изложить все, что ему известно по делу и (2) в форме изобличения допрашиваемого во лжи и склонении его к даче правдивых показаний.

В свою очередь, оказание допрашиваемому помощи и изобличение его во лжи осуществляется в двойной форме: в форме

постановки вопросов и в форме предъявления доказательств. Схематически изложенное можно изобразить следующим образом (см. схему). Иными словами, оказание помощи допрашиваемому, с одной стороны, выступает как форма воздействия следователя на допрашиваемого и соотносится с ним (т.е. воздействием) как форма и содержание. С другой стороны, оказание помощи допрашиваемому в изложении показаний является содержанием, имеющим соответственно две формы: постановку вопросов и предъявление доказательств.

Форма и содержание допроса

воздействие на допрашиваемого

в бесконфликтной ситуации

в конфликтной ситуации

оказание помощи допрашиваемому полно и последовательно изложить все известные ему обстоятельства

изобличение допрашиваемого во лжи и склонение его к даче правдивых показаний

постановка вопросов

предъявление доказательств

постановка вопросов

предъявление доказательств

Точно так же склонение допрашиваемого к даче правдивых показаний является формой воздействия следователя на допрашиваемого и соотносится с ним как форма и содержание. Склонение допрашиваемого к даче правдивых показаний как содержание выступает в двух формах - постановки вопросов и предъявления доказательств.

Налицо диалектика формы и содержания в тактике допроса: переход содержания в форму и наоборот.

Применительно к тактике допроса необходимо также различать явление и сущность. А.Н.Васильев и некоторые другие авторы сущностью допроса считают получение от допрашиваемого сведений о расследуемом преступлении, его обстоятельствах и участниках с занесением этих сведений в протокол

допроса,¹ Г.Г. Доспулов, как уже отмечалось ранее, сущность допроса считает психологическое воздействие на допрашиваемого.²

Ни с одним из указанных мнений, на наш взгляд, согласиться нельзя. Сущностью тактики допроса нельзя считать получение показаний т.к. получение показаний – сообщение допрашиваемым сведений и выслушиванием их следователем – это не сущность, а явление. Сущность, учит марксизм, не лежит на поверхности, она скрыта за явлением, а этим явлением выступает воздействие на допрашиваемого и его выслушивание.

Расследование преступлений, рассматриваемое в криминалистическом аспекте, – это процесс познания. Фактические данные устанавливаются путем производства следственных действий, в том числе и показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. В частности, обвиняемый может сообщить следователю о таких обстоятельствах расследуемого преступления, которые известны только ему.

Сущностью тактики допроса является познание следователем обстоятельств расследуемого преступления. Тактические приемы допроса носят ярко выраженный познавательный характер. Допрос обвиняемого не теряет своего познавательного характера даже в тех случаях, когда обвиняемый не признает себя виновным в предъявленном обвинении и не дает правдивых показаний. Даже в этих случаях, выслушивая объяснения обвиняемого на заданные ему вопросы и по поводу предъявленных доказательств, следователь имеет возможность проверить и оценить все те фактические данные, которыми он располагал до допроса.

Неправомерен и вывод о том, что сущность тактики допроса заключается в психическом воздействии следователя на допрашиваемого. Поскольку речь идет о сущности тактики до-

¹ Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с.5.

² Доспулов Г.Г. Понятие, структура и психологические механизмы воздействия тактических приемов допроса. – Ученые записки Казахского гос.ун-та, 1970, вып.3, с.31.

проса, то эту сущность надо искать в действиях следователя, а не в психике допрашиваемого, не в процессах, проходящих в голове допрашиваемого и допрашивающего. Получение следователем на допросе новых, ранее ему не известных фактических данных — это результат правильно избранной тактики допроса.

Таким образом, тактика допроса, являясь по своей сущности познавательным актом следователя, представляет собой воздействие на допрашиваемого в виде оказания ему помощи в изложении показаний либо в изобличении допрашиваемого во лжи и склонении к даче правдивых показаний, проявляющееся в постановке вопросов и предъявлении доказательств.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ДОПРОСЕ ОБВИНЯЕМОГО

Одна из наиболее важных задач при подготовке допроса обвиняемого — это планирование допроса. При этом особое внимание надо уделять планированию предъявления доказательств, а также их подготовке для предъявления обвиняемому. Планированием допроса определяется, какие именно доказательства и в каком порядке нужно предъявить обвиняемому. Так, например, если изобличению обвиняемого могут способствовать показания свидетелей А., Б. и В., то протоколы допросов этих свидетелей будут объектами подготовки предъявления доказательств. Планирование допроса и тщательная подготовка доказательств, предназначенных для предъявления в процессе допроса, направлены на достижение положительных результатов допроса.

Доказательства, собранные в процессе расследования уголовного дела, различны по своему содержанию и значению. Поэтому, приступая к планированию предъявления доказательств обвиняемому, нужно установить и оценить значение каждого доказательства в отдельности, исходя из его возможности содействовать установлению истины. Под оценкой доказательств в широком смысле следует понимать интеллектуальную деятельность, тесно связанную с практическими действиями следователя по сбору и процессуальному закреплению сведений о фактах, которые могут иметь значение по делу. При оценке отдельных доказательств выясняется также их связь с другими имеющимися доказательствами для решения вопроса о возможности использования их при допросе обвиняемого.

Проверка доказательств неотделима от их оценки, так как эти два действия тесно взаимосвязаны. Проверке подлежат не любые факты, но только процессуально фиксированные, т.е. доказательства в процессуальном смысле. В оценке доказательств находит выражение тезис В.И.Ленина о путях познания истины: "от живого созерцания к абстрактному мышлению

и от него к практике".¹ Считая практику критерием истины, В.И. Ленин указывает, что проверка выводов на практике является целью познания. Следовательно, именно проверка доказательств может обеспечить их правильную оценку.

Следователь оценивает доказательства в их совокупности по своему внутреннему убеждению на основании обстоятельств дела, установленных всесторонне, полно и объективно, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, не устанавливая априори доказательственную силу того или иного доказательства.

Доказательственное значение тех или иных доказательств зависит от их количества, разносторонности, конкретности, их относительно редкой встречаемости, их достоверности.² Эти факторы должны быть учтены при планировании предъявления доказательств, а также при подготовке их для этого действия. Количество и разносторонность собранных доказательств обеспечивают получение более полных сведений о совершенном преступлении, одновременно создавая возможности получения обширной информации при допросе обвиняемого; конкретность доказательств способствует более полному и детальному установлению обстоятельств расследуемого преступления, а, следовательно, наиболее точному и полному установлению истины.

Относительно редкая встречаемость некоторых доказательств может вызвать к ним пристальный интерес как следователя, так и обвиняемого. Поэтому в системе доказательств такие доказательства занимают особое место.

Достоверность доказательств подлежит проверке. Она осуществляется путем выяснения процессуальных, психологических и ряда иных вопросов как в отношении применяемых средств доказывания, так и источников доказательств. Характер доказательств и их физическая природа представляет значительный интерес в плане наглядности в их влиянии на результат допроса.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 153.

² Дряпкина Л.Я. Построение и проверка следственных версий. Автореф. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1972. с. 144-147.

Для целенаправленного планирования предъявления доказательств необходимо, в первую очередь, располагать ясным представлением о ситуации предстоящего допроса и о конкретных целях предъявления доказательств обвиняемому. Далее необходимо решить, какие именно доказательства следует предъявить, и предусмотреть, в пределах возможного, какие тактические приемы предъявления доказательств будут более всего способствовать установлению обстоятельств, имеющих значение по делу. Одновременно необходимо продумать способ подготовки доказательств для предъявления.

Как видно, в связи с предстоящим предъявлением доказательств следователю приходится решать комплекс разных вопросов. Это обстоятельство обуславливает необходимость соответствия письменного плана допроса обвиняемого, предусматривающего предъявление доказательств по любому делу. План допроса способствует также лучшей ориентации следователя в материалах дела.

В необходимых случаях следователь, допрашивая обвиняемого, может сверяться с планом, уточняя, на какой странице уголовного дела содержатся необходимые данные. Наличие имеющегося у следователя плана убедит допрашиваемого в том, что его дело детально изучено следователем, и он полностью ориентируется во всех материалах.

Необходимость составления письменного плана допроса обвиняемого обусловлена также сложностью и значением этого следственного действия. На наш взгляд, форма плана может быть следующей.

План допроса обвиняемого по делу № ...

О каком эпизоде следует допросить ?	Какие обстоятельства следует выяснять?	Какие вопросы следует задать?	Какие доказательства следует предъявить?	Какие приемы предъявления следует применить?	Страницы дела, на которых содержится доказательство?
-------------------------------------	--	-------------------------------	--	--	--

Перечень эпизодов обычно следует начинать с тех, по которым имеется наибольшее число доказательств. С целью про-

верки правдивости показаний сначала следует предусмотреть те вопросы, которые в процессе расследования выполнены наиболее полно. Если предусматривается предъявление доказательств, то соответствующий вопрос должен быть с ним увязан. Вопросы надо формулировать таким образом, чтобы вызвать имя внимание обвиняемого, одновременно демонстрируя при их помощи осведомленность следователя в обстоятельствах дела.

Если ко времени допроса имеются достаточно полные данные, можно располагать вопросы в хронологическом порядке в такой последовательности, в которой развивалось событие преступления, т.е. вначале задавать вопросы, относящиеся к обстоятельствам, предшествовавшим преступным действиям, далее - вопросы об их непосредственном осуществлении, а затем - о событиях, последовавших за ним.

Развитие событий следует выяснять и в тактической последовательности. Такая последовательность предусматривает выяснение, в первую очередь, тех обстоятельств, о которых допрашиваемый рассказывает более охотно. Для этого нужно детально ознакомиться с предыдущими показаниями обвиняемого и с его объяснениями, данными до возбуждения уголовного дела.

В разделе плана, отведенного для перечня доказательств, предвзначенных для предъявления в процессе допроса, эти доказательства следует перечислять в определенной последовательности. Ввиду того, что между задаваемыми вопросами и предъявлением доказательств по ходу допроса существует тесная взаимосвязь, то предъявление доказательств также надо планировать с учетом их хронологической, логической и тактической последовательности.

Предъявление доказательств в их хронологической последовательности можно применять в следственной ситуации, создавшейся в связи с признанием обвиняемым своей вины, для получения развернутых и детальных показаний.

Можно также предусмотреть предъявление доказательств в их логической последовательности, т.е. таким образом, чтобы каждое последующее доказательство проистекало из предыдущего и не было бы без него обоснованным, приобретая

значении только во взаимосвязи с прочими доказательствами. Мы полностью разделяем точку зрения Н.И.Порубова, полагающего, что сумма несданных фактов обычно не дает желаемого необличающего эффекта; однако те же обстоятельства, объявляемые в определенной последовательности, подводят допрашиваемого к выводу, что его разоблачение неотвратимо, что правдивые показания стали неизбежными.¹

Распределение в плане допроса предъявляемых доказательств в их правильной последовательности — работа чрезвычайно сложная, так как при составлении плана следователь может только приблизительно предопределять ту реальную ситуацию, которая образуется при предстоящем допросе. Поэтому целесообразно составить план допроса в нескольких вариантах, предусматривая его разные ситуации.

Планируя предъявление некоторых доказательств, на наш взгляд, не было бы правильным руководствоваться только мнением следователя о значении отдельных доказательств. Надо принимать во внимание и то, какое впечатление предъявляемые доказательства могут произвести на обвиняемого.

В криминалистической литературе зачастую применяется обозначение "самые важные" и "менее важные доказательства".² Известно, однако, что никакие доказательства не обладают заранее установленной силой. Распределение доказательств на "самые важные" и "менее важные" отражает только субъективную точку зрения следователя по конкретному делу. Обвиняемый, которому доказательства предъявляются, может воспринять и оценить их иным, даже противоположным образом. Поэтому, планируя предъявление доказательств обвиняемому, следует руководствоваться в основном тем, как эти доказательства могут быть восприняты обвиняемым.

Существенное значение имеет вопрос о включении в план допроса приемов, применяемых для предъявления доказательств

¹ Порубов Н.И. Логика допроса. — В кн.: Проблемы криминалистической тактики. Труды Омской высшей школы милиции. 1973, вып.16, с.147.

² См.: Кертан И. Тактика и психологические основы допроса. М., 1965, с.116; Карацев К.М. Основные процессуальные и криминалистические положения допроса обвиняемого. Алма-Ата, 1969, с.102.

Рекомендуются в основном два приема. Один из приемов заключается в предъявлении доказательств в нарастающей последовательности их доказательственного потенциала. В соответствии со вторым тактическим приемом предъявление доказательств нужно начинать в обратном порядке, т.е. с самых значительных.¹

Некоторые ученые усматривают три приема предъявления доказательств, а именно: в нарастающей последовательности их доказательственного значения; в противоположной последовательности, т.е. начиная предъявление с самого весомого доказательства; одновременное предъявление всех доказательств в их совокупности.²

А.Н.Васильев и В.А.Прутузова, признавая существование трех приемов предъявления доказательств, указывают, что на практике встречаются и более сложные формы предъявления

¹ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965, с.234; Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971, с.91; Шайкин Л.Р. Допрос обвиняемого. - В кн.: Настольная книга следователя. М., 1949, с.299-300; Порубов Н.И. Допрос подозреваемого и обвиняемого. - В кн.: Криминалистика. М., 1968, с.410; Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с.162; Карнеева Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого М., 1962, с.83; Карнеева Л.М. Допрос. - В кн.: Криминалистика. М., 1963, с.326; Бадкин Р.С. Тактика допроса. - В кн.: Криминалистика. М., 1974, с.324; Фахрутдинов К.К. Расследование отдельных видов преступлений. Казань, 1974, с.72; Селиванов Н.А. Вещественные доказательства. М., 1971, с.139.

² Васильев А.Н. Основы следственной тактики. Дис. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. М., 1960, с.417; Васильев А.Н. Прутузова В.А. Допрос. - В кн.: Криминалистика. М., 1963, с.402-403; Васильев А.Н. Тактические приемы допроса обвиняемого и подозреваемого. - В кн.: Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с.134-137; Васильев А.Н., Прутузова В.А. Тактика допроса. - В кн.: Криминалистика. М., 1971, с.373; Сыров А.П. Проблемы научных основ тактики следственных действий. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1968, с.363, 364; Степанов В.В. Расследование взяточничества. Саратов. 1966, с.99 в др.

совокупности доказательств, когда следователь излагает обвиняемому всю картину совершенного преступления и различные сопутствовавшие ему события, таким образом убеждая обвиняемого в тлетности дальнейшего заперательства.¹

Таким образом, помимо рутинных приемов предъявления доказательств, могут применяться и различные иные приемы и формы этого тактического действия.

В.С. Комарков распределяет приемы предъявления доказательств на пять групп следующим образом: 1) по характеру использования доказательств на предварительном следствии (предъявление доказательств в процессе одного или нескольких допросов); 2) по характеру группировки доказательств в зависимости от их взаимосвязи (предъявление каждого доказательства отдельно взятого, предъявление комплекса взаимосвязанных доказательств или всей системы доказательств в комплексе); 3) по характеру демонстрации доказательств (ссылка на имеющиеся доказательства, перечисление доказательств с указанием их источников; предъявление всех доказательств полностью; преднамеренно "случайное" предъявление доказательств с предоставлением обвиняемому возможности ознакомиться с ними; привлечение особого внимания к тем признакам предъявленного объекта, которые свидетельствуют о его связи с событием преступления); 4) по последовательности предъявления доказательств (предъявление доказательств в порядке нарастания их доказательственного значения, или же в обратной последовательности); 5) по характеру допрашиваемых обстоятельств, усиливающих воздействие предъявленных доказательств на допрашиваемого (внезапность предъявления доказательств, предъявление их после предварительного допроса о связанных с ними обстоятельствах, разъяснение значения предъявленных доказательств, предъявление их с одновременным описанием события и обстоятельств преступления).²

¹ Васильев А.Н., Притузова В.А. Допрос.- В кн.: Криминалистика. М., 1963, с.403.

² Комарков В.С. Тактика предъявления доказательств на допросе обвиняемого. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1973, с.107-108.

В данной классификации приемов предъявления доказательств, предложенной В.С.Комарковым, на наш взгляд, обозначение "приемы" относится в разным понятиям. Так, например, характер использования доказательств, упомянутый в первой из пяти групп, отнесен к приемам. При этом В.Комарков руководствуется тем, представляются ли доказательства в процессе одного или нескольких допросов. Представляется, что предъявление доказательств на одном или нескольких допросах отнюдь не говорит о применении различных приемов. Такой характер использования доказательства не является приемом как таковым, но лишь обращает внимание на то, будут ли доказательства предъявлены в течение нескольких допросов или одного из них. Следственная практика не разделяет тактические приемы допроса на предназначенные для применения в течение одного допроса или, наоборот, на протяжении нескольких.

Иное значение имеет вопрос о том, какую тактику следует избрать, используя доказательства в процессе одного или нескольких допросов. В таком случае тактика предъявления доказательств зависят от того, будут ли доказательства предъявляться на одном допросе или же в процессе нескольких допросов.

Нельзя также присоединяться к мнению В.С.Комаркова в отношении распределения приемов предъявления доказательств по характеру дополнительных обстоятельств этого тактического действия, отнесенных автором к пятой группе. В этой группе объединены обстоятельства, разные по характеру, а поэтому не подлежащие объединению в одну группу.

Остальные дополнительные обстоятельства, отнесенные В.С.Комарковым к пятой группе в качестве усиливающих воздействие доказательств на допрашиваемого, не следовало бы выделять как специальные приемы предъявления доказательств.

Резюмируя сказанное о применяемых в процессе допроса обвиняемого приемах предъявления доказательств, необходимо повторно отметить, что следственной практике известны не два или три таких приема, а значительно больше.

На основании изученной следственной практики приема предъявления доказательств по ходу допроса обвиняемого можно распределить на три группы. В первой группе следует

объединить, исходя из взаимосвязи предъявляемых доказательств, следующие приемы:

- предъявление каждого доказательства в отдельности;
- предъявление отдельного комплекса взаимосвязанных доказательств;
- предъявление всей совокупности доказательств в целом.

Во второй группе надо отметить, исходя из их тактической последовательности приемов, следующее:

- предъявление доказательств в последовательности определенной их возрастающим доказательственным значением, начиная с наименее значительных;
- предъявление доказательств в последовательности, определенной их убывающим доказательственным значением, начиная с наиболее значительных.

В третьей группе мы объединяем приемы предъявления доказательств, исходя из объема доказательств:

- предъявление отдельных доказательств полностью;
- предъявление фрагментов доказательств.

Следует отметить, что воздействие предъявленных доказательств на обвиняемого могут усилить разные приходящие обстоятельства, такие, как внезапность и неожиданность этого тактического действия, паузы демонстрации отдельных доказательств, момент, избранный для предъявления, предъявление доказательств якобы "случайно", предъявление доказательств с предоставлением обвиняемому возможности изучить их, с одновременным разъяснением доказательных свойств предъявленных объектов, предъявление доказательств одновременно с постановкой вопроса, предъявление доказательств в непосредственной связи с вопросом об обстоятельствах, взаимосвязанных с предъявленным объектом и многие другие обстоятельства. Их, однако, нельзя считать приемами предъявления доказательств. В то же время, намечая использование конкретных приемов предъявления доказательств во время вопроса обвиняемого, следователь учитывает различные дополнительные обстоятельства, усиливающие воздействие этих приемов на допрашиваемого. Из этого следует, что приемы и обстоятельства предъявления доказательств взаимосвязаны, что создает возможность применения разных модификаций этого тактического действия.

Приемы предъявления доказательств, в зависимости от тактики, избранной в этой связи, фиксируются в плане допроса обвиняемого. Одновременно планом предусматривается наиболее рациональный момент предъявления, а именно: одновременно с соответствующим вопросом, после того как он задан или же после получения на него ответа обвиняемого.

Планируя допрос, чрезвычайно важно предварительно выяснить, следует ли допросить обвиняемого одновременно по всему объему предъявленного обвинения или же надо предусмотреть возможность повторных допросов. В.С. Комарков указывает, что один из допросов может обладать подготовительным характером (выяснение обстоятельств прежней жизни обвиняемого), может быть нацеленным на установление с ним психологического контакта или на выяснение степени его информированности о имеющихся доказательствах. Один из последующих допросов может быть, наоборот, основным, наиболее емким по кругу выясняемых вопросов.¹

Следует присоединяться к мнению В.С. Комаркова, что возможны несколько допросов обвиняемого, один из которых будет подготовительным. Такой допрос, однако, не может ограничиться темами, перечисленными данным автором, — выяснением обстоятельств прежней жизни обвиняемого, формированием психологического контакта с ним и выяснением степени его информированности. Думается, что помимо этих тем подготовительный допрос, если таковой состоится, надо посвящать выяснению отношения обвиняемого к предъявленному обвинению установить все необходимые данные о личности обвиняемого, выслушиванию его показаний по существу предъявленного обвинения, предоставив ему для этого возможность.

По выполнении этих целей допроса следователь может прервать его, а выяснению всего комплекса вопросов, связанных с предметом доказывания, посвящать один из последующих допросов.

¹ Комарков В.С. Тактика предъявления доказательств на допросе обвиняемого. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1973, с.107-108.

Перерывы, отделяющие эти допросы друг от друга, следователь может с успехом использовать для дополнения плана допроса обвиняемого с целью дальнейшей детализации и большего углубления этого документа.

Таким образом, в зависимости от избранной следователем тактики допроса обвиняемого, можно предусмотреть несколько допросов, причем первый из них может иметь, так сказать "разведывательный" характер.

Разумеется, что при любой действительной необходимости в повторном допросе должен быть составлен его дополнительный план, предусматривающий, в свою очередь, если это вызывается тактическими соображениями, и предъявление доказательств.

В процессе расследования могут быть собраны разные доказательства: заключения экспертов, вещественные доказательства или их модели, микроследы или микрочастицы в качестве вещественных доказательств, показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, протоколы различных следственных действий. Кроме того, по делу могут фигурировать приложенная к протоколам следственных действий (планы, схемы, а также фото- и киноснимки, диапозитивы, звуко- и видеозаписи, различные макеты и муляжи). Как свидетельствует следственная практика, при планировании предъявления доказательств обвиняемому следователь учитывает и их физическую природу, так как от этого зависит и тактика предъявления доказательств, и организационные мероприятия.

В плане тактики предъявления доказательств и иллюстрирующей их приложений особенности предъявления обусловлены не только тем значением, которым она обладает по конкретному делу, но особенно их образно-визуальным и словесно-акустическим воздействием. Планируя предъявление доказательств, необходимо предусмотреть тактику, обеспечивающую максимальную наглядность доказательств, для достижения наиболее эффективного воздействия их на обвиняемого. Наиболее эффективна тактика, способная обеспечить максимальную самоочевидность предъявленного доказательства, если принять во внимание тот факт, что зрительные анализаторы человека об-

ладают пропускной способностью, в это раз превышающей пропускную способность анализаторов слуховых.¹

Планируя предъявление заключения эксперта, не следует предусматривать зачитывание вслух обвиняемому акта экспертизы. Этот документ следует предоставлять для детального ознакомления самому обвиняемому, включая таким образом зрительные анализаторы в восприятие им доказательственной информации. В восприятии обвиняемого заключение эксперта обычно является особым рядом доказательств, так как в большинстве случаев заключение эксперта не вызывает у обвиняемого сомнений в его обоснованности и в его доказательственном значении. Поэтому обвиняемый, как правило не оспаривает акта экспертизы. Таким образом, акт экспертизы является одним из наиболее действенных элементов тактики предъявления доказательств обвиняемому. Разумеется, что тактически оправданное предъявление обвиняемому заключения эксперта ни при каких обстоятельствах не должно влиять на процессуальные права обвиняемого, установленные уголовно-процессуальными нормами в связи с назначением и производством экспертизы в процессе предварительного следствия (ст. 188 УПК ЛатвССР).

Если в процессе расследования было произведено несколько экспертиз, то их одновременное предъявление в рамках одного допроса не будет целесообразным, особенно в ситуации, когда обвиняемый дает ложные показания или от дачи показаний отказывается. В таких случаях предъявление прочих экспертных заключений, имеющихся в деле, следует отложить, перенося их на последующие допросы.

При планировании предъявления вещественных доказательств, надо исходить из их особого доказательственного значения. Если вещественное доказательство явилось предметом экспертного исследования, предъявление соответствующего заключения эксперта должно следовать за предъявлением

¹ Сухотин А.К. Психологический анализ емкости знания. Томск, 1968, с.10.

обвиняемому самого вещественного доказательства. Если налицо несколько вещественных доказательств, то следует решить вопрос о тактически оправданной последовательности и о наиболее действенном способе их предъявления. Одновременно должен быть продуман вопрос о наиболее целесообразном способе и порядке размещения предъявляемых вещественных доказательств; при этом следует обеспечить их полную сохранность.

При предъявлении вещественных доказательств в некоторых случаях в качестве дополнительного воздействующего момента, усиливающего эффективность предъявления, может служить и то обстоятельство, что обвиняемый обычно старается скрыть, спрятать или уничтожить вещественные слезы и улики своего преступного действия, прилагая максимальные усилия к тому, чтобы сделать их недоступными для следователя.

Модели вещественных доказательств, такие, как слепки и оттиски различных следов, предъявляются самостоятельно; непосредственно за ними предъявляются протоколы тех следственных действий, в процессе которых данные следы были обнаружены, изъяты и фиксированы в моделях. При наличии в деле соответствующего заключения эксперта следует предусмотреть последующее предъявление и этого доказательства.

В следственной практике в качестве вещественных доказательств встречаются также микрочастицы и микроследы. Если они обнаружены следователем, то целесообразной представляется такая последовательность их предъявления: вначале планируется предъявление протоколов следственных действий, фиксирующих обнаружение таких частиц и следов; затем предъявляется постановление следователя о назначении соответствующей экспертизы, чем подчеркивается продуманность усилий следователя, направленных на объективное исследование этих доказательств; заключение эксперта предъявляется последним. Предъявление самих микрочастиц в большинстве случаев излишне или даже невозможно, например, в тех случаях, когда они являются составной частью объекта исследования эксперта, будучи обнаруженными в волосах, ткани, почве и т.д.

При наличии в деле нескольких вещественных доказательств не рекомендуется предъявлять их обвиняемому сразу.

Необходимо учитывать естественное снижение способности обвиняемого к перенасыщенному восприятию, поэтому следует предъявлять ему вещественные доказательства постепенно, в течение нескольких допросов.

Планируя предъявление свидетельских показаний, в первую очередь следует решать вопрос последовательности предъявления тех или иных показаний. Этому вопросу следует уделять особое внимание, так как в отличие от прочих видов доказательств, следователь обычно располагает значительным числом свидетельских показаний.

В первую очередь можно планировать предъявление показаний очевидцев события преступления или отдельных его стадий. Далее можно перейти к предъявлению показаний тех свидетелей, в отношении которых следует полагать, что обвиняемый их опровергать не станет.

Составляя план предъявления показаний потерпевшего, необходимо взвесить ряд специфических особенностей, присущих этому виду доказательств, а именно: характер взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего; роль потерпевшего в осуществлении обвиняемым преступных действий; позицию потерпевшего, занимаемую им на предварительном следствии; оценку потерпевшим преступных действий и их последствий для потерпевшего и иные особенности, присущие показаниям этого участка процесса. Надо принимать во внимание и то обстоятельство, что показания потерпевшего обычно не лишены значительной субъективной окраски.

В каждом конкретном случае особому осуждению подлежит использование показаний одного обвиняемого в процессе допроса другого. Предварительно необходимо полностью убедиться в несомненной правдивости соответствующих показаний.

Особое внимание нужно уделять планированию предъявления приложений к протоколам отдельных следственных действий, содержащих данные о тех или иных фактах, имеющих доказательственное значение по делу.

При предъявлении этих материалов обвиняемому сообщается обширная визуальная информация, обусловленная их повышенной наглядностью. Эти материалы охватывают более широкий круг визуально воспринимаемых сведений о фактах, чем их

способны дать протоколы следственных действий. Информацию, содержащуюся в фотоснимках, кинофильмах, диапозитивах, видеозаписи, в схемах и планах, можно использовать для предъявления всем обвиняемым. Предъявление этих материалов можно планировать отдельно, т.е. независимо от предъявления протоколов соответствующих следственных действий, отражающих техническую сторону получения этих материалов.

Звукозапись в качестве такого вспомогательного материала обладает повышенным акустически-словесным воздействием в момент ее воспроизведения. Так, например, при воспроизведении звукозаписи показаний очевидца события преступления возможно более полное воздействие на допрашиваемого обвиняемого, чем при предъявлении ему протокола показаний этого свидетеля. Однако и в данном случае следует предварительно выяснить характер взаимоотношений, существовавших между свидетелем-очевидцем и обвиняемым и исключаящих заявление обвиняемого о наличии оговора.

Демонстрация обвиняемому звукозаписи показаний потерпевшего целесообразно приурочить к особенностям отдельных следственных ситуаций. Воздействие воспроизведения звукозаписи показаний потерпевшего наиболее эффективно в тех случаях, когда обвиняемый и потерпевший знакомы между собой. В таких ситуациях обвиняемый, воспринимая голос потерпевшего, узнает его, слышит характерные речевые интонации и обороты знакомого ему лица. Акустически-словесное воздействие звукозаписи при таких обстоятельствах, естественно, возрастает.

Воспроизводить звукозаписи показаний обвиняемого следует в тех случаях, когда им даны правдивые показания хотя бы в отношении одного факта или одного эпизода. Это воспроизведение звукозаписи показаний обвиняемому может иметь особое значение в тех случаях, когда допрашиваемый с соответствующим обвиняемым знаком, может узнать его голос, а поэтому может убедиться в том, что воспроизводимые показания даны именно этим лицом. Такое воспроизведение звукозаписи показаний обвиняемого может побудить обвиняемого дать правдивые показания. Следственная практика, однако, свидетельствует о том, что положительный результат

макет быть достигнут лишь при условии безупречного качества звукозаписи и ее воспроизведения.

При планировании предъявления обвиняемому звукозаписи показаний следует решить также вопрос о наличии или отсутствия необходимости предъявления обвиняемому также и протокола соответствующего следственного действия.

Планируя предъявление приложений к протоколам отдельных следственных действий, содержащих данные о фактах, имеющих доказательственное значение (особенно тех, которые получены с применением технических средств), необходимо предусмотреть использование соответствующей аппаратуры и подготовить помещение, приспособленное для демонстрации.

Планируя предъявление доказательств, нужно ввести вопрос о дополнительных возможностях применения макетов, способствующих выяснению или уточнению механизма или ситуации совершенного преступления. Макеты, воспроизводящие в масштабе место происшествия, могут визуальным способом повысить эффективность предъявления корреспондирующих им доказательств.

Уже до допроса обвиняемого следователь должен разрешить один из более важных вопросов, а именно: как охранять доказательства, подлежащие предъявлению, предотвратить их повреждение или уничтожение. Следственной практикой известны попытки отдельных обвиняемых уничтожить доказательства, имеющиеся в деле.

Вопрос о подготовке доказательств в более широком плане в криминалистической литературе не рассматривается. Упоминаются лишь отдельные примеры уничтожения обвиняемыми важных доказательств.¹ Причем чрезвычайно редко рекомендуются меры, предотвращающие возможность уничтожения или порчи доказательств. Так, А.Р.Ратинов указывает, что предъявляемые документы можно поместить под настольным стеклом; возможно также их предъявление в фотокопиях или же с участием второго следователя.²

¹ Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Мюнх., 1973, с.224-225.

² Ратинов А.Р. Тактика допроса. - В кн.: Криминалистика. М., 1970, т.2, с.148.

Решая вопрос об обеспечении сохранности доказательств, предотвращая их уничтожение или порчу, нельзя забыть, что любое действие следователя обвиняемый воспринимает со своей позиции. Поэтому и в данном случае не следует создавать впечатления, что следователь не доверяет обвиняемому или даже опасается его. С этой точки зрения имеются возражения против рекомендации помещать документы, предназначенные для предъявления, под стекло. Такую меру, конечно, можно истолковать как проявление опасений следователя, допускающего мысль об уничтожении документа допрашиваемым. Кроме того, такой прием не применим к документам с двусторонним текстом.

Нерационально также участие второго следователя при предъявлении доказательств, так как тактические соображения говорят против присутствия при допросе третьих лиц, процессуально не участвующих в этом следственном действии.

Доказательства могут быть самыми разнообразными, поэтому их казуистический перечень и классификация были бы нереальными. Надо исходить из того, существует ли фактическая возможность их уничтожения или порчи, как и учитывать вероятность их использования для нападения на следователя. Уничтожить при рассматриваемых обстоятельствах огнестрельное оружие, ножи, топоры, обувь, предметы одежды и другие вещи, изготовленные из прочного материала, невозможно или крайне затруднительно.

Если по делу в качестве доказательства фигурируют предметы, повредить или уничтожить которые несложно, а также удобно применять для нападения на следователя, то необходимо иметь заменяющие их фотоснимки. Это же относится к вещественным доказательствам, которым угрожает быстрая порча.

Вещественные доказательства, а также их модели, которые можно испортить или уничтожить, желательно хранить и закреплять в специальной упаковке — коробке, позволяющей осмотреть хранящийся в ней предмет, не извлекая его. Такой способ подготовки вещественных доказательств к их предъявлению в известной степени может оградить их от порчи или уничтожения.

При демонстрации звукозаписи или видеозаписи аппаратура должна находиться вне сферы досягаемости обвиняемого, на-

Пример, на отдельном столе, помещенном за столом следователя. Для демонстрации диапозитивов и кинолент нет необходимости в специальном помещении, поэтому в большинстве случаев такая демонстрация возможна в рабочем кабинете следователя. При этом следователь все же вынужден уделять внимание технической процедуре, отвлекаясь от внимания, уделяемого обвиняемому. Поэтому, в зависимости от обстановки, окажется необходимой помощь техника или лаборанта.

Приступая к допросу обвиняемого, рекомендуется материалы дела пронумеровать и систематизировать, однако не подшивая или брошюруя их. Такой порядок хранения материалов дела обладает многими преимуществами, как в плане удобного практического оперирования ими, так и с точки зрения позитивного психического воздействия на обвиняемого.

Пронумерованные материалы дела становятся для следователя легко обозримыми и удобными для использования. Для соблюдения предусмотренной последовательности допроса в его плане отмечаются номера листов, на которых содержатся или отражены соответствующие доказательства. Целесообразно также помечать необходимые листы особыми закладками, освобождаясь таким образом от необходимости каждый раз сверяться с планом.

Распределение доказательств в особом порядке может также оказать положительное влияние на обвиняемого, наглядно убеждая его в том, что следователем проделана тщательно продуманная планомерная работа побору и систематизации доказательств. Демонстрация работы следователя убеждает обвиняемого в том, что следователь внимательно изучил материалы дела и досконально подготовился к допросу и может подчинить показания обвиняемого порядку, предусмотренному и установленному следователем.

Необходимо также продумать способ упорядочения доказательств, а в случае необходимости - и их фотоснимков. Доказательства, предназначенные для предъявления, следует размещать с таким расчетом, чтобы не отвлекать внимание обвиняемого. Это будет целесообразным и в отношении тех доказательств, о существовании которых обвиняемому уже известно.

Завершая рассмотрение планирования предъявления дока-

зательств и их подготовки для предъявления, надо отметить, что планирование предъявления доказательств в рамках планирования допроса обвиняемого, а также подготовка доказательств для их тактически оправданного предъявления способствует эффективному использованию доказательств в процессе допроса обвиняемого.

В.К.КУДРЯШОВ

Ленинградский государствен-
ный университет им.А.А.Жданова
(Ленинград)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА "ВРАЧЕБНЫХ"
ДЕЛ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИИ, ДОПУСКАЕМЫХ
МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Методика расследования преступлений в значительной степени определяется их криминалистической характеристикой. В ее содержании большинством криминалистов традиционно включаются данные, касающиеся личности преступника, способа совершения преступления, предмета посягательства и личности потерпевшего. К элементам криминалистической характеристики принадлежит и предмет доказывания конкретной категории преступлений, так как "любое решение вопроса неизбежно приводит либо к неполноте криминалистической характеристики, в которой не отражаются какие-то элементы предмета доказывания, характеризующие преступление именно в криминалистическом аспекте, либо к дублированию содержания этих двух структурных элементов методики".¹ Обстоятельства, подлежащие доказыванию возрастает вместе с движением дела. Так, например, в стадии возбуждения уголовного дела должны быть установлены лишь обстоятельства, предусмотренные в п.1 ст.68 УПК РСФСР: событие преступления, его место, время и другие обстоятельства совершения преступления. В процессе расследования дела подлежат доказыванию виновности обвиняемого, мотивы преступления и обстоятельства, указанные в пп.3 и 4 ст.68 УПК РСФСР.

При конструировании криминалистической характеристики конкретных преступлений, видимо, нельзя обойти и вопросы уголовно-правового значения. К ним в первую очередь следует отнести квалификацию правонарушения.

¹ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1979, т.3, с.202-203.

Преступные нарушения профессиональных обязанностей медицинскими и фармацевтическими работниками состоят в неокказании медицинской помощи и ненадлежащем ее оказании. Основой подобного объединения является сходство таких важных элементов их криминалистических характеристик, как субъекты преступления (медицинские и фармацевтические работники), особенности предмета доказывания, своеобразия личности потерпевшего (больной) и др.

Понятие "профессиональные обязанности" включает в себя и "служебные обязанности", но первое шире второго. Различия между ними заключаются в следующем: 1) основным служебных обязанностей является трудовой договор лица с администрацией соответствующего учреждения. Основанием же возникновения профессиональной обязанности служит обладание определенными профессиональными знаниями, удостоверенными в установленном законом порядке (диплом врача и др.); 2) выполнять служебные обязанности может лишь лицо, занимающее определенную должность в том или ином медицинском учреждении. Выполнение профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи от служебной деятельности не зависят; 3) служебные обязанности ограничены служебным временем и местом работы медицинского работника, они должны соответствовать его специальности и занимаемой должности. Профессиональные обязанности не ограничены временем и не зависят от специальности, должности, места работы. Врач или другой медицинский работник во всех случаях обязан оказывать неотложную медицинскую помощь в том объеме, какой соответствует его профессиональным знаниям. Указанные отличия одинаково важны как при квалификации преступного неокказания медицинской помощи, так и в случаях ненадлежащего ее оказания.

По поводу квалификации рассматриваемых преступлений высказывались различные мнения. Например, предлагалось исключить из УК статью об ответственности за неокказание медицинской помощи.¹ Другие вносили предложение о введе-

¹ См.: Малес В.Г. Уголовная ответственность врачей.- Право и жизнь, 1926, № 1, с.18-19.

нии в уголовный кодекс статьи об ответственности медицинских работников за ненадлежащее оказание медицинской помощи.¹ Основанием для второго предложения выдвигалось несоответствие квалификации указанного правонарушителя специфике медицинской деятельности. И по сей день отсутствует единообразие в судебной практике в отношении влечения привлечения к уголовной ответственности медицинских работников. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу врача М. одним из оснований отмены постановления Президиума Ленинградского городского суда, которым был отменен оправдательный приговор Красносельского районного народного суда в отношении М., указала, что последний работал в больнице рядовым врачом, в связи с чем он не может нести ответственность как должностное лицо по ст.172 УК РСФСР.² В этом же году в другом районе были привлечены к уголовной ответственности по ст.172 УК врачи Т. и Ч., хотя Ч. являлась рядовым врачом.³ Помимо указанной статьи, правонарушения медицинских работников квалифицируются и по другим статьям. Например, К., работавшая в одной из больниц г.Ленинграда, осуждена по ст.106 УК РСФСР.⁴

Представляется, что явилось бы целесообразным установление уголовной ответственности за нарушение профессиональных обязанностей не только медицинскими и фармацевтическими работниками, но и другими специалистами, ибо проблема ответственности врачей за вред, причиненный при лечении, есть часть общей проблемы уголовной ответственности за вред, причиненный при выполнении профессиональных или служебных обязанностей.⁵

¹ См.: например: Дембо Г. Ответственность врача в его профессиональной деятельности. - В кн.: Судебная ответственность врачей. Л.-М., 1926, с.67-68; Брусиловский А.Е., Левин А.М. Медицинские ошибки по судебным материалам. Харьков, 1930, гл.8. и др.

² См.: Архив Красносельского районного народного суда г.Ленинграда за 1978 год.

³ См.: Архив Волховского районного народного суда Ленинградской области за 1978 год.

⁴ См.: Архив Ленинского районного народного суда г.Ленинграда за 1979 год.

⁵ См.: Шаргородский М.Д. Преступление против жизни и здоровья. М., 1947, с.227.

Круг лиц, обязанных оказывать медицинскую помощь, по-разному определяется в УК союзных республик. Так, УК РСФСР, Молдавской, Таджикской, Армянской, Туркменской, Латвийской и Литовской республик предусматривают ответственность лиц, указанных в законе или специальных правилах. Эти уголовные кодексы содержат требование оказания медицинской помощи, хотя специально не говорят о лицах медицинского персонала. УК остальных союзных республик определяют субъект преступления более четко, говоря о лицах медицинского персонала. Поскольку данная норма носит отсылочный характер, то для уточнения круга субъектов ответственности необходимо обращаться к другим нормативным актам. Основы законодательства о здравоохранении СССР и соответствующие статьи законов о здравоохранении союзных республик обязывают оказание медицинской помощи возлагает на медицинских и фармацевтических работников. В связи с этим следует поддержать предложение о внесении соответствующих изменений в статьи УК союзных республик, указав в них на обязанность оказания медицинской помощи больному медицинскими и фармацевтическими работниками. Этим будут исключены возможные ошибки в определении субъекта ответственности.¹ Уточнение круга субъектов содержится в Положениях о профессиональных обязанностях и правах работников учреждений здравоохранения по отдельным специальностям: врач, фельдшер, акушерка и медицинская сестра. Необходимо отметить также то обстоятельство, что субъектами оказания медицинской помощи являются медицинские работники, как занимающиеся, так и не занимающиеся практической лечебной деятельностью. Ранее это касалось только практических работников.²

¹ См.: Дягель П.С., Улицкий С.Н. Совершенствование законодательства по охране здоровья населения. - Советское государство и право. 1971, № 7, с.104.

² СУ РСФСР 1924 г., № 68, п.8, с.892.

Для криминалистической характеристики представляют интерес данные о круге тех медицинских работников, против которых возбуждались уголовные дела. В него входят: хирурги (39,4%), акушеры-гинекологи (22,5%), терапевты (19,15%), невропатологи (4,0%), врачи скорой помощи (3,4%), педиатры (2,6%), средний медицинский персонал (1,4%), фармацевты (0,45%), врачи санитарно-эпидемиологической службы (0,15%), стоматологи (0,45%).¹ Аналогичное соотношение отмечалось и ранее.²

В соответствии с предметом доказывания по указанной категории дел выяснению подлежат: а) неправильность или несвоевременность проведенных в отношении больного медицинских мероприятий с точки зрения их соответствия основным общепризнанным и обязательным правилам, выработанным медициной, а для состава преступления по ст. 128 УК РСФСР — отсутствие медицинских мероприятий без уважительных на то причин и при наличии угрозы для жизни и здоровья больного; б) наступление общественно опасных последствий в виде смерти или серьезного ущерба здоровью пациента; в) причинная связь между указанными действиями (бездействием) медицинского работника и названными последствиями; г) наличие вины медицинского работника; д) выявление причин условий, способствовавших совершению преступления.³ В делах о не оказании медицинской помощи усилия следователя должны быть направлены на выяснение данных о поведении виновного и о возможности предотвращения неблагоприятных последствий при своевременном оказании медицинской помощи. При ненадлежащем оказании медицинской помощи важно выяснить, соответствует ли действия медработника требованиям науки и практики медицины, а также и возможность предотвращения неблагоприятных последствий при правильности указанных действий. Во всех случаях необходим анализ не только материала, касающегося данного дела, но и

¹ Судово-медицинская наука в практике здравоохранения и эпидемиологии. Минск, 1979, с. 50 и др.

² См.: Борок И. Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. М., 1966, с. 50-51.

³ См.: Бердичевский Ф. Б. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970, с. 89.

"производственного профиля", т.е. всей деятельности врача.¹ Для этого выясняется его специальность, трудовой стаж, квалификация, количество проведенных операций, их исходы и т.п. Наряду с данными о комплектности медицинского работника необходимо собрать также данные о том, каково было его психофизическое состояние в момент ненадлежащего оказания медицинской помощи (например, усталость, болезнь).

Сведения о поведении медицинских работников, по существу, характеризуют способ совершения преступления. В настоящее время можно считать общепризнанным, что способ совершения преступления, как определенная форма поведения, присущ как умышленным, так и неосторожным преступлениям, так как это объективная характеристика действия (бездействия), не зависящая от того, в какой форме вины она проявляется.

Способ совершения преступления при неказании медицинской помощи может заключаться: а) в неявке к больному, например, по вызову или приглашению; б) в отказе принять больного в лечебное учреждение, куда он доставлен или явился сам; в) в неказании неотложной помощи больному, находящемуся в лечебном учреждении; г) в невызове специалиста в случаях некомпетентности врача из-за недостатка знаний или по другим причинам. Следует иметь в виду, что сам по себе факт явки врача к больному или принятие его в лечебное учреждение еще не свидетельствует об исполнении им своего долга, т.к. оказание медицинской помощи зависит от правильного диагноза и т.п.²

Разумеется, недостаточно установить факт приглашения к больному и отказ медицинского работника от явки или другие, перечисленные выше, действия. Учету подлежат конкретные обстоятельства дела, тщательному выяснению подлежат причины неисполнения профессионального долга.

¹ См.: Давыдовский И.В. Врачебные ошибки.- Советская медицина, 1941, № 3, с.3.

² См.: Горелик И.И. Классификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973, с.192-193, 195.

В делах о ненадлежащем оказании медицинской помощи большая трудность заключается в установлении причинной связи между действиями медработника и наступившими последствиями. С первого шага расследования важно установить непосредственную (биологическую) причину смерти и других последствий (изучить акт судебно-медицинского вскрытия трупа, протокол патологоанатомического исследования или окончательный диагноз заболевания по истории болезни). Далее выяснению подлежит вопрос о том, какое действие (бездействие) виновного обусловило конечный результат течения болезни пациента. Главным требованием здесь является учет всех возможных факторов, которые повлекли за собой болезненный процесс и неблагоприятный исход. Сведения о них можно получить из показаний медработников, проходивших по делу (виновный, участники ведомственных проверок, администрация лечебного учреждения, лица, производившие вскрытие трупа и др.), из заключения судебно-медицинской экспертизы.

К разряду существенных данных, которые должны быть представлены экспертной комиссии, а также должны учитываться следователем, относятся сведения об обстановке, в которой произошло преступное событие. К особенностям обстановки оказания медицинской помощи, результатом которой были неблагоприятные последствия, относятся: особенности места исследования, окружающей температуры, отсутствие необходимого оснащения, аппаратуры, вспомогательного персонала, недостаточность времени для проведения. Например, одной из наиболее частых причин неправильной диагностики является вынужденная кратковременность исследования, несовершенство методов исследования.¹ Анализируя обстановку оказания медицинской помощи, необходимо ознакомиться и с общей организацией ее в данном учреждении, с тем, чтобы

¹ См.: Шеголев П.Л. Экспертное значение причин ненадлежащего исследования больного при оказании ему помощи. - В кн.: Труды Астраханского медицинского института. - Астрахань, 1970, т. XX, с. 26.

различия, в чем проявилось наибольшее отклонение от обычных условий. Источниками сведений по интересующим вопросам являются показания свидетелей, виновных, медицинская документация (история болезни, операционный журнал и т.п.), заключение судебно-медицинской экспертизы.

Полный анализ обстановки и обстоятельств совершения преступления немаловажен без сведений о личности потерпевшего, которые являются составной частью криминалистической характеристики. Основанием для такого утверждения служат требования, содержащиеся в ст. 205 УПК РСФСР, согласно которой сведения о потерпевшем должны быть указаны в обвинительном заключении. Отсюда следует, как это правильно отмечалось в литературе, что "ненадлежащее поведение потерпевшего подлежит установлению и входит составной частью в предмет доказывания".¹ Объем сведений о личности потерпевшего, как представляется, нельзя ограничивать только данными, которые характеризуют личность потерпевшего в "виктимологической ситуации".² Справедливо, на наш взгляд, замечание о том, что эти сведения "могут касаться как собственных (внутренних) признаков потерпевшего, так и его окружения, связей и отношений с людьми".³

Сведения о личности потерпевшего в криминалистической характеристике преступных нарушений профессиональных обязанностей медработниками, помимо всего прочего, должны касаться состояния его здоровья до и после преступного события. Под состоянием здоровья человека как объекта защиты уголовным законом понимается его состояние в момент совершения преступления. Аномалии в организме человека не влияют на конструкцию и характер ответственности за преступления против здоровья.⁴

¹ Дубравкин В.А. Потерпевший на предварительном следствии. Саратов, 1966, с.35.

² См.: Франк Л.В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977, с.101.

³ Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. - Социалистическая законность, 1977, № 2, с.56.

⁴ См.: Загородняков Н.И. Преступления против здоровья. М., 1969, с.8-9.

Выяснению подлежат обстоятельства, препятствующие установлению показаний к оказанию медицинской помощи, а так же влияющие на исход ее оказания: атипичность патологического процесса, редкость, сочетание нескольких заболеваний или повреждений и т.д. Такие данные одинаково важны как в случае неоказания помощи, так и в случае ненадлежащего оказания таковой. Необходимо также установить наличие показаний к безотлагательному предоставлению медицинской помощи: опасное для жизни и здоровья состояние потерпевшего, угрожающего наступлением неблагоприятных последствий. Необходимые для этого сведения можно получить из показаний свидетелей, потерпевшего, виновного, из медицинской документации и из заключения экспертной комиссии. При выяснении этой группы обстоятельств особенно важны сведения о состоянии больного непосредственно до наступления неблагоприятного исхода. Так, по одному уголовному делу усилия следователя были направлены на установление состояния лица задолго до происшествия, в связи с чем затребовались данные из ряда лечебных учреждений, характеристики с места работы, жительства, допрашивались свидетели - очевидцы происшествия. Подозреваемое же лицо было допрошено спустя месяц после возбуждения уголовного дела, что существенным образом повлияло на качество и сроки расследования.¹

Столь же существенное значение имеют данные о поведении потерпевшего, что можно проиллюстрировать на следующем примере. Гр-н Д. был укушен собакой. Через несколько дней на поврежденном пальце был диагностирован панариций; предложена операция, от которой Д. категорически отказался, и несмотря на многократные предложения и разъяснения продолжал отказываться в течение двух недель. Когда согласие было получено, пришлось удалить полностью первую и головку второй фаланги, а через два месяца - вычленив всю

¹ См.: Архив Красносельского районного народного суда г. Ленинграда за 1978 год.

вторую фалангу. Оказавшись инвалидом, Д. все претензии предъявил хирургам, однако после судебно-медицинской экспертизы уголовное дело было прекращено.¹

К ненадлежащему поведению потерпевшего относятся: позднее обращение потерпевшего в лечебное учреждение, сокрытие данных анамнеза, неполное или неправильное их изложение, отказ или несвоевременное согласие потерпевшего при необходимости его транспортировки или направления в лечебное учреждение, отказ больного от предложенного метода лечения, отсутствие или несвоевременное согласие на операцию, нарушение режима, диеты, самолечение, применение "народных" средств. Значительно осложняет оказание медицинской помощи больному, находящемуся в состоянии опьянения. Подобные случаи могут явиться одной из причин возникновения у них повреждений или развития имевшихся заболеваний.

Сведения об указанных обстоятельствах можно получить из показаний самих потерпевших, свидетелей, виновных, а также из некоторых медицинских документов, например, из истории болезни.²

Только тщательное и всестороннее исследование всех указанных криминалистических сторон "врачебного" дела приводит к установлению истины совершенного преступления.

¹ См.: Эдель Ю.П., Марченко Н.П. К характеристике так называемых "врачебных" дел, возбуждаемых против хирургов. - В кн.: Сборник трудов научного общества судебных медиков и криминалистов. Алма-Ата, 1961, вып.4, с.139.

² См.: Крылов И.Ф. Врач и закон. Л., 1972, с.25.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. М.И.БЛУМ. Некоторые вопросы квалификации совокупности преступлений	3
2. А.М.НИЕДРЕ. Уголовно-правовое понятие повторности как разновидности множественности преступлений	13
3. А.А.РЕЙГАС. Некоторые вопросы совершенствования законодательства об ответственности за вред, причиненный при задержании преступника	29
4. У.Я.КРАСТИНЫШ. Вопросы совершенствования уголовного законодательства Латвийской ССР в области охраны природы	38
5. А.Л.ЦВЕТИНОВИЧ. О совершенствовании порядка исполнения наказания в виде лишения свободы	52
6. В.В.БИРКАВС, Л.М.ВУЛЬФСОН. Перспективы криминологической экспертизы в уголовном процессе	68
7. А.К.КАВАЛИЕРИС. О понятии тактики борьбы с преступностью	75
8. И.Г.ИНДУЛЕН. К вопросу о понятии криминалистической профилактики	82
9. Р.Г.ДОМБРОВСКИЙ. Совершенствование понятийного аппарата криминалистики	99
10. Р.Г.ДОМБРОВСКИЙ, В.К.СМИЛГАЙНИС. Форма, содержание и сущность тактики допроса	III
11. В.К.СМИЛГАЙНИС. Планирование и подготовка предъявления доказательств при допросе обвиняемого	122
12. В.К.КУДРЯШОВ. Криминалистическая характеристика "врачебных" дел и ее значение в методике расследования профессиональных правонарушений, допускаемых медицинскими работниками	141

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
Межвузовский сборник научных трудов

Редакторы С.Граужинис, Н.Сарамонова
Технический редактор Р.Домбровский
Корректор Р.Домбровский

Подписано к печати 19.09.1980. ЯТ 12334. Ф/с 60x84/16.
Бумага №1. 9,8 физ.печ.л. 9,1 усл.печ.л. 7,4 уч.-изд.л.
Тираж 290 экз. Зак.№ 1771. Цена 74 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19
Отпечатано на ротаприте, Рига 226050, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки